

НОВАЯ ПОЛЬША

№12⁽⁵⁹⁾

2004

Лешек Бальцерович МЫ ВЫБРАЛИСЬ ИЗ ТРЯСИНЫ

АРКАДИЙ РАЙКИН НАС ЗНАЛ И ЛЮБИЛ

Юзеф Хэн ИЗ СТАРОГО БЛОКНОТА

СТИХИ: Херберт, Ружевич, Ивашкевич

ПРОЗА: РОМАН ГРЕН

Из записных книжек майора Закирова

Кароль Тарновский КОМУ НУЖНА МЕТАФИЗИКА

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.nowpol.ru

«Новая Польша» в сети - это не только зеркало текущего номера.

В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 12(59)
2004
ДЕКАБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

МЫ ВЫБРАЛИСЬ ИЗ ТРЯСИНЫ 3
Беседа с профессором Лешек Бальцеровичем

Виктор Кулерский 10
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВОКРУГ КНИГИ «К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА» 16

Збигнев Флорчак
О ЕЗДЕ НА ВЕЛОСИПЕДЕ, или «К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА»

Александр Липатов
«К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА»

Юзеф Хэн 22
ИЗ СТАРОГО БЛОКНОТА

Олег Закиров 26
ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Станислав Балинский 29
ВАРШАВСКАЯ КОЛЯДА 1939 года

Тадеуш Ружевиц 30
СТИХИ

Роман Грен 32
ПРИЗНАНИЕ

К 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Збигнев Херберт 36
СТИХИ

Михаил Шоповалов 40
ДЫША ВОЗДУХОМ ОСТАФЬЕВА

ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ ЖУРНАЛОВ

СМЕЮЩИЙСЯ НАРОД — НЕШУТОЧНОЕ ДЕЛО 42
Беседа с Аркадием Райкиным

Мария Ивашкевич 45
СОЧЕЛЬНИК И ПРАЗДНИК
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В НАШЕМ ДОМЕ

Ярослав Ивашкевич 48
СТИХИ

Иоанна Подгурская 53
ВСЕ ЗВЕРИ МАГДЫ ШВАРЦ

Лешек Шаруга 57
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 60
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Янина Куманецкая 64
PRO MEMORIA

Александра Курчаб 65
ПОСЛУШАЕМ ЭТУ ПЛАСТИНКУ

ЭТОТ ОЧЕНЬ НЕПРОСТОЙ 66
КШИШТОФ ЗАНУССИ

Нина Горланова, Вячеслав Букур 69
ИВАН, ТЫ НЕ ПРАВ!

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 72

ЖАЖДА МЕТАФИЗИКИ 76
ПО-ПРЕЖНЕМУ СУЩЕСТВУЕТ
Беседа с профессором Каролем Тарновским

Переводчики: А.Ахматова, А.Базилевский, А.Бондарев, В.Британшский, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, А.Ройтман, С.Филипчук, Ю.Чайников, Е.Шиманская.
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 3, 66) Archiwum (стр. 45, 49, 76), Grzegorz Press (стр. 53, 54, 56), Muzeum Iwaszkiewiczow (стр.45)

Редационный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

МЫ ВЫБРАЛИСЬ ИЗ ТРЯСИНЫ

*Беседа с профессором Лешекком Бальцеровичем,
вице-премьером польского правительства в 1989-1991 и 1997-2001 гг.,
одним из «отцов» польских экономических реформ*

— 15 лет — это круглая дата. Стоило ли вообще заваривать кашу в 1989 году, чтобы сегодня видеть Польшу такой, какая она есть?

— А в какой ситуации была бы Польша, если бы она продолжала гнить в трясине социализма? Пример далеко искать не придется, он прямо за нашей границей — это Белоруссия. У любого человека, который хотя бы чуть-чуть знаком с польской историей, не может быть и тени сомнения, что с социалистической диктатурой порвать стоило. С точки зрения открывшихся перед нами возможностей, период после 1989 г. можно рассматривать как самый благоприятный в нашей истории за последние 300 лет. Проблема заключается не в том, что мы вообще начали реформы, а в том, что в нескольких ключевых пунктах не довели эти реформы до конца.

— Так что вы скорее удовлетворены достигнутыми результатами?

— Удовлетворен, но не до конца, потому что прекрасно понимаю, насколько ниже был бы уровень безработицы, если бы реформы не тормозились и нас не принуждали бы принимать порочные решения в социальной сфере. И все-таки я твердо знаю, что мне выпало участвовать в поистине исторических событиях. Когда в 80-е годы я изучал механизмы экономических успехов Южной Кореи или ФРГ, мне даже в голову не приходило, что все это может оказаться нужным на практике, а не в чистой теории. Поэтому я ощущаю себя избранныком судьбы.

— Несмотря на то, что ваша личность до сих пор вызывает столько негативных эмоций, а в опросах общественного мнения о доверии к политикам вы регулярно оказываетесь на последних местах?

— А на кого в последнем пятнадцатилетии больше всего был направлен непрекращающийся поток «черной пропаганды» — от националистического «Нашего дзенника» до коммунистической «Трибуны», — не говоря уже о пропаганде, распространяемой многими политическими деятелями? Благодаря тому, что я занимался историей реформ, я знаю, с каким невежеством и цинизмом приходится сталкиваться, если ты реформируешь собственную страну. Результаты опросов в СМИ и личные нападки никогда не влияли на принимаемые мною решения.

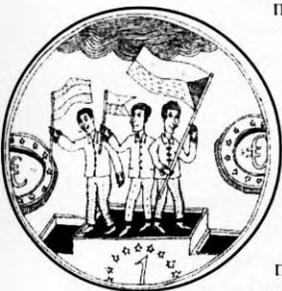
— Вы по-прежнему с трудом переживаете подобные нападки? Они вас задевают?

— Я научился наблюдать политическую жизнь глазами естествоиспытателя: в природе встречаются самые различные особи. Кроме того, всю эту «черную пропаганду», которую распространяют представители определенной части политической сцены, с лихвой компенсируют выражения признательности множества людей в Польше и во всем мире. Безграничный цинизм и невежество, проявляемые некоторыми участниками политической жизни в Польше, мне лично не доставляют особых переживаний, но они беспокоят меня по другой причине. Я боюсь, что люди в Польше позволят себя обмануть, обвести вокруг пальца, а потом будут об этом горько сожалеть. Вокруг нас непрерывно появляются все новые и новые клоны «бабки» Лукашенко.

ПОЛЬША, ЧЕХИЯ, ВЕНГРИЯ: МЫ В ПЕРВЫХ РЯДАХ

— Чего мы добились — мы, Польша, — за эти 15 лет? Где мы находимся по сравнению, например, с Венгрией или Чехией?

— Валовой внутренний продукт (ВВП) в Польше с 1989 по 2002 г. вырос на 30%. За этот же период в Словении он увеличился на 21%, в Венгрии — на 12%. Так что если говорить о ВВП, то мы являемся абсолютными лидерами. Аналогично обстоит положение с инфляцией. Здесь мы добились крупных успехов, начав с гораздо худшей исходной позиции, чем Чехия или Венгрия. Огромные успехи отмечены также в области здравоохранения, охране окружающей среды, высшем образовании и т.д.

— *Но уровень безработицы — это уже не наша сильная сторона.*

— Это правда, но привели к этому вовсе не реформы в направлении свободного рынка, а их отсутствие или даже то, что можно назвать «антиреформами»: чрезмерное государственное регулирование и непомерные обязательные отчисления на социальное страхование, ограничения в развитии рынка наемных квартир и т.п. Разумеется, нельзя забывать и о том, что в Польше в период преобразований отмечался более высокий, чем в других странах, прирост активной на рынке труда части населения в возрасте от 15 до 64 лет.

— *Венгрия и Чехия обогнали нас также по уровню иностранных инвестиций.*

— Самыми важными являются прямые иностранные инвестиции. В Чехии их консолидированный объем составляет 3700 долл. на душу населения. Это больше, чем в Чили. В Венгрии их уровень — 2100 долларов. В Польше — 1100 долларов на душу населения, то есть меньше, чем, например, в Словакии, Эстонии, Словении. В этом отношении мы находимся где-то на уровне Литвы.

— *Подобное соотношение не меняется годами. Почему?*

— Я думаю, это обусловлено тем, что в Польше масштаб приватизации не столь значителен. Чехия, например, продвинулась гораздо дальше нас в приватизации топливно-энергетического сектора, которая была там проведена с широким участием иностранного капитала. Кстати, можно отметить, что самая мощная волна приватизации в Чехии имела место в период правления социал-демократов, а не тогда, когда премьер-министром был Вацлав Клаус. В последние годы темпы приватизации в Польше явно замедлились, и я рад, что теперь это изменяется. Стоит также присмотреться, как польская политика влияет на восприятие нашей страны потенциальными инвесторами. Несомненное препятствие для притока зарубежных инвестиций — это состояние наших дорог. Литовцы и словаки улучшили качество дорог более существенно по сравнению с нами, потому что не в такой степени, как мы, «проедали» бюджетные средства.

— *Не связаны ли эти различия с тем, что наши политики слишком осторожничали — например, в отношении приватизации?*

— Реформы должны проводить политики крупного масштаба, заглядывающие далеко и не боящиеся восстать против себя различные группы давления. Таким политиком был, например, премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар, который ускорил развитие страны, мобилизуя людей перспективой вхождения в зону евро. Сегодня Испания в отношении бюджетной дисциплины выгодно отличается, например, от Германии.

— *Но где же найти этих политиков крупного масштаба? Вряд ли их в мире очень много...*

— Это зависит от того, как люди выбирают. Сегодня, например, можно с восхищением смотреть на Словакию. Она тащилась в самом хвосте стран, проводящих реформы, а благодаря премьер-министру Дзуринде и вице-премьеру Миклошу на глазах превратилась в лидера. Однако до этого Словакию возглавлял Мечар... Национальный характер словаков не изменился, изменились их политические решения. Радикальными реформаторами наверняка были те, кто возглавил реформы в странах Прибалтики, особенно в Эстонии и Латвии, а затем

— в Литве. Это были молодые люди, прочитавшие правильные и нужные книги. Они читали Хайека, читали труды классических либеральных экономистов. Большую, трудную и неблагодарную работу выполнил в Венгрии Лайош Бокрош, министр финансов в правительстве социалистов. А специалисты по «черному пиару» сделали из него чуть ли не злого демона...

МЫ В РЕГИОНЕ: ЕСТЬ И ТАКИЕ, ЧТО НАС ОПЕРЕЖАЮТ

— *Итак, экономические показатели свидетельствуют, что по сравнению с Чехией или Венгрией Польша выглядит неплохо. А на фоне всего нашего региона?*

— С точки зрения улучшения показателей жизненного уровня Польша — абсолютный лидер среди постсоциалистических стран. Однако стоит добавить, что некоторые страны бывшего СССР развиваются в последние годы быстрее, чем страны Центральной Европы. К ним относится, например,

Армения, где были проведены глубокие реформы, стимулирующие развитие экономики.

— *Но и бедных в Армении немало. В чем же тогда состоит преимущество этой новой экономической системы?*

— Уровень бедности — это наследие прошлого, а насколько быстро она будет сокращаться, зависит от качества этой системы. В Армении объем бюджетных расходов по отношению к ВВП почти вдвое ниже, чем в Польше. Благодаря этому у них и налоги вдвое ниже, и к тому же бюджет почти сбалансирован. Низок также уровень инфляции; значительно расширились границы экономической свободы. Я не знаю страны, которая была бы экономическим «тигром» при наличии подобного уровня государственных расходов, как в Польше. Среди стран Центральной Европы, пожалуй, Литва больше всего сделала для снижения налогового бремени и благодаря этому ускорила свой экономический рост. Добавлю, что все это происходило в период правления «социалиста» Бразаускаса.

— *А какие статьи бюджетных расходов урезала Литва?*

— Там были сокращены практически все налоги. Если бы такое проделать в Польше, то 9 из 10 экономистов наверняка сказали бы, что в долгосрочной перспективе это, пожалуй, и правильно, но в самом ближайшем будущем приведет к резкому падению потребительского спроса, а тем самым и к падению ВВП. Тогда как в Литве, а до этого в Эстонии и Латвии оказалось, что как раз вследствие резкого ограничения бюджетных расходов доверие и позитивные ожидания потребителей и инвесторов выросли настолько, что быстро увеличился и потребительский спрос и — в результате — ВВП. Проявился также эффект действия других механизмов, не «кейнсовского» типа. Это вытекает из последних исследований, проведенных Польским национальным банком. «Охлаждение» экономики, выражаясь языком демагогов, на самом деле оказалось ее «разогревом».

— *Далеко ли вперед продвинулась Польша по сравнению с другими странами в течение 15 лет реформ?*

— Колоссально, особенно по сравнению с тем, что делалось бы, если бы мы оставались погрязшими в трясины социализма. Наступили гигантские преобразования в области наших внешнеэкономических отношений. Надо только осознать, что мы экспортируем такое множество новых продуктов, которых не выдумал бы даже самый гениальный работник централизованного планирования. Не случайно Хайек говорил, что рынок — это механизм непрерывного открывательства. А кто делает эти открытия? Миллионы свободных людей, предпринимателей и творческих работников, открывают сегодня свои возможности. В этом и состоит преимущество рыночной экономики над экономикой порабощения.

— *И все же в оценке нашей действительности иногда встречаются предвзятые идеи.*

— В Польше совершается гигантская технологическая революция. Но так как не было обнародовано никакой правительственной программы закупки зарубежных лицензий, то многие этой революции даже не заметили. Нельзя смотреть только на показатели расходов на научные исследования и конструкторские разработки и беспокоиться, что мы расходует на них меньше, чем США.

Подобные сравнения в принципе некорректны, так как не учитывают различия в уровне развития различных стран. США — это мировой лидер. Они немногочисленны могут научиться у других и потому вынуждены больше тратить на исследования. При этом страны, стоящие на более низкой ступени развития, обладают более широкими возможностями применения знаний и технологий, почерпнутых извне, что дает им исторический шанс на ускоренное развитие. Этот шанс использовали все страны, преодолевшие свою технологическую отсталость — от Японии до Ирландии.

— *Пусть даже экономика и развивается, но в обществе (что все чаще у нас подчеркивается) наблюдается все более осязаемое неравенство.*

— Большее неравенство не всегда хуже, чем большее равенство. Разве наш идеал — это «уровниловка»? Кроме того, в прошлом многие проявления неравенства просто скрывались. Если же речь идет о дифференциации денежных доходов, то применяющийся в статистических исследованиях т.н. коэффициент Джини (описывающий степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между всеми жителями страны) показывает, что в постсоциалистических странах, достигших более интенсивного экономического роста, неравенство доходов растет медленнее.

Для примера: в Польше значение этого коэффициента возросло с 0,28 в 1987-1990 гг. (абсолютно равномерному распределению доходов соответствует значение 0, а максимальному неравенству — значение 1) до 0,33 в 1996-1998 гг., то есть незначительно. Более новых данных пока нет. На Украине же показатель неравенства вырос в это время с 0,24 до 0,47 при более медленном экономическом росте (а если говорить точнее — даже экономическом регрессе).

Так что ежедневные причитания СМИ, что в Польше резко растет социальное неравенство, имеют мало общего с результатами конкретных исследований. А уж полным абсурдом можно назвать бытующее мнение, что лучше согласиться на более медленный экономический рост, только бы при этом уменьшилось неравенство. Дело в том, что основные факторы, тормозящие экономический рост, в то же время способствуют сохранению бедности и морально неприемлемого неравенства.

— *И это сильно раздражает профессора Бальцеровича?*

— Меня раздражает вредоносность глупостей, провозглашаемых публично и являющихся результатом цинизма или невежества. Я опасюсь, что люди позволяют себя обмануть.

КАК ПОСТРОИТЬ КАПИТАЛИЗМ БЕЗ СОБСТВЕННОГО КАПИТАЛА

— *По вашему мнению, какую роль в модернизации польской экономики сыграл иностранный капитал?*

— Любая развивающаяся страна, да даже и самые богатые страны — все стремятся привлечь прямые иностранные инвестиции. К тому же в Польше коммунизм вообще уничтожил капитал и капиталистов. В некоторых сферах, например, в банковском деле, требуются крупные капиталы и особые знания.

— *А банкам заграничный капитал помог?*

— Без него у нас была бы гораздо более слабая банковская система. В некоторых отношениях эта система сейчас даже прогрессивнее американской. Например, в США — по различным причинам — все еще распространены чеки.

Для проведения приватизации банков у нас были два пути. Страны Центральной Европы перед лицом ничтожного объема внутреннего капитала приватизировали банки со значительным участием внешнего капитала. Альтернативным решением было отложить приватизацию на более поздний срок, то есть сохранить государственную собственность в той сфере, где политические соображения при принятии решений могут оказаться особенно опасными для всей экономики. Первый путь выбрали не только Польша, но и Чехия, Словакия, Венгрия. Результат? В банках этих стран большинство капитала — заграничного происхождения. Подобным образом обстоит дело в Мексике, Чили, Новой Зеландии.

Иначе выглядит положение в России, где по различным причинам доступу зарубежного капитала чинили всевозможные препятствия. В результате возникла весьма специфическая банковская система с огромным доминированием одного государственного банка. В КНР банковская система тоже полностью управляется политическими властями, что создает самые серьезные опасности для экономики в целом.

— *И все же люди по-прежнему относятся к приватизации с недовольством.*

— А что произошло бы, если бы в Польше, как в Белоруссии, в экономике сохранилась ведущая роль государственной собственности? Мы слышим различные голоса, протестующие против приватизации, и уверения, что под угрозой оказываются наши национальные интересы. Однако проза жизни ясно показывает, что некоторые политики просто не желают расстаться со своим влиянием на предприятия. Приватизация лишает политиков инструментов воздействия на предприятия.

Без приватизации, в условиях экономики, где господствует государство, невозможно порвать с социализмом. Не стоит также забывать, что упорядоченная приватизация вытесняет «дикую», которая нередко скрывается под «вывеской» государственной собственности. Упорядоченная приватизация препятствует разворовыванию основных фондов (активов) предприятий. И поэтому каждый раз, когда мы слышим протесты против приватизации, следует внимательно присмотреться, кто кричит громче всех и что он может предложить взамен.

МЫ ВСТУПИЛИ В ЕВРОСОЮЗ, А КОГДА ЖЕ ВОЙДЕМ В ЗОНУ ЕВРО?

— *Не являлось ли важнейшим стимулом развития польской экономики стремление в Евросоюз, к открытию рынков, гармонизации законодательства?*

— С определенным упрощением можно сказать так: когда у власти стояли реформаторы, то все это имело второстепенное значение, потому что они и так хотели эту страну реформировать. Однако бразды правления не всегда были в их руках, и это стремление сыграло чрезвычайно позитивную роль — скажем так, в определенные периоды.

— *В Евросоюз мы уже вошли, но до евро еще далеко. Как вы думаете, может ли стремление войти в зону евро, приспособиться к господствующим в ней принципам, вновь оказаться движущей силой нашего развития?*

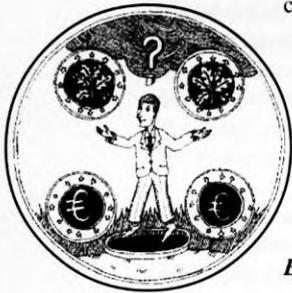
— Далеко ли нам до евро или близко — это зависит от нас самих. А точнее — от темпов оздоровления финансов нашего государства. Евро — это для Польши положительная перспектива. Благодаря вхождению в зону евро с большой степенью вероятности можно ожидать роста инвестиций, увеличения экспорта и роста нашей экономики. Разумеется, если это вхождение произойдет в условиях прочно оздоровленных государственных финансов и более гибких рынков. Однако невозможно прочно оздоровить государственные финансы, если откладывать эту задачу на будущие годы. Лучше всего было бы сделать это «одним махом», как в Литве или Словакии.

— *Как вы оцениваете сегодняшнюю польскую налоговую систему?*

— В некоторых отношениях она лучше, чем в США, но все еще далека от той, которой располагают лидеры в этой области.

— *Не слишком ли смелое это утверждение?*

— В США необычайно сложная налоговая система, но зато и налоги ниже. В Польше общий объем налогов и обязательных отчислений в госбюджет по сравнению с ВВП неоправданно высок, а все потому, что у нас чрезмерный уровень бюджетных расходов. Таким образом, каждая серьезная дискуссия о снижении налогового бремени должна начинаться с вопроса о снижении бюджетных расходов. Иначе мы просто будем закрывать глаза на действительное положение вещей.

В некоторых отношениях налоговая система в странах Центральной и Восточной Европы превосходит подобную систему во Франции или Германии. Дело в том, что у нас меньшая доля приходится на прямые налоги, а большая — на косвенные. А эти последние гораздо менее вредно отражаются на экономическом развитии, чем первые. Поэтому давление на нас со стороны некоторых представителей государств-членов ЕС, чтобы мы повышали именно прямые налоги, с экономической точки зрения было просто абсурдным. Однако это давление в каком-то смысле пошло нам на пользу: сегодня в Польше даже самый яркий демагог не осмелится требовать повышения налога на прибыль предприятий и фирм. Мне остается только пожалеть, что Франция и Германия не настаивали на том, чтобы мы повысили подоходный налог с физических лиц — быть может, это заставило бы задуматься авторов некоторых законодательных инициатив.

— *А тем временем парламент только что проголосовал за дополнительную, 50-процентную ставку подоходного налога с физических лиц для самых высоких доходов...*

— Ну что тут можно сказать: экономические расчеты, обосновывающие этот законопроект, совершенно неубедительны, а декларируемые мотивировки морального характера в высшей степени подозрительны. Я уже не говорю об интеллектуальном уровне различных «обоснований». Недавно меня рассмешил один политик-профессор, который написал, что все это было сделано, чтобы спасти капитализм. Наверняка ему неизвестно, что он повторяет зады определенных западных социалистических концепций полувекковой давности. Либеральный экономист Антони де Жазе давным-давно высмеял эти концепции (например, в своей монографии «Рыночный социализм»).

МЫ НЕДООЦЕНИВАЕМ МАСШТАБ ПЕРЕМЕН, ПРОИСХОДЯЩИХ НА СЕЛЕ

— *Отсутствие реформ и проведения реструктуризации в сельском хозяйстве — это один из самых серьезных упреков по адресу ваших реформ, проведенных в начале польских преобразований. Только теперь, после нашего вступления в ЕС, положение начинает меняться.*

— Раньше в Польше сельское хозяйство было частное, но в каком-то смысле — и социалистическое тоже, так что тут очень многое предстояло изменить. В сфере снабжения здесь царили централизованное распределение и взяточничество, в сфере сбыта — постоянный дефицит. С такой ситуации нам и пришлось начинать. Кроме того, незадолго до начала реформ крестьяне получили огромную «компенсацию», связанную с переходом на рыночную систему со свободными ценами. Закупочные цены сельскохозяйственных продуктов резко возросли, что способствовало гиперинфляции, а цены на технику и промышленные товары, снабжающие село, росли гораздо медленнее. Длительное время такая ситуация сохраняться не могла.

Возврат к элементарной сбалансированности экономики должен был означать также сокращение огромных субсидий сельскому хозяйству. Закончилось и время безвозвратных (списываемых) кредитов. Все это было воспринято как вопиющая несправедливость и, разумеется, систематически и широко муссировалось политическими группировками и партиями, которые стали называть себя «крестьянскими» или «аграрными».

— *Предположим, но это влечет за собой множество различных последствий. Многолетнее недовольство сельского населения...*

— А что надо было сделать? Выделять более высокие субсидии или бороться за укрепление рыночных отношений в сельском хозяйстве? Я лично боролся за второе, но союзников у меня было не слишком много. Кроме того мы склонны недооценивать масштаб перемен, уже произошедших в польской деревне. Есть целая группа «фермеров», которые модернизируют свои хозяйства. Большим подспорьем здесь стала модернизация агропищевой промышленности, которая превратилась в Польше в весьма важную отрасль. Посмотрите, как много у нас появилось молокоперерабатывающих заводов самого современного уровня.

— *Однако проблема структурной безработицы в некоторых сельских регионах остается весьма острой. Особенно там, где раньше были «госхозы».*

— Стоило бы организовать серьезную дискуссию по поводу этих бывших госхозов. Противники польских реформ представляют их преобразование в самом черном свете. Тем временем мы завершили необходимую приватизацию этого сектора сельского хозяйства, причем в условиях непрекращающихся демагогических нападок. А что касается сельских районов вообще, то нам приходится наверстывать отставание, накопленное десятилетиями, если не столетиями. Для живущих на селе особенно важно развитие экономики в целом.

— *Быть может, эти нападки возникли потому, что у работников госхозов не было таких систем социальной защиты, которые были созданы, например, в горнодобывающей промышленности?*

— А вам хотелось бы, чтобы в Польше налоги были еще выше? И насколько? Программа социальной защиты работников горнодобывающей промышленности была итогом с трудом достигнутого компромисса. И я не был на стороне тех, кто хотел добиться для шахтеров еще больших преимуществ!

— **И в результате у нас до сих пор остается нерешенной трудная проблема.**

— Это только одна сторона правды. На шахтах и рудниках произошло огромное сокращение штатов. Напомним, что еще в 1989 г. у нас было 400 тысяч шахтеров, а сегодня — только 136 тысяч.

— **Следует добавить, что это сокращение повлекло за собой огромные расходы.**

— Согласен, но пусть кто-нибудь скажет, много ли у меня было союзников в борьбе за снижение этих расходов. То, чего нам сегодня особенно не хватает, — это приватизация шахт. На примере горной промышленности наглядно видно, к чему может привести реструктуризация без приватизации.

НАСТРОЕНИЯ И АРГУМЕНТЫ

— **Вернемся к настроениям недовольства в обществе. Ведь они проявляются не только на селе? Чем вы это объясняете?**

— Чтобы иметь возможность оценить проблему недовольства, возникающего в ходе реформ, нужно посмотреть, каковы настроения в обществе, где реформы не проводятся, где страна по-прежнему грязнет в болоте социализма. Так вот, там люди тоже либо недовольны, либо бездумно верят пропаганде, либо просто запуганы. Отсутствие рыночных реформ идет рука об руку с диктатурой. Так обстоит дело в Белоруссии, в Узбекистане, в Туркменистане.

— **Однако реформы тоже вызывают недовольство.**

— Разумеется, а что же в этом удивительного? Когда меняется общественный строй, меняется и рейтинг зарплат и престижных должностей. Те, кто в старой системе были в привилегированном положении, отнюдь не всегда сохраняют его после перемен. У нас это относится, например, к шахтерам. Прежняя система была чрезвычайно энергоемкой, и поэтому высоко ценился труд тех, кто добывал уголь. А как при социализме относились к бухгалтерам или информатикам? С пренебрежением. Квалифицированный труд при социализме ценился невысоко. С того времени зарплаты шахтеров пошли вниз по сравнению с информатиками или бухгалтерами, хотя их материальное положение все равно лучше, чем у шахтеров на Украине. Люди, относительное социальное и материальное положение которых ухудшается, вовсе не обязаны быть энтузиастами перемен. Но разве это достаточная причина, чтобы не реформировать страну?

— **А вы попробуйте изложить подобные аргументы безработным.**

— Прежде всего следует устранить причины безработицы. Откуда она взялась в Польше? От того, что появился свободный рынок? Нет. Наоборот, свободный рынок оказался скван чрезмерным государственным регулированием трудовых отношений и патологической системой социального обеспечения. Речь здесь в основном идет не о пособиях по безработице, а о гигантских расходах на пенсии для совсем еще не старых людей, которым разрешили выходить на пенсию до положенного срока, о пенсиях по инвалидности, о Кассе социального обеспечения работников сельского хозяйства. Они-то и вынуждают государство повышать налоги, а высокие налоги неуклонно приводят к снижению занятости.

— **Пусть даже ваша аргументация и объясняет слишком медленное снижение безработицы сегодня, но согласитесь, что скачкообразное увеличение безработицы в 1999-2001 гг. все-таки имело иные причины.**

— В это время Польша пережила различные внешние потрясения, которые способствовали падению спроса на работников с более низкими квалификациями: около 70% прироста числа безработных приходится на неквалифицированных и низкоквалифицированных работников. На этих людях сильнее всего сказываются результаты различных жестких регулирующих мер в социальной сфере — нетрудно сообразить, что завышенная минимальная зарплата приводит в «вымыванию» с рынка труда прежде всего наименее квалифицированных работников.

— **Быть может, вы посвятили слишком мало времени объяснению того, что нужно сделать, чтобы провести реформы. С самого начала не ощущалось никаких реальных последствий диалога с обществом.**

— Всегда можно сказать, что можно было сделать больше. Вначале Польша добилась успеха, так как переломные перемены удалось осуществить сравнительно быстро. Если бы мы тогда погрязли в бесконечных дискуссиях, судьба реформ оказалась бы под вопросом.

— **А откуда следует, что поляки действительно хотели иметь такой свободный рынок, какой у нас сегодня есть?**

— Наш рынок во многих отношениях деформирован государственным вмешательством («интервенционизмом»), однако статисты всегда во всем винят сам по себе свободный рынок. Кроме того, большинство населения не имеет точного представления о том, какие перед нами стоят проблемы и из каких вариантов нам приходится

выбирать решения. К тому же у нас в СМИ слишком мало интересных популяризаторских и публицистических статей и передач на эти темы. На экранах телевизоров мелькает слишком много профессиональных политиков. Действительно, чего уж проще — пригласить в студию двух таких, что будут стараться друг друга перекричать, да еще и натравливать одного на другого. А какое впечатление от этой «дискуссии» остается у зрителей? Ругани, скандала, и ничего больше. Разумеется, свобода СМИ — это одно из важнейших достижений наших преобразований, но это не означает, что они не могут быть мишенью критики.

— *Никто не может быть лучшим пропагандистом перемен, чем тот, кто ими доволен. Почему в Польше не возник пресловутый «средний класс», который повсюду в мире является самым горячим сторонником свободного рынка?*

— Возник, а как же. Только он очень занят, трудится, строит капитализм. А кто протестует против реформ? Люди, которые по различным причинам либо не слишком заняты, либо хорошо организованы. Однако не стоит слепо верить в то, что каждый предприниматель — горячий сторонник либерализма и обожает конкуренцию. Что хорошо для отдельного предприятия, не обязательно полезно для экономики в целом. И наоборот.

— *Как по-вашему, польские политики действительно не понимают смысла экономических процессов или просто не желают их понимать?*

— Политики бывают разные (да и журналисты тоже), но все же многие участники политической жизни на самом деле действуют под влиянием циничного или оппортунистического расчета либо ошибочных сведений и представлений, которые зачастую хуже элементарного отсутствия знаний. Если кто-то хочет научиться плавать кролем, то лучше, чтобы он вообще не умел плавать, чем уже привык плавать «по-собачьи».

— *Почему политики в Польше этого не понимают?*

— Повторяю, это не только проблема незнания или заблуждений — нередко это результат обыкновенного цинизма или опасения, что с демагогическими лозунгами бороться невозможно, потому что все равно проиграешь. Пока что мы можем утверждать, что не потратили эти 15 лет впустую, хотя и не использовали их в полной мере. Сейчас важно, чтобы в политической борьбе не победил очередной клон Лукашенко. А у нас есть несколько таких доморощенных «лукашенок».

— *К сожалению, мыслящему человеку в Польше сегодня нелегко выбрать политика, которому он мог бы доверять.*

— В свободной стране никто не имеет права сетовать на политиков и в то же время сидеть сложа руки. Нужно мобилизоваться. Пусть этот мыслящий человек задумается, что он будет делать, если победит демагогия. Пусть каждый, кто считает себя «мыслящим человеком», вспомнит о своей гражданской ответственности и начнет действовать как гражданин, то есть бороться против демагогии, которая, как я уже говорил, вырастает на почве либо цинизма, либо невежества.

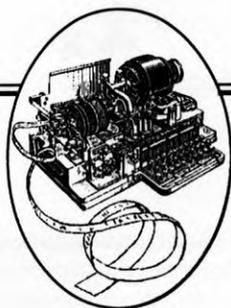
Дискутировать с демагогией невозможно: во-первых, ее не перекричишь, а во-вторых, наивно думать, что ты можешь победить главного демагога, используя его же методы. Нет, в этом случае ты сам начинаешь работать на этого демагога, а он — набирать очки. Чудодейственных рецептов нет — кроме того, что во имя успеха нашей страны нужно систематически, умело и организованно работать. Нужно высмеивать, издеваться, сражаться. И не сдаваться.

— *Чего хотел бы пожелать себе сегодня реформатор Лешек Бальцерович?*

— Когда-то я профессионально занимался спортом и потому знаю, насколько важно быть на вершине своей формы. Я не жалею, что в самой своей лучшей форме я был в начале 90-х. А желаю я себе того, что каждый человек обычно желает себе (кроме здоровья и личных успехов), — чтобы у меня по-прежнему была интересная работа. Тут я даже особенно не беспокоюсь. Нам столько еще предстоит сделать.

*Беседу вели
Эва Ключковская и Кишиштоф Бень*

RZECZPOSPOLITA

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• 11 ноября — польский День Независимости. В этот день в 1918 году Польша вновь обрела независимость после 120 лет разделов между Австрией, Германией и Россией. Между тем, как пишет историк, политик, бывший деятель антикоммунистической оппозиции и политзаключенный Лешек Мочульский, «за последние 15 лет [поляки] постепенно утратили сознание того, что каждая Речь Посполитая означает новый этап становления государственной независимости. До 1795 г. существовала Первая Речь Посполитая, после 1918 г. — Вторая, а начиная с 1989 г. мы живем в Третьей Речи Посполитой». В определении „Третья Речь Посполитая” кроется символ очень важной ценности — независимости». (Речь Посполитая — в дословном переводе Общее дело, то есть Res publica, Республика. Польша — кажется, единственная страна, где этот термин — не заимствование, а прямой перевод с латинского. — *Ред.*) («Ньюс-уик-Польша», 14 ноября)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, в котором опрошенные могли перечислить не более пяти крупнейших достижений и неудач Польши после краха коммунизма, основными успехами поляки считают: вступление в Евросоюз, свободу слова и передвижения (по 45%), вступление в НАТО (36%), переход к демократии (27%) и конец ПНР (26%). В числе самых крупных неудач опрошенные чаще всего называли: высокую безработицу (77%), коррупцию (69%), нечестность политиков (61%), критическую ситуацию в здравоохранении (59%), обеднение общества (55%) и угрозу преступности (38%). («Жечпосполита», 4 ноября)

• В рейтинге благосостояния и социально-экономического развития, составленном Программой развития ООН (UNDP), Польша занимает 37-е место из 177-ми. Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «Думаю, Польша может себе позволить (возможно, вместе с другими странами) предложить какому-нибудь государству или региону конкретный проект помощи, который мы будем осуществлять. По данным опроса общественного мнения, проведенного в прошлом месяце, 63% поляков высказываются за оказание помощи в развитии бедным странам». («Газета wyborcza», 4 ноября)

• Александр Квасневский после получения информации о взятии в заложники поляки: «Мы не уйдем из Ирака. Это означало бы пойти на поводу у террористов». Однако, по неофициальным сведениям, поль-

ские дипломаты уже несколько месяцев ведут с американцами переговоры о дате вывода войск — прежде всего потому, что польским налогоплательщикам иракская миссия обходится в 300 млн. злотых в год. («Жечпосполита», 29 окт.)

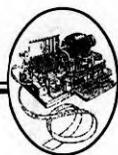
• Из всех крупных государств Евросоюза Польша развивается самыми быстрыми темпами. По оценкам экспертов Европейской комиссии, в 2004 г. только в небольших Литве и Латвии экономика была более динамичной. («Жечпосполита», 19 окт.)

• В течение восьми месяцев 2004 г. объем польского экспорта увеличился на 22%, а импорта — на 17%. За это время экспорт в Россию увеличился на 53% (в пересчете на доллары — почти на 70%) и составил 3,6% всего польского экспорта (годом раньше — 2,9%). При этом объем импорта из России увеличился только на 5,3%. («Жечпосполита», 19 окт.)

• Польша становится одним из ведущих европейских производителей сельхозпродуктов. За первые восемь месяцев 2004 г. поляки продали в остальные страны ЕС сельхозпродуктов на сумму 2,1 млрд. евро. Это на 500 миллионов больше, чем стоимость продуктов, импортированных за тот же период из других стран Евросоюза. («Жечпосполита», 23-24 окт.)

• Началась выплата крестьянам дотаций ЕС. В общей сложности они получают 8 млрд. злотых. Деньги будут выплачены до конца января 2005 года. Сколько получают крестьяне? Большинство — немногим более 500 злотых на гектар сельскохозяйственных угодий. Каждый может рассчитывать на основную дотацию (210 зл. на гектар) и дополнительные средства в зависимости от рода производства. Производители зерновых и масличных культур получают по 292 зл. на гектар. Больше достанется производителям хмеля (1000 зл. на гектар) и картофеля, предназначенного на крахмал (250 зл. за каждую тонну). Дотации крестьянам, ведущим хозяйство в неблагоприятных условиях (например, в горах), составят 170-260 злотых. («Газета wyborcza», 19 окт.)

• Польша уподобилась странам Западной Европы, где уже давно в моде тропические породы дерева. За последние годы польский импорт экзотической древесины (главным образом из Индонезии и Ганы) увеличился в три раза. Тем самым поляки вносят свой вклад в уничтожение тропических лесов, выполняющих функцию климатической губки мира. Вдобавок вместе с растительностью гибнут и животные. (Иоанна Пылка и Ян Смяловский, «Газета wyborcza», 14 окт.)

• Польские предприниматели все смелее скупают действующие в Польше иностранные фирмы. Благодаря неплохой экономической конъюнктуре доходы и прибыли польских хозяйственных субъектов увеличились. На рынке все теснее — чтобы расти, нужно поглощать конкурентов. (*«Жечпосполита», 15 окт.*)

• **«Согласно докладу ЦРУ, представленному Конгрессу США, в 90-е гг. Польша нарушала эмбарго на поставки оружия в Ирак: мы продали Хусейну несколько сот двигателей „Волги“, которые могли быть использованы в производстве ракет».** (*«Тыгодник повсехний», 17 окт.*)

• Подавляющим большинством голосов Сейм ввел четвертую налоговую ставку: отныне лица, зарабатывающие в год более 600 тыс. злотых, будут платить 50-процентный налог с суммы, превышающей этот порог. До сих пор в Польше было три налоговых ставки: 19, 30 и 40%. (*«Жечпосполита», 23-24 окт.*)

• **93,73% людей, платящих подоходный налог, рассчитываются по 19-процентной ставке, 4,11% — по 30-процентной и лишь 1,16% платят 40-процентный налог.** Первая, самая многочисленная группа налогоплательщиков дает бюджету 51,62% общего поступления подоходного налога. От второй группы в бюджет поступает 18,64%, а от третьей, самой малочисленной, — 29,74%. (*«Ньюсуик-Польша», 4 ноября*)

• В рейтинге привлекательности государств для инвесторов, составленном Всемирным экономическим форумом на основе сведений, поступивших от предпринимателей, Польша заняла 60-е место. В прошлом году она была на 45-м. Среди факторов, затрудняющих деятельность предприятий, чаще всего приводятся следующие: малая эффективность власти, коррупция, высокие налоги, нестабильность законодательства, слаборазвитая инфраструктура и жесткое регулирование рынка труда. (*«Жечпосполита», 14 окт.*)

• **В III квартале 2004 г. иностранные инвесторы проявляли к Польше больший интерес, чем в минувшие годы.** 69 заграничных фирм заявили о намерении инвестировать в Польше почти 1,9 млрд. долларов. С начала года до конца сентября 164 иностранных предприятия планировали или осуществили в Польше инвестиции на общую сумму 4,4 млрд. долларов. Таким образом в 2004 г. размах иностранных инвестиций в Польше будет значительно больше, чем в 2003-м. (*«Жечпосполита», 25 окт.*)

• Поляки все охотнее берут кредиты. Этому способствуют выгодные предложения банков и улучшение экономической ситуации. К концу сентября задолженность домашних хозяйств в банках была почти на 14% (т.е. на 14 млрд. злотых) выше, чем год назад. Поляки охотно берут валютные кредиты на покупку недвижимости. (*«Жечпосполита», 20 окт.*)

• **В сентябре показатель инфляции снизился с 4,6 до 4,4%. По некоторым прогнозам, к концу года инфляция может снизиться до 4-4,3%.** (*«Жечпосполита», 15 окт.*)

• Премьер-министр Марек Белька уже второй раз в этом году получил вотум доверия Сейма. Сначала Сейм отклонил предложения об отставке министра здравоохранения Марека Балицкого (большинством в 232 голоса против 207 при 11 воздержавшихся) и министра иностранных дел Владзимежа Цимошевича (232 голоса против 213 при 5 воздержавшихся), а затем вынес вотум доверия всему правительству Бельки. Премьер-министра поддержали 234 депутата. Оппозиции удалось собрать 218 голосов. (*«Газета wyborcza», 16-17 окт.*)

• **Комиссия Сейма по делам спецслужб пришла к выводу, что бывший начальник Управления охраны государства, а затем Агентства разведки Збигнев Семёнтковский из «Союза демократических левых сил» (СДЛС) превысил свои полномочия, проверяя по поручению президента досье Марека Бельки, когда тот был кандидатом на пост премьер-министра.** Комиссия сообщила об этом в прокуратуру. (*«Тыгодник повсехний», 24 окт.*)

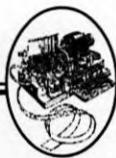
• В Люблине бывший министр юстиции Гжегож Курчук угрожал главному редактору газеты «Дзенник всходний», публиковавшей нелицеприятные статьи о СДЛС, отрезать газету от источников рекламы. Редактор Анджей Мельцарек записал этот разговор на диктофон и сообщил о нем в Агентство внутренней безопасности и прокуратуру. Этот инцидент получил огласку, в частности благодаря тому, что за журналистом стоит сильный издатель — «Оркла». Однако сколько подобных случаев остаются неизвестными? Издания органов местного самоуправления составляют около 33% всей местной печати, а независимые издания — только 25%. (*«Политика», 6 ноября*)

• **Известный экономист Ян Винецкий: «Склонность к хождению кривыми путями и сомнительным в нравственном отношении действиям нормальна для люмпен-интеллигента».** (*«Впрост», 17 окт.*)

• Постановлением Верховного суда Рышард Ходынецкий признан виновным в люстрационной лжи. Это означает, что он скрыл факт своего сотрудничества с органами госбезопасности ПНР. В результате депутат СДЛС лишился своего мандата. Кроме того в течение 10 лет он не сможет занимать некоторые государственные должности. (*«Тыгодник повсехний», 17 окт.*)

• **Решением Апелляционного суда председатель комиссии по иностранным делам, бывший председатель парламентской фракции СДЛС и бывший министр юстиции Ежи Яскерня признан виновным в люстрационной лжи.** Яскерня утаил свои связи со спецслужбами ПНР. (*«Жечпосполита», 23-24 окт.*)

• Люстрационный суд запретил участвовать в публичной жизни также бывшему директору радиостанции «Радио Кошалин» Рышарду Залевскому. В настоящее

время ведется еще 40 люстрационных процессов. Только в 2004 г. в люстрационной лжи были уличены 86 человек. (*«Ньюсуик-Польша», 4 ноября*)

• Согласно опросу ЦИОМа, в конце октября «Гражданскую платформу» поддерживали 26% поляков, «Лигу польских семей» — 15, «Право и справедливость» — 12, «Самооборону» — 11, СДЛС — 8, «Польскую социал-демократию» и крестьянскую партию ПСЛ — по 7%. (*«Газета wyborча», 27 окт.*)

• Премьер-министр Марек Белька назвал выборы и референдум в Белоруссии фарсом. «Наша оценка однозначна, но сейчас речь идет о том, чтобы, изолируя власти Белоруссии, не изолировать белорусское общество. Мы хотим, чтобы как можно больше белорусов приезжало в Польшу и видело, как можно жить и строить демократию», — сказал премьер-министр. (*«Газета wyborча», 21 окт.*)

• Фальсификацию выборов и референдума в Белоруссии подверг критике министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «[Подобные вещи] вредят не только этому государству, но и всем, кто хотел бы сотрудничать с ним». Министр добавил, что Польша будет поддерживать демократические перемены в Белоруссии и призывать своих партнеров во всем мире не забывать об этой стране. (*«Жечпосполита», 19 окт.*)

• По мнению Богдана Клиха, депутата Европарламента от «Гражданской платформы» и члена делегации польских наблюдателей в Белоруссии, Евросоюзу не следует признавать белорусские выборы и референдум честными и справедливыми. «Мы представили свою позицию Европейскому парламенту», — сказал Клих. (*«Газета wyborча», 19 окт.*)

• Создать независимую радиостанцию, передающую программы для белорусов, учредить стипендии для белорусской молодежи и ликвидировать визовые сборы для граждан Белоруссии предложили, вернувшись из Минска, польские депутаты Европарламента Богдан Клих и Яцек Протасевич из «Гражданской платформы». По их мнению, недавно избранный белорусский парламент не имеет демократического мандата на выражение интересов общества. (*«Жечпосполита», 21 окт.*)

• Польские вузы принимают студентов ликвидированного президентом Белоруссии Европейского гуманитарного университета. Одни планируют установить сотрудничество с преподавателями ЕГУ, другие готовы освободить часть белорусских студентов от платы за обучение. Есть и такие, которые уже приняли белорусских студентов, заплатив за их обучение, питание, проживание и выделив им деньги на карманные расходы. (*«Газета wyborча», 20 окт.*)

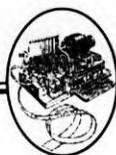
• Ликвидированный Лукашенко университет будет существовать. Предоставить помощь Европейскому гуманитарному университету обещали власти Варшавы. (*«Жечпосполита», 19 окт.*)

• Влодзимеж Богачик, польский наблюдатель на выборах президента Украины (в первом туре) от Польско-украинского форума: «На Украине я не видел нарушений при подаче голосов, зато был свидетелем манипуляций при составлении списков избирателей». (*«Газета wyborча», 3 ноября*)

• По оценке Марека Сивеца, председателя комиссии Европарламента по отношениям с Украиной и одного из четырех сопредседателей делегации Европарламента на украинские выборы, «голоса подсчитывались очень добросовестно», а «положительная роль президента Кучмы — залог того, что во втором туре все пройдет нормально». Между тем руководитель миссии 600 наблюдателей ОБСЕ Герт Аренс публично заявил, что выборы не соответствовали демократическим стандартам. Нарушение принципов свободных выборов подвергли критике, в частности, пресс-секретари МИДов Франции и США, а также генеральный секретарь совета ЕС, верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана. Наблюдатели, журналисты и представители украинской оппозиции приводили многочисленные примеры злоупотреблений и фальсификаций. (*Бартош Венглярчик, «Газета wyborча», 4 ноября*)

• Министру иностранных дел Влодзимежу Цимошевичу удалось убедить глав дипломатических ведомств стран-членов ЕС занять общую позицию по вопросу Украины. Резолюция, предложенная Польшей, была рассмотрена в заключение встречи в верхах глав государств Евросоюза. Официальная позиция ЕС такова: во время первого тура президентских выборов были нарушены демократические стандарты. Перед вторым туром Евросоюз призвал Киев обеспечить обоим кандидатам равный доступ к СМИ. (*«Жечпосполита», 6-7 ноября*)

• Владимир Павлов, журналист, корреспондент «Радио Свобода» в Варшаве: «„Почему у поляков получилось, а у нас — нет?“ — в последние годы это один из основных украинских вопросов (...) Свою вышедшую в сентябре книгу о польско-украинских отношениях я озаглавил „Почему поляки не любят украинцев?“. Именно этот вопрос знакомые и незнакомые соотечественники, знающие, что я уже несколько лет живу и работаю в Варшаве, задают мне чаще всего (...) Еще несколько лет назад пророссийские представители верхов независимой Украины издевались над оппозицией, которая устанавливала сотрудничество с польскими политиками и неправительственными организациями. Сегодня издевок уже не слышно. Даже те украинцы, которых никак нельзя назвать сторонниками укрепления польско-украинских отношений, вынуждены признать, что Польша остается нашим единственным последовательным другом за западной границей (...) Еще 15 лет назад контакты с Польшей поддерживала только Запад-

ная Украина, и только ее жители знали польский язык. Между тем сегодня в большинстве крупных городов студенты, бизнесмены, работники органов местного самоуправления, журналисты и т.д. поддерживают контакты с Польшей, где живут их партнеры и друзья (...) На презентации моей книги во Львове кто-то спросил, напишу ли я вторую часть — „Почему украинцы не любят поляков?“. Я искренне ответил: и исследования, и мой опыт показывают, что писать такую книгу уже нет необходимости. Лишь бы только это не изменилось». (*«Ньюсуик-Польша», 14 ноября*)

• «Это кабинетная провокация, месть!» — сказал бывший министр государственной казны Веслав Качмарек на специальной пресс-конференции, посвященной взятке, которую он якобы получил от российского концерна «Лукойл». В июле 2003 г. в Вене российский шпион Владимир Алганов рассказал о взятке самому богатому польскому бизнесмену Яну Кульчику. Кульчик сообщил об этом начальникам Агентств внутренней безопасности и разведки. (*«Жечпосполита», 15 окт.*)

• «Афера „Орлена“ [крупнейшего польского нефтяного концерна] ширится, появляются все новые подробности. Все началось с подозрений, что правительство Лешека Миллера незаконно использовало спецслужбы для смены президента этой государственной компании. В ходе работы следственной комиссии Сейма это в значительной мере подтвердилось (...) Согласно записям, которые предал огласке начальник Агентства разведки, самый богатый польский бизнесмен вел деловые переговоры с бывшим российским шпионом, обещая изменить некоторые невыгодные для российских инвесторов решения министерства государственной казны, касающиеся Гданьского нефтеперерабатывающего комбината, и намекая при этом на поддержку президента Польши (...) „Афера Рывина“ положила конец политической карьере Лешека Миллера (...) Чтобы афера „Орлена“ не завершилась подобным же образом, ее герои должны полностью объяснить свое участие в ней. Все — начиная с Александра Квасневского». (*Ян Скужинский, «Жечпосполита», 22 окт.*)

• Рышард Стефанский подал в отставку с поста заместителя генерального прокурора. Ранее депутаты из комиссии Сейма по расследованию аферы «Орлена» обвинили его в даче ложных показаний, а затем устроили ему очную ставку с бывшим начальником Апелляционной прокуратуры Зигмунтом Капустой. (*«Тыгодник повсехний», 24 окт.*)

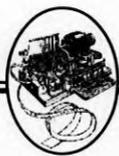
• Бывший глава польской разведки Збигнев Семёнтковский (СДЛС) заявил комиссии Сейма по расследованию аферы «Орлена»: «Все, что я говорю, обусловлено не какой-то антироссийской фобией, а информацией, которую я получил в бытность начальником Управления охраны государ-

ства. Боюсь, что произошла реставрация Российской империи. Россия выходит на рынок горючего в Восточной Европе, скупая западноевропейские фирмы, участвовавшие в приватизации топливно-энергетического сектора. Если бы мы продали Гданьский нефтеперерабатывающий комбинат фирме „Рот энерджи“, за которой стоял российский „Лукойл“, нам грозило бы то же самое. Вчера танки, сегодня нефть». Семёнтковский признал, что Польша обречена на поставки 95% нефти из России. Президент Квасневский в интервью «Политике» тоже предостерегает — от опасности русофобии: «После того, что сейчас происходит, атмосфера для российских инвестиций будет еще хуже». (*«Газета польска», 28 окт.*)

• Януш Штейнхоф, вице-премьер в правительстве Ежи Бузека: «Когда я слушаю высказывания господина министра Збигнева Семёнтковского о российском империализме, меня охватывают смешанные чувства. Было бы ошибкой предполагать, что за каждой российской инвестицией кроются спецслужбы России. Разумеется, россияне хотят иметь влияние в Польше, но наши чиновники должны контролировать, кто в действительности стоит за некоторыми сделками. У государства есть огромные возможности регулирования, и оно должно их использовать». (*«Газета wyborча», 29 окт.*)

• «То, как обстоят дела с обеспечением Польши топливом, вызывает серьезную озабоченность. Весь газ мы импортируем из России, и у нас нет никаких гарантий, что Москва не перекроет кран. Почти всю нефть мы тоже покупаем в России, причем покупаем по меньшей мере подозрительным образом. Долгое время ее главными поставщиками были два талантливых человека, чья деловая карьера наводит на мысль о связях с российскими спецслужбами. Трубопровод Одесса—Броды—Плоцк, единственный проект, который мог существенным образом изменить ситуацию, был недооценен польскими властями и брошен на произвол судьбы, пока наконец не пал на Украине жертвой российского лобби. Что сделали все правительства, с которыми был связан министр Семёнтковский, чтобы изменить эту ситуацию? Очень немногое, а иногда даже пытались сохранить статус-кво». (*Яцек Лэйский, «Газета польска», 3 ноября*)

• «Алганов наверняка знал, что его слова, произнесенные на встрече с Кульчиком, станут достоянием польских спецслужб и могут вызвать лавину. На самом деле, говоря о протекции и взятках, доходящих до самой верхушки власти, Алганов подбросил бомбу в польские политические и деловые верхи. Однако ни Алганов, ни кто-либо другой в Москве не предполагал, что бомба взорвется случайно. Никто не мог знать, что будет создана комиссия Сейма по расследованию аферы „Орлена“ (...) Для россиян, которые уже не первый год пытаются купить нефтеперерабатывающие комби-

наты в Плоцке и Гданьске и тем самым взять под контроль стратегический гданьский „Нафтопорт” [нефтяной терминал], компрометация главных игроков на рынке (...) и легкий испуг Квасневского были бы выстрелом в десятку. Это позволило бы им избавиться от польских конкурентов в борьбе за комбинаты (...) После такой аферы, как эта, трудно будет найти в Польше политика, который рискнет продать какую-либо стратегическую фирму российским инвесторам». (*Ян Пинский, Кишиштоф Трэмбский, «Впрост», 24 окт.*)

• **«Больше всего это повредит президенту Александру Квасневскому. До сих пор он мог считаться авторитетом, который укоряет правящие круги за причастность ко все новым аферам, а сам лишь слегка „задет” аферой Рывина. Теперь он оказался в центре событий. Из его нынешнего положения нет хорошего выхода (...) Афера может положить конец его мечтам о шефстве над новым левым движением (...) В результате политических потерь он уже не будет так хорошо подходить на роль потенциального связующего звена между всеми левыми партиями. По тем же причинам Квасневский не сможет стать и потенциальным „отцом” кандидата в свои преемники, которого поддержали бы все левые силы. Под вопросом может оказаться также его возможная международная карьера по окончании президентского срока (...) Затронут ли последствия этого политического землетрясения и правительство Бельки?»** (*Петр Смилович, «Жечпосполита», 22 окт.*)

• Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Раньше у Путина были претензии к тому, что мы хотим диверсифицировать» источники поставок [нефти и газа]. В последний раз он уже об этом не спрашивал, так как дело было после известной истории с приостановкой поставок в Белоруссию, в связи с которой он сам позвонил мне с извинениями и объяснял, что нам это ничем не грозит. Официально Путин никогда не поднимал темы ни о какой российской фирме, зато неоднократно затрагивал вопрос неблагоприятной атмосферы для российских инвестиций в Польше. После нынешних событий эта атмосфера станет еще хуже (...) Мои ответы Путину были неизменны: мы приветствуем любой капитал при условии, что он прозрачен и действует по правилам». (*«Политика», 30 окт.*)

• **Зависимость от российского сырья, недоверие к российскому капиталу, трудности при подписании договоров, касающихся двусторонних экономических контактов, — вот основные проблемы торгового обмена между Польшей и Россией. Вчера вице-премьер Ежи Хауснер и министр экономического развития и торговли РФ Герман Греф подписали экономическое соглашение (...) Проблемы касаются, в частности, договора о поддержке и взаимной защите инвестиций — россияне не ратифицировали его. Из-за этого инвестиции и деятельность в России обходится польским предпринимателям**

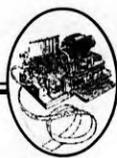
значительно дороже, чем их коллегам из государств, подписавших с Россией подобные договоры, — например из Германии». (*«Жечпосполита», 3 ноября*)

• **«На примере Литвы (а также Латвии) хорошо видно, сколь ошибочно представление, будто членство в НАТО и ЕС автоматически защищает от любой опасности. Там, где появляются российские энергетические компании, появляется и российская политика. Рано или поздно этот союз становится весьма опасным для стран, у которых нет альтернативы российскому топливу. Примеров, подтверждающих это тезис, можно привести множество — равно как и примеров взаимодействия российских компаний со спецслужбами (...) Отсутствие серьезных анализов внутренней эволюции России и ее последствий для польских государственных интересов приводит к тому, что никто не требует от государства или ведущих партий представить ясную стратегию отношений с Россией, которая утверждает свое господство в нашем регионе». (*Бартломей Сенкевич, «Тыгодник повшехный», 7 ноября*)**

• **Януш Рейтер, председатель Центра международных отношений, бывший посол Польши в Германии: «Наши соседи за пределами Евросоюза — это государства, которые хоть и не угрожают нам в военном отношении, но порождают в нас ощущение неуверенности. Это территория повышенного риска, а направление изменений в России заставляет нас считать с тем, что этот риск будет и дальше расти». (*«Жечпосполита», 5 ноября*)**

• **«После 15 лет идиллии и спокойствия на восточном небе вновь начинают собираться черные тучи. Знакомый вид. В прошлом он всегда предвещал бурю, которая спустя какое-то время доходила и до Польши, а часто шла дальше на Запад. Пожалуй, на сей раз мы этого не ожидали (...) мы не очень-то верили в опасность возрождения этого империализма (...) Похоже, что пока возвращение к стандартам эпох царского и советского деспотизма — это независимые процессы, протекающие отдельно в каждом из трех государств. Однако направление у них общее, и — не будем питать иллюзий — эти потоки рано или поздно встретятся и потекут по одному руслу. Пора подумать о том, как бы насыпать валы, чтобы и нас не залило, как это нередко случалось в истории». (*«Ньюсуик-Польша», 4 ноября*)**

• **Крестный ход с факелами и свечами прошел вчера вечером от кафедрального собора св. Флоряна к кресту памяти жертв пражской резни на Ягеллонской улице. 4 ноября 1794 г. русские войска под командованием Суворова, брошенные на подавление восстания Костюшко, заняли Прагу (правобережную часть Варшавы), после чего истребили почти 20 тыс. человек. Цветы и венки к кресту возложили, в частности, бургомистры четырех правобережных районов столицы, делегация президента Варшавы, учащиеся и харцеры (польские скауты). (*«Газета wyborcza», 5 ноября*)**

• В день Поминовения Усопших краковяне зажгли тысячи лампад перед Катынским крестом на Раковицком кладбище. Хотя памятник был установлен лишь в 1995 г., жители города помнили о жертвах коммунизма всегда — и зажигали лампы. В 80-е гг. возле кладбищенской часовни даже поставили березовый крест с портретом убитого коммунистическими спецслужбами о. Ежи Попелушко и надписью: «Здесь будет сооружен памятник жертвам коммунизма». Чтобы защитить его, люди стояли в ночных дозорах. Лампады зажглись вчера и на могиле родителей Папы Иоанна Павла II. Светящийся ковер покрыл всю дорожку перед могилой. («Газета wyborcza», 2 ноября)

• Познанский воеводский административный суд пришел к заключению, что президент (мэр) Познани на протяжении четырех лет незаконно запрещал комитету «Свободный Кавказ» проводить манифестации против войны в Чечне. По мнению суда, государственные чиновники не могут ставить право на собрания в зависимость от своих оценок и взглядов. Ни цель, ни факт проведения манифестаций не противоречили закону — только в этом случае их можно было бы запретить. («Газета wyborcza», 25 окт.)

• Для граждан бывшего Советского Союза Польша стала перевалочным пунктом по дороге на Запад. Многие пытаются проникнуть туда нелегально. С января по апрель 2004 г. польские погранвойска задержали при нелегальном переходе немецкой границы 521 иностранца. После вступления Польши в ЕС число задержанных на западной границе выросло более чем в четыре раза — до 2189 человек. Больше всего среди них украинцев (1314), за ними идут россияне, белорусы, индийцы и молдаване. («Впрост», 17 окт.)

• Юрий Андрухович, украинский прозаик, поэт и эссеист: «Все эти годы Польша означала для меня свободу, и, где бы я ни пересекал ее границу, я сразу чувствовал себя как дома. Даже когда сами поляки утверждали, что их страна находится в глубокой заднице, я только качал головой: ой, не видели вы настоящей задницы. Потому что никто из моих соотечественников не станет спорить, что, как только мы пересекаем эту первую границу и наконец устремляемся вперед через их, чужую, польскую территорию, каждого из нас охватывает невыразимое чувство облегчения...» («Газета wyborcza», 23-24 окт.)

• Как поляки относятся к своим соседям? Согласно опросу ЦИОМа, хорошими соседями 47% поляков считают Чехию, 38 — Словакию, 37 — Германию, 22 — Литву, 12 — Украину, 10 — Россию и 8% — Белоруссию. Плохими соседями 39% опрошенных считают Россию, 25 — Германию, 22 — Белоруссию, 18 — Украину, 8 — Литву, 4 — Чехию и 2% — Словакию. («Газета wyborcza», 20 окт.)

• 63 медведя могут погибнуть в Словакии от охотничьих пуль. Разрешение на их отстрел выдало местное министерство охраны окружающей среды. Это 10% популяции словацких медведей. «Помогите нам остановить эту резню. Большинство польских медведей живут на границе со Словакией и часто переходят на словацкую сторону. Теперь и они оказались под угрозой. Даже потеря всего нескольких особей — для нас катастрофа», — говорит проф. Генрик Окарма из Института охраны природы ПАН. («Газета wyborcza», 28 окт.)

• Общество опеки над животными известило прокуратуру о преступлении, совершенном телеканалами ТВН и «Польсат». В одной из программ телевидения ТВН была показана сцена убийства питона топором. В свою очередь «Польсат» показал, как люди едят овечьи глаза. Глаза лежали в миске, а на заднем плане были видны овцы в черных повязках — явный намек на то, что глаза вырваны у живых животных. Даже если это был телевизионный трюк, фактом остается то, что он пропагандирует жестокость. («Политика», 6 ноября)

• Проф. Томаш Стшембош (умер 16 октября с.г.), автор многочисленных и высоко ценимых книг по истории, последней из которых было вышедшее в этом году «Антисоветское партизанское движение и конспирация на Бебже. Октябрь 1939 — июнь 1941»: «Во всех обществах, в т.ч. и в Польше, существует элемент, который никто не исследует. Этот элемент — жестокость. (Исключение составляет обширная монография проф. Януша Тазбира «Жестокость в Европе Нового времени». — В.К.) Та самая жестокость, которую можно наблюдать у детей, мучающих кошку, жестокость по отношению к старикам (...) Жестокость всегда проявляется в тех случаях, когда что-то «дозволено». Немцы позволили убивать евреев, позволили выдавать их...» («Газета польска», 20 окт.)

ВОКРУГ КНИГИ «К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА»

Александр Липатов

«К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА»

...Если бы Россия (рассуждает автор) сумела преодолеть свою традиционную «слоновую болезнь», то есть склонность к экспансии вовне (постоянно больше земли и властвования) и направить всю энергию внутрь, заменить экспансивные усилия интенсивными — тогда «сожителство с Россией» сложилось бы в соответствии с нормами как этики, так и здравого разума. Начиная с последней войны по-настоящему современные государства прекратили рвать друг у друга территории, сконцентрировались на внутреннем развитии, на консолидации общества, демократии, торговли, мышления и культуры. Такова уже долгое время этика цивилизации и стиль политики, а каждое отступление от этой линии вызывает международные протесты. Принимая во внимание огромный российский потенциал, можно считать, что если бы Россия приняла такую посылку и проводила ее в политическую практику, результаты оказались бы благотворны для всего этого региона Европы, а также для международных дел в целом. Наконец, это оказало бы спасительное влияние на общество и государство в самой России. Российское общество сразу обрело бы возможность — в существенном и исключительно ценностном смысле — равняться с США и конкурировать с ними на неограниченном пространстве ценностей цивилизации.

Такую мысль я прочитываю в сборнике статей Ежи Помяновского «К востоку от Запада. Как быть с Россией?». В книгу вошли статьи не только на чисто политические темы — ее венчает «История, спущенная с цепи», большой очерк о Бабеле, о феномене его писательства и его судьбе. Но громче всего звучит в этом концерте струна политики. Не в каком-то усложненном дипломатическом представлении, упаси Боже, но как интересная, однако опасная стихия, сопутствующая мыслящему человеку.

К несчастью, те, кто руководил российской политикой, не умели или не хотели заметить возможного поворота своей философии поведения, не решились преставить сцепление.

Читатели книги разделяют ее скромный вывод: пусть в области контактов Польши с Россией воцарится попросту нормальность — всего лишь. Когда по

Збигнев Флорчак

О ЕЗДЕ НА ВЕЛОСИПЕДЕ, ИЛИ «К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА»

Так назвал свою книгу профессор Ежи Помяновский и добавил подзаголовок: «Как быть с Россией?» Это один из «проклятых вопросов», порожденных политической историей и географическим соседством двух братьев во славянстве, которые до сих пор не могут по-братски понять друг друга. Причем в первую очередь речь может идти не столько о народах, сколько об институтах власти: они решают вопросы войны и мира, манипулируя массовым сознанием для утверждения собственного благоденствия, а не реализации изначальных ценностей общей цивилизации, восходящей к христианству. Идеология, подменяя объединяющую народы цивилизационную универсальность целесообразностью государственной локальности, тем самым возводит преграды, которые не только разъединяют народы, но и дробят цельное мироощущение цивилизационно первоначальной христианской общности на мозаичность отдельных этнических составляющих. Отсюда берут начало стереотипы восприятия другого государства и народа сквозь призму только своих представлений и только собственных потребностей и интересов. Это до сих пор обуславливает русское восприятие польскости и vice versa.

Идеологичность искажает самое перспективу восприятия фактов, не говоря уже о степени объективности их понимания. Потому-то вместо романтических мифов о славянском единстве, которому якобы изменила Польша, вместо стародавнего концепта исключительной роли России, которую «коварные ляхи» не хотят признать, — вместо всего, что создавалось имперской идеологией прошлых веков и порой до сих пор в силу отсутст-

телевидению смотришь сцены с московских кортов, когда Ельцин со всей непосредственностью обнимает отличную теннисистку Мыскину, ощущаешь *обычное* удовольствие. Слишком долго с той стороны веяло холодом и опасностью, и в этом контексте обычность приобретает вид идеала. «Как *быть* с Россией?» — программа минималистская, но в высшей степени достаточная. Практические посылки — как это осуществить — тоже остаются на этом доступном для всех уровне.

Первый принцип: исключить из взаимоотношений невежество. Исключить незнание вещей, людей и дел, грозящее непредсказуемыми результатами. Поддерживать с Россией и русскими живые контакты — старый стратегический и тактический принцип, испытанный в боевых условиях. Мы вместе с автором далеки от уговоров занять какую-то бойцовскую позицию — как раз наоборот. Да только в мирной международной инженерии точно так же, как в битве, *нельзя позволить себе не знать*, не распознавать партнера, потенциального партнера. Прежде всего и в первую очередь надо *знать*. С кем и с чем имеешь дело.

Простая идея, не слишком легкая при воплощении в жизнь, как можно было бы вывести из ее простой формулировки, органически вписана в долготлетнюю публицистику автора книги — писателя, переводчика прозы и поэзии, человека всесторонне компетентного. Помяновский сразу, в самом начале, ссылается на Ежи Гедройца, считая его своим учителем. Редактор «Культуры» отождествлял понятие культуры с понятием политики и это осмотическое орудие пускал в ход с огромным успехом в своих боях, продолжавшихся полвека с лишним. Из подсказки Гедройца выросла «Новая Польша», где вы читаете мою рецензию. Интерес вызывает не только смысл, но и тон публицистики Помяновского: страстное, ибо идущее от самой глубины его убеждений, содержание автор облекает в сдержанность и хладнокровие, нередко приправленные иронией. Ведущий мотив этой публицистики — *разум*, и это не пустое наблюдение, ибо далеко не все хотят и умеют пользоваться этим органом. Как остроумна, например, концовка коротенькой полемики (сентябрь 2001) с Александром Бохенским, публицистом «Пакса», который сразу после войны исповедовал мнение о том, что у Польши нет иной формы бытия, кроме как отдаться под протекторат Советского Союза. Этот тезис Бохенский защищал в своей «Истории глупости в Польше». «Заглавие, — замечает Помяновский, — увлекательное, хотя смысл книги позволяет в конце концов признать ее доказательством того, что эта история продолжается».

Как написать о книге, тематику которой сам автор знает куда лучше пишущего этот комментарий? И еще одна трудность, параллельная предыдущей. Как писать о книге, с тезисами которой и словесным мастерством их подачи невозможно не согласиться? Увы крити-

вия свежих идей (свидетельство инертности мышления политического класса) культивируется искусственно, поддерживая старые стереотипы*, не пора ли рационально обратиться к реальности прошлой и нынешней? На пороге нового тысячелетия это тем более необходимо: прежде всего чтобы выйти из того одиночества, в которое официальная Россия в очередной раз себя вовлекла, при этом в очередной раз создавая образ врага для оправдания несостоятельности собственной идеологии и просчетов собственной политики.

В контексте истории нашего континента русско-польское соседство осложнялось закономерностями универсальными (общеевропейскими) и локальными (сугубо местного свойства). К первым относится внутрицивилизационная дифференциация на латинский Запад (в который вместе с поляками вошло все западное славянство и часть южного) и византийский Восток (куда наряду с болгарями и сербами вошла Русь). Это наложило специфический отпечаток на особенности национальных культур и сам национальный склад ума, равно как и преимущественную направленность профессиональной, политической, хозяйственно-экономической, художественной ориентации соответственно на романо-германскую и греко-византийскую составляющие общехристианской цивилизации. Если же речь идет о локальных закономерностях, то особую роль в русско-польском взаимонепонимании сыграл тип государственности — самодержавная деспотия в России и шляхетская демократия в Польше. Две системы формировали два совершенно разных вида представлений о личности и обществе, институтах власти и политической культуре. К концу XVIII в. эволюционировавшая в ходе реформ демократия Речи Посполитой на фоне французской революции воспринималась абсолютистскими соседями — Австрией, Пруссией и Россией — как составляющая «французской заразы», что в конечном счете повлекло за собой ликвидацию ими польской государственности.

* Чего стоит «свежая» идея приурочить праздник Москвы к изгнанию поляков в 1612 году? К слову сказать, поляков, приглашенных на помощь частью самих же русских. Если уж придумывать праздник города, то не уместнее было бы вспомнить первую нашу победу в Великой Отечественной войне в декабре 1941-го? Или ксенофобия авторов праздничной придумки тут оказалась сильнее антифашизма и памяти о великом подвиге защитников Москвы?

ку, но все это вызывает у него полнейшее удовлетворение. А у читателя от такого сближения возникает подозрение в кумовстве. «Ну и что поделаешь?» — как говорил генерал Люциан Желиговский в трудные минуты. Попробуем перевести эти общие идеи автора и критика на наш собственный язык.

Еще раз *ab ovo*. Насколько я ориентируюсь, Помяновский — единственный в Польше публицист, который всеми средствами своего разума и писательского мастерства стремится обосновать мысль о том, что между Польшей и Россией нельзя создавать зону недоверия, а если другая сторона не отвечает доверием, то и в таком случае нельзя воскликнуть: «А что мы говорили?!» — и под этим предлогом раздувать воздушный шар обиды. Помяновский безмерно требователен к польскому обществу, ожидает от него мудрости и терпения. Он как будто уговаривает: «Вне зависимости от стиля поведения России мы обязаны продолжать возиться с этим вопросом и складывающиеся обстоятельства по возможности улучшать». Это будет (объясняет Помяновский) не уступкой и поклоном, а, наоборот, пуском в ход всех имеющихся в голове пружин ума. При этом автор не питает иллюзий, зная, что предлагаемое партнерство с Россией — дело трудное и временами напоминает задачу скрутить бич из песка, которую черт задал пану Твардовскому в корчме «Рим».

Редактируемая Помяновским «Новая Польша» обречена к процентно небольшой группе русских. К слою, который только на двух языках, по-русски и по-польски, называется интеллигенцией. Автор пишет: «Самое тяжелое наследие коммунизма — покорность русской интеллигенции перед лицом власти». Но не только это: другой груз, деформирующий этот слой, — «унаследованные от большевиков имперские поползновения, зачастую открыто декларируемые». Большевики «гильотинировали» народ, отрубив ему голову, мозг и дух — русскую интеллигенцию. В действиях обоих отцов революции, Ленина и Сталина, это было не случайно взятой на себя задачей, наоборот: в полном сознании они делали «благочестивое» дело. Вдохновением им служила царская Россия, и в этом случае наблюдается поразительная непрерывность некоторых линий — наряду с отношением к соседям. Николай I (на внутренней стороне обложки воспроизведен рисунок Гюстава Доре из его знаменитого русского цикла: царь, глядящий на Европу в подзорную трубу) вызвал к себе графа Бенкендорфа, начальника Третьего отделения. Бенкендорф собирался в Германию, и император предложил ему побывать в Нюрнберге и наплевать в «медный лоб» памятнику Гутенберга. Хотелось бы крикнуть: «Роскошный анекдот!» — да только это анекдот страшный. Все мы, считающие чтение образом жизни, представив себе эту сцену, обольемся холодным потом. «Само чтение книг, — отмечает Помяновский, — это попытка показать себе, что в жизни можно искать как красоту, так и смысл». И дальше: «К счастью, большевикам не удалось эксперимент по превращению интел-

На захваченных территориях российская власть правила, не считаясь с образом мыслей, политической культурой, историческими традициями и самим укладом жизни поляков. Это непрестанно вело к углублению национального размежевания, непрекращающейся конспирации, череде восстаний, а завершилось восстановлением польской государственности в 1918 году.

Большевистский тоталитаризм, беспощадный к народонаселению собственной страны, трижды пытался покорить поляков — в проигранной войне 1920 г., в совместном с нацистской Германией захвате страны в 1939 г., в насильственном установлении марионеточного режима в ходе II Мировой войны и после ее завершения. Тем самым на историческую память поляков о прошлом накладывалась череда современных трагедий — от сентябрьской агрессии 1939 г., Катыни, массовых депортаций 1939-1941 гг., отказа от помощи восставшей против немцев Варшаве, жертв массовых преследований в ходе установления тоталитарной власти с помощью горстки местных коммунистов до последующих времен деформации национального бытия в подневольной системе «реального социализма», контролируемой и регулируемой из Москвы. Вся эта сумма исторического опыта сформировала специфический «польский комплекс» в восприятии восточного соседа. Причем традиционное имперское отношение правящей советской элиты к «польским товарищам» не могло не сказаться на вынужденно скрываемом до поры до времени также и их отношении к России. Вступление суверенной Польши в НАТО и Евросоюз в период нахождения у власти экс-коммунистов — ярчайшее этому свидетельство.

Распространенные у нас суждения о «польской измене» и «польском коварстве» — следствие непонимания далекого и недавнего прошлого. Режим «реального социализма» в Польше (как и в других «соцстранах») держался на советских штыках. «Московские товарищи» пренебрегли максимой Наполеона: штыками можно завоевывать, но править, сидя на штыках, невозможно. С вынужденным уходом «советского брата» рухнул установленный им «братский режим». Вступление Польши в НАТО и ЕС было не только естественным стремлением освободиться от исторически сложившегося комплекса страха перед «Востоком» благодаря обретению коллектив-

лигенции в замкнутый круг узких специалистов. Они не сумели вырезать у этого слоя „железу гуманизма“. Это такой орган, может быть невидимый, без которого невозможно быть интеллигентом. В соревновании двух инженеров как правило выигрывает тот, кто кроме алгоритмов знает еще Горация и Словацкого. Удаление этой железы приводит к утрате воображения, без которого можно выполнять планы, но не обдумывать их. (...) Только высокая культура несет груз традиций. Помяновский добавляет: «Удивительно, но людей, которых единожды научили ездить на велосипеде или читать, невозможно от этого отучить». Мне очень по сердцу эта аллегория. Свыше тридцати лет я писал в каждый номер журнала «Нове ксьёнжки» («Новые книги») фельетон под рубрикой «Навык чтения».

Не сумею охватить — да, пожалуй, и не об этом речь — всю материю этой книги, где под одной обложкой собрано 25 статей за последние, если не ошибаюсь, семь лет. Это раскидистое древо познания добра и зла выросло на меже, разделяющей Россию и Польшу. Помяновский уже очень давно неуклонно занимается дисциплиной, которую сам преподает и которую можно попросту назвать «Россия и Польша» — или «Польша и Россия». Он пашет свой бугор против ветра. Ветра плоских суждений или просто недоброй воли. Аллегорически я представляю себе Ежи Помяновского в виде одинокого человека со шкафом: с многостворчатым гданьским шкафом на плечах он карабкается вверх по горному обрыву.

Ибо нет никакой идиллии в развитии отношений между двумя обществами — дело идет с препятствиями, по ухамам. «Каждую деталь нашей истории каждая из сторон симметрично толкует по-своему, даже когда речь идет о таких очевидных фактах, как разделы, восстания, война 1920 года и даже Катынь». Несмотря на то, что уже исчезли причины «вековой борьбы между Россией и Польшей, Россия относится к нам холодно, невыгодный для Польши торговый баланс мы доплачиваем на сумму в среднем 3,5 млн. долларов в год, все польские жалобы считаются проявлениями русофобии».

Несмотря на все это — и вот центр тяжести его рассуждений! — Помяновский считает, что эти отношения нужно изменить к выгоде *обеих сторон*, иначе в этом чувствительном месте Европы грозит вырисовывающийся коллапс. Он не извлекает, как кролика из цилиндра, каких-то волшебных средств к этому. То, что он предлагает, — это постоянно, до упора продолжать попытки контактов, что когда-нибудь (в каждой публицистике высокого полета должна быть примесь веры) непременно преобразится в нормальный разговор. А начать надо, и это понятно, с составления протокола о расхождении. С этого надо начать.

ной защиты Запада от посягательств на свою суверенность, культуру, образ жизни и само национальное достоинство, но и *возвращением в исторически свой круг западной культуры* (не говоря уже об открывающихся возможностях выхода из хозяйственно-экономического тупика, в котором оказался весь соцлагерь).

На наших глазах происходит эпохальное преобразование Европы. За европейскими пределами России почти не осталось «одиноких» стран, которые могут безнаказанно подвергнуться жесткому подчинению, не говоря уже о прямой агрессии. Перед лицом объединенной Европы традиционная для некогда деспотических и могучих России и СССР великодержавная политика силовых решений утратила свои реальные основания, а с ними и сам внутренний смысл. В радикально изменившемся мире результативной может быть только политика как искусство достижения поставленных целей путем компромиссов. А она возможна только при условии не просто знания, но *понимания* государственных интересов других стран, что достигается посредством постижения и учета их культурно-исторической специфики и уважения к их национальному достоинству.

С таких позиций в отношении России и русских и написана книга Ежи Помяновского, в которую вошли политические статьи, полемические выступления на темы истории, культуры, геополитики, интервью, где глубоко затрагиваются проблемы русско-польского прошлого и актуальные события, историософия и современная политическая практика, а в заключение, как бы особняком, стоит великолепное эссе о Бабеле — блестящий образец литературоведческой эрудиции автора и свойственного ему искрометного стиля.

Книга посвящена памяти Ежи Гедройца. Это знаменательно, ибо отражает не только глубокое уважение и сердечную привязанность, но и позицию автора, который начинает свою книгу тремя статьями, позволяющими читателю увидеть образ, воззрения и деятельность этой теперь уже исторической личности. Родившийся в Минске, Ежи Гедройц хорошо знал Россию, глубоко уважал русскую культу-

ру и имел верных русских друзей. И весьма символичен для внутреннего настроения души этого поляка тот факт, что его отпевание согласно завещанию состоялось в католическом и православном храмах Парижа.

В силу такого рода интеллектуальной «родословной» книга Помяновского представляет особый интерес не только для поляков. Она способствует также восприятию русскими польского понимания России — причем, что особенно важно, понимания, присущего тем представителям польской интеллектуальной элиты, которые стремятся преодолеть тяжелое наследие нашего совместного прошлого. Взламывая старые стереотипы, преодолевая устоявшиеся предубеждения, они, в отличие от своих оппонентов, глядят не вспять. Объективно рассматривая минувшее, они делают вытекающие из него выводы для нормализации польско-русского настоящего и потому с надеждой смотрят вперед. Причем случай Помяновского здесь особый. Один из крупнейших представителей зарубежной русистики, талантливый переводчик Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, Е.Шварца, И.Бабеля, первый, кто перевел на польский «Архипелаг ГУЛАГ» А.Солженицына, перевел А.Сахарова и М.Геллера, он познал Россию *изнутри*, подобно таким знаменитым поборникам культурно-гражданственного сближения поляков и русских, как Мицкевич, Спасович, Здоховский, Ледницкий, Дравич, Ворошильский, Валицкий.

Начинающий публицист социалистических изданий, раненный солдат сентябрьской кампании 1939 г., Помяновский оказался в СССР. Работал на шахтах Донбасса, окончил московский мединститут, а после войны, вернувшись на родину, уже вскоре выбрал литературу, театр и преподавание в Варшавском университете. С 1969 г. он продолжил преподавательскую и литературную деятельность в Италии, установил связь с кругом выходящего в Париже эмигрантского журнала «Культура», основателем и главным редактором которого был Ежи Гедройц. Он-то впоследствии и убедил Помяновского создать в 1999 г. «Новую Польшу» — как мост встречи гражданского общества России и Польши, платформу диалога польской и российской интеллигенции.

Выбор Е.Гедройца — этого, пожалуй, самого выдающегося представителя той части послевоенной польской эмиграции, которая была открыта к Европе, лишена националистической замкнутости и политической оголтелости, — его интуиция и знание людей не подвели и на сей раз. Глубокое понимание Помяновским русской истории, внутренних контрастов русской жизни, а отсюда и противоречивых сложностей самой русскости, его знание русской культуры и душевная увлеченность русской словесностью — все это нашло отражение в его творчестве и наложило отпечаток на облик руководимого им журнала. Знакомая русским с Польшей, а поляков с Россией, Помяновский продолжает то течение польской мысли, которое противостояло русофобии, различая СССР и российское общество, не отождествляя подданных режима с самим режимом, жертвами которого были не только поляки, но и сами русские. Помяновский терпеливо и последовательно предлагает полякам и русским совместный путь установления взаимопонимания, что резко отличает его от надрывных взываний по ту и другую сторону границы к очередному утверждению идеологической «правоты» и твердокаменной «незыблемости» очередных «национальных идей», творимых очередными — как их некогда нарек Аксаков — «квасными патриотами».

Для Помяновского как Россия, так и Польша — составные части Европы, обладающие подобно всем другим народам нашей общей цивилизации собственным национально-историческим своеобразием. Задача же на сегодня состоит в том, чтобы, учитывая это и извлекая уроки из совместного прошлого, сделать выводы для выработки общей позиции в налаживании равноправных отношений в настоящем. И решать должны отнюдь не только политики. В условиях демократии возможен, а для поиска точек соприкосновения просто необходим открытый диалог гражданского общества России и гражданского общества Польши — диалог, преодолевающий традиционную мифологию, давние идеологические схемы и сложившиеся в их кругу стереотипы. А куда все это заводит, Помяновский показывает на фактах давней и недавней истории. При этом, последовательно сохраняя объективность, он нелицеприятен по отношению к националистическим комплексам своих земляков и весьма критичен в характеристике живучих стереотипов польского восприятия России и русских. Спокойно и взвешенно анализируя драматические, а нередко столь трагические для поляков последствия политического мышления и сило-

вых решений российского и советского режимов, автор при рассмотрении определенных внутривосточных ситуаций и внутривосточных разграничений от времен прошлых до нынешних горько констатирует: «Не из России исходит наибольшая опасность для Польши... Опаснее всего для Польши сами поляки».

Исходный пункт размышлений автора и историософская основа его выводов и оценок — это разработанная в первые послевоенные годы Гедройцем при участии Юлиуша Мерошевского концепция, которую в жесточайших спорах с преобладающей частью польской политэмиграции отстаивали также Юзеф Чапский, Густав Герлинг-Грудзинский, Константы Еленский, Ежи Стемповский. Их непримиримые оппоненты рассуждали в традиционных категориях польской политической мысли, сущность которой Гедройц заключил в афоризме: «Польшей правят два гроба — Пилсудского и Дмовского». Согласно же концепции самого Гедройца, в обозримом будущем неизбежен распад СССР как последней империи — государственной системы, изжившей себя исторически. Возникновение к востоку от нынешней Польши суверенных государств — России, Украины, Белоруссии и Литвы — должно быть осмыслено поляками в свете современных исторических реалий. А это означает, что Польша должна отказаться от претензий на земли, некогда входившие в состав Речи Посполитой, что и служило источником конфликтов с Россией вплоть до ликвидации польской государственности в XVIII в., а в XX-м — острейших антагонизмов и кровавых столкновений не только с СССР, но и с уже сложившимися литовской, украинской и белорусской нациями. Безоговорочно признав исторические права на этнические земли и государственный суверенитет этих народов, Польша тем самым обретет дружественных соседей не только в их лице, но и в лице России, ибо исчезает сам предмет исторического соперничества. Отношения Польши с новыми государствами должны строиться на основах абсолютного равенства. Нарушение же достигаемого равновесия создает опасность если не возобновления гегемонии (в особенности со стороны обладающей наибольшим потенциалом России), то ослабления суверенности, возникновения экономической, а отсюда и политической зависимости.

Анализируя положение дел после того, как футурологический прогноз Гедройца—Мерошевского полностью оправдался, Помяновский подвергает нелицеприятной критике польский политический класс за пренебрежение этими идеями, за отсутствие продуманной восточной политики. Только в лице Александра Квасневского, Бронислава Геремека и Владислава Бартошевского он видит тех, кто в меру своих сил и возможностей стремится наводить мосты «к востоку от Запада» и осознаёт, что натовский «зонтик» и вступление в ЕС — отнюдь не альфа и омега локализации политико-экономических интересов Польши и самого вектора польской активности в Европе, частью которой остается Россия и некоторые бывшие республики СССР. При этом, по мнению Помяновского, восточная политика должна быть для Польши не только внешним, но и внутренним фактором (имеется в виду преодоление устаревших стереотипов и фобий в отношении восточных соседей). Здесь понимающий, знающий и любящий русскую культуру автор бросает перчатку доморощенным «патриотическим жандармам». Его стремление открыть глаза на Россию — былую и нынешнюю — проявляется не только в спорах с зашоренными земляками. В этом отношении особо привлекательны обширные материалы полемики с Р.Пайпсом. «Детерминизму» американского ученого, который видит будущее России и русских в системе полицейского государства, Помяновский, трезво оценивающий соотношение сил в российском прошлом и настоящем, противопоставляет образ будущего России в реализации ею идей демократии.

Написанное ярко, темпераментно и остроумно, а при этом в полном соответствии с заповедью Тацита «без гнева и пристрастия», это непредвзятое осмысление туго затянутого историей узла русско-польских отношений отражает наметившееся в наши дни общее стремление польских и российских ученых к тому, чтобы терпеливо его распутать, а не рубить. Рубили сплеча политики и полководцы, да только что из этого вышло?

Юзеф Хэн

Перевод
Юрия Чайникова

ИЗ СТАРОГО БЛОКНОТА

Фрагмент книги «Я не боюсь бессонных ночей» (2004)

Апрель 1956

Какой-то чужой человек курит сигарету за сигаретой. То ли нервничает, то ли просто взволнован. Он прислонился к толстому стволу урюка* и все что-то высматривает. Что может высматривать чужой человек в тихом, почти что вымершем Самарканде? Нет здесь ни завода атомных бомб, ни урановых рудников. Есть только улицы одноэтажных домов, глиняные дувалы, кудахтанье кур, звуки клаксонов такси.

Из чайханы выходит мужчина в положенной ему по службе черной шляпе и в широких черных брюках и внимательно смотрит на иностранца. Докурив одну сигарету, иностранец прикуривает следующую. Да-а, что все это может значить? На чужаке плащ заграничного покроя, заграничный берет, он по-заграничному смотрит и по-заграничному ходит. Мужчина в черной служебной шляпе озабочен, возвращается в чайхану. Потом опять выходит из нее. А чужой человек все стоит возле толстого ствола. На сей раз он насвистывает мелодию. Что-то заграничное.

Я не могу сказать типу в черной шляпе, почему я так нервничаю и кого так нетерпеливо высматриваю. Мужчина в черной шляпе пропал из виду. Ну и хорошо. Смотрю на часы. (Двенадцать лет назад их у меня здесь, в Самарканде, конечно не было). Если через пять минут не придут... — говорю я себе. Но угрозу не заканчиваю. Если через пять минут не придут, что ж, подожду еще пять минут, а потом еще и еще пять. Проторчу здесь до вечера, пока не потеряю последней надежды. Потом вернусь в свою мрачную гостиницу, полный отчаяния, что что-то от меня ускользнуло и ушло навсегда. Что что-то никогда больше не вернется. Бесповоротно. Как конец жизни.

А может, еще придут. Прекрасно помню их, этих девчат, в которых я был слегка влюблен. Я питал это чувство к ним ко всем вместе. Все они были полны очарования. Полны беззаботности и доброты. Они не особо обращали внимание на голод и отсутствие подходящей одежды. Их молодость одолевала зло. Такими я их помню — улыбающимися, а прежде всего поющими. (Впрочем, один раз, помню, Люся Гурьева, высокая, взорва-

лась, причем на лекции: «Да что там говорить о нашей жизни, *наша жизнь исковеркана!*») Воцарилась тишина. Девушка нарушила неписанный закон — на жизнь не жаловались.) Они называли меня «солдатиком» из-за моего военного прошлого и английской гимнастерки, в которой я шеголял. А так как во всей группе нас, парней, было только двое (второй, Шимек, на десять лет старше меня, прибился к училищу, чтобы пережить зиму), то они, девчата, считали, что обязаны отнестись к нам со всей сердечностью и, главное, освободить нас от бабской работы. Но при этом были они настоящими озорницами, какими бывают невинные девчонки. Застенчивость приходит к ним позже, когда они осознают свою женственность, когда собственное тело поражает их и вселяет в них беспокойство, когда их охватывают желания и они начинают бояться своих капризов. Тогда они затихают.

С тех пор прошло двенадцать лет. Почти пять тысяч ночей. Проказницы-девчата стали женщинами, беременели и рожали, достигли тридцати лет. Я приехал к ним спустя двенадцать лет, чтобы показаться им — вот я, пришелец из далекой Европы, чужой человек из чужой среды. Они придут, чтобы проверить по моим глазам, сильно ли их изменил этот третий десяток или, может, осталось в них еще что-то от тех безумных второкурсниц Самаркандского педучилища.

Придет Эвелина. Дома, в Варшаве, у меня есть ее фотография. Перед отъездом я еще раз взглянул на нее. Помню прекрасное девичье лицо, пышные черные волосы, длинные такие и все в локонах. Эвелина была смелая и гордая, как схематическая красота. Ее симпатии тоже были смелыми: она дружила с одним бессарабским евреем, который потерял в Красной армии руку и получил пулю в легкое. Не знаю, хватило ли ей смелости выйти за него.

Придет Рая. Об этой толстухе можно не беспокоиться. Она не потеряется в жизни. Помню, как мы поймали их с Борисом на чердаке за невинными ласками. Ей мы легко простили (а вот

* Курсивом здесь и далее — по-русски в тексте.

этому подлецу *из другой группы* — нет!), потому что нам нравилось, как она поет. Она знала множество фривольных песенок, хулиганских куплетов и душеспасительных романсов. Попрошу ее спеть про ту кошку, у которой разболелся живот и которая выпила касторку. («Ты знаешь край, где плещется касторка?..»)

Придут Нина и Люся. Они были неразлучными подругами. Нина повыше, пошумнее, Люся потише, общительная, доброжелательная. Они пели «Мы не сеем, мы не пашем», при этом Нина смешно покачивала бедрами, всегда выдвигая вперед правое. Помню это бедро: уж очень озорно оно косило, так мне казалось. Люся носила челку, была теплая и мечтательная.

Еще, я слышал, должна прийти Лидка, но, хоть убей, не могу вспомнить, кто это. Не помню, и всё тут. Говорят, рыжевато-валя. Рыжевато-валя была Валя, мировая девчонка, настоящая сибирячка, но Вали здесь нет, после войны она вернулась в Сибирь.

Тип в черной шляпе снова выглядывает из чайханы. Да пусть его. Они уже идут. Точно, они, издали нетрудно узнать. Зато чем ближе, тем труднее, тем, черт побери, труднее.

Наконец они стоят передо мной. Пять тридцатилетних женщин. (Понял бы их Бальзак?) Мы улыбаемся друг другу пустыми улыбками, на самом деле думая о чем-то невеселом, о чем-то даже очень горьком. Они думают: «Ты чужак в заграничном плаще. Зачем ты к нам приехал? Зачем напоминаешь нам, что за Самаркандом есть еще большой мир с незнакомыми людьми в заграничной одежде? Мы шли на встречу с нашим “солдатиком”. Он не был таким серьезным задумчивым “польским паном”, он был свой парень, гораздо симпатичнее тебя. *Пошел вон!*» А я думал: «Бабы, бабы, верните мне моих девчат, верните мне моих певуний, красоток».

Я сказал:

— Попробую угадать, кто есть кто, хорошо? Подхожу к толстой бабехе и говорю:

— Рая, ты? Все еще поешь?

— Пела в ансамбле, да муж запретил. Не вынес моих отлучек.

Высокая, худая, плоская женщина, лицо острое, без признака мягкости.

— Кто же ты, — мучаюсь я. — Кто же ты?

Подсказывает:

— Нина.

— Нина Костычева! — хвастаюсь своей памятью и пытаюсь напеть: «Мы не сеем и не пашем, татаритарара».

Одна из них хихикает.

— Голос у тебя изменился, — замечают они.

Та, что пониже, — Люся, точно Люся. Но почему у нее одно плечо выше? Явно горбунья. Видимо, так и было, всегда было, только девчатам-подросткам все сходит с рук. Но куда, скажите, подевалась та теплота, что жила в ее глазах, доброта, нежность и мягкость зрачков?

Стою перед четвертой и знаю, что знаком с ней, и уверен, что в эти чертах когда-то были красота, и смелость, и гордость. Так стоишь перед потрескавшимися стенами дворца, известного тебе по старинным картинам, на которых он блистал великолепием. Вижу несвежую кожу шеи и исхудалое лицо. И черные невыразительные глаза в прекрасной оправе. Откуда это преждевременное разрушение, как будто дворец постигла катастрофа.

— Эвелина... — шепчу я.

— Что, изменилась?

— Ох, только волосы. У тебя были чудесные локоны.

— Уже давно остриглась.

— Что с тем парнем без руки с простреленным легким?

— Мы поженились. У меня самой легкие тоже больные.

— И сердце с перебойми, — бесцеремонно добавляет Рая.

— Ну да, вот только вышла из больницы.

Значит, не бросила своего безрукого легочника-еврея, хоть и нет у них детей, хоть и было время, когда такой муж мог принести ей множество мучений, да и теперь оно не самое удобное. Смелая гордая Эвелина! Не изменилась! Нет!

А это кто же, эта медноволосая бабенка с угловатым веснушчатым лицом? Единственная среди них, что красит брови и ресницы. У нее широкие угловатые бедра, такие, как...

— Валя?

— Уехала в Сибирь.

Все-таки уехала! А-а, была еще одна рыжая в группе. Маленькая такая, вся в веснушках, со смешными косичками. Очень робкая, тихая. И когда медноволосая Лида берет меня под руку и спрашивает, как восприняли у нас «информацию» (значит, так это называется) Хрущева о Сталине, я взрываюсь смехом. Подумать только: именно она, маленькая веснушчатая Лидка, такая тихая и робкая, что я напрочь забыл о ней, берет меня под руку и вообще спрашивает меня об этом.

Остальное происходит у Раи дома, под водку, шампанское и портвейн. А еще — селедку, колбасу и великолепную форель в кляре. Разливает Раин муж. У этого две руки, зато ходит с палочкой.

Был ранен в боях за Познань. Спрашивает меня о Варшаве, запомнил сплошные развалины. Когда вернулся с войны, познакомился с Раей. Пела, как жаворонок, знаете наверно. Работала учительницей. Получили «учительский» участок — в Самарканде с участками нетрудно, — решили строиться. Было немного трофейного добра, продал, получили небольшой кредит. Рабочая сила не стоила им ничего, он все делал сам с двумя приятелями. Потом он им в свою очередь помогал. Все здесь он сделал сам: стены, полы, крышу. Мог бы работать плотником, но невыгодно: налоги такие, что ни вздохнуть ни охнуть. Вот и работает в транспортной конторе, она учительницей, держат свиней и кур, и как-то все обходится. Ну, еще по одной. Что, нравятся картинки? Купил в писчебумажном магазине. Недорого, и продают сразу в рамке. Фабричное производство. Как это не живопись? А черт их там разберет — главное, что стенка не голая. Рая хотела повесить на стену какого-нибудь ангелочка, да на кой он нужен, ангелы, дьяволы, вожди — не по мне. Уж лучше зверушку какую. Как полякам нравится Дворец культуры и науки? Вы вроде и «победы» делаете?

У женщин разговоры поинтереснее. Стали вспоминать хохмы, которые они устраивали математику (из Одессы) Борису Ефимовичу, и пришли к выводу, что это было свинство. (Я был у них вчера. Мария Исааковна, его жена, увядшая, с крашеными черными волосами, показала мне план сценария учебного фильма о воспитании детей. Смотрит на меня с трепетом, что скажу. Просмотрев эти нелепые выдумки сумасшедшей женщины, я, разумеется, сказал, что все это очень впечатляет, и посоветовал написать на «Мосфильм». Есть там в сценарии проект поделить дворы на квадраты, за каждой семьей будет закреплен свой квадрат, и таким образом удасться избежать ссор!

Бедный, больной мозг.. Рассказывает мне, как ее похвалили три критика, утверждая, что у нее оригинальные и вместе с тем марксистские взгляды на литературу. За пять минут, по ее словам, она сумела изложить им главную мысль «Фауста» и «Короля Лира». Пять минут, нет, не больше — и там было всё. Борис Ефимович стал за ее спиной и покрутил пальцем около лба. А потом подал голос, чтобы прервать этот артистический монолог: «Мария Исааковна, кусочек хлеба к рыбе, если можно...») Ему-то, старому математику в плену у полупомешанной женщины, они обязаны встречей со мной. Вот только поздновато я приехал. Их жизнь уже прошла.

Так говорит толстая Рая. Она дошла до края. Закончила институт, получила место, вышла замуж, родила двоих детей, воспитала, построила домик. Больше ей не петь, не любить и, будем надеяться, не рожать. Она не окончит никакую другую школу, не будет сдавать экзамены, не получит повышения, не построит дом побольше. Ничего больше не ждет. Теперь только скука и однообразие, скука до самого конца.

Я возражаю. Неправда, девушки. У меня само слетело с уст: «девушки». Когда я приближался к тридцати, мне казалось, что я очень «старый». Теперь, спустя три года, вижу, что только начинаю. Что я взрослый и могу начать жить.

— Думаешь? — Нина наливает. — Может, оно и так.

После третьей рюмки все становятся моложе и больше походят на себя прежних. Несут что Бог на душу положит. Так вот, у Люси муж и двое детей, у Нины муж и двое детей, у Раи муж и двое детей, а у Эвелины муж и нет детей. Эвелина говорит Нине: «Ты бы мне своего младшенького уступила». А Нина целует ее и шепчет: «Следующий будет твой, честное слово». И у Эвелины наверты-

ваются слезы на глаза, а я... Прекрасная форель, фантастическая форель... «А мы все были в тебя влюблены», — слышу я. Я с претензией: «И вы только сейчас говорите мне об этом? Правда, — пытаюсь объяснить, — я так был увлечен Реной, что ничего кругом не замечал». Эвелина вспоминает, что когда-то она посоветовала Рене придумать за мной: «Вот был бы для тебя муж». А Рена в ответ: «Ни за что, никогда». Они и понятия не имели, что мы были влюблены друг в друга, так Рене удавалось все скрывать. «Она всегда была аккуратно причесана», — вспомнилось кому-то, как будто это могло иметь хоть какое-то значение.

— Нина, — попросил я, — спой «Мы не сеем и не пашем», но чтобы как тогда: боком вперед и с колыханием бедер.

Нина вспыхнула:

— Да никогда я бедрами не колыхала!

— Колыхала!

— Ей-Богу, никогда!

— Колыхала! Причем таким костистым бедрышком, а то как же.

Спор разрешила Рая:

— Конечно, Нин, колыхала.

Нина погрустнела.

— Подумать только... — шепчет она. — Не помню такого.

Рая произносит тост:

— А знаете что, девчонки: выпьем за то, чтобы Лида побыстрее замуж вышла. До дна!

Лида кивает головой. Робкая девушка сегодня стала энергичным партийным активистом и членом горсовета Самарканда. Только вот в свое время не успела схватить и уже теряет надежду. Опоздала, когда безрукие и безногие покидали госпита-

ля. Тогда ей было восемнадцать, и она мечтала о большой любви, о сильных руках здорового мужчины. Но те могли выбирать самых красивых. Даже покрасивей, чем она, были вынуждены умерить притязания. Вернувшиеся с фронта солдаты мечтали о теплом уголке, о прекрасных девушках и о покое. Не было у нее теплого угла. Она тяжело работала учительницей. В два счета всех фронтовиков расхватывали, и она осталась на бобах. А тут подрастали новые «кадры», шестнадцатилетние зачатки без комплексов, здоровые, доступные, простые. Она отдалась общественной работе.

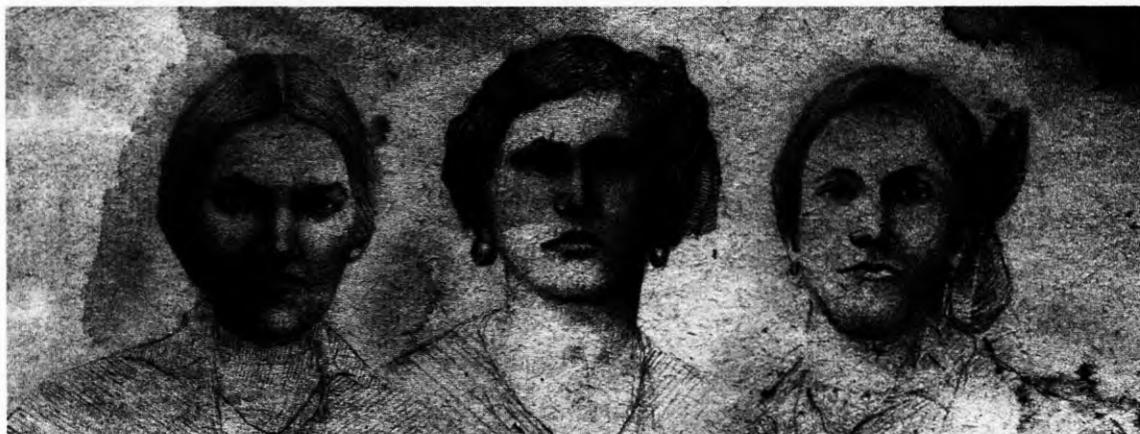
Вчера у тридцатилетней женщины было партийное собрание. Сегодня — заседание горсовета. Устроили головомойку одному типу, отвечающему за производство безалкогольных напитков. Так ему от нее влетело, что не забудет. Как полагаешь: могу я еще выйти замуж?

Раин муж наливает водку. Рука его немного трясется. Мужья — пьяницы, мерзавцы, тираны, ругаются, дерутся, изменяют. Выпьем за то, чтобы Лидка поскорее вышла замуж.

Потом кто-то из девочек затягивает песню. Девнадцать лет не пели они вместе! Мгновение, может, четверть минуты, пока их голоса найдут друг друга и сольются. Но после этого они поют с безошибочным чутьем, с чудесной музыкальностью, радующей душу. Они смотрят друг на друга, вся пятерка, глаза начинают блестеть (может, от выпивки?), улыбаются. Только я, человек в заграничной одежде, не могу с ними петь так, как пел много лет назад. Даю петуха. А потому замолкаю и слушаю.

А они поют и выглядят молодыми.

*Впервые напечатано в книге
«Скромный мальчик в гареме» (1957)*

Paulina Zielona

Олег Закиров

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Продолжение документальных записок*

Начальником Смоленского управления КГБ был генерал-майор А.И.Шиверских (уволен в отставку в 1992 г.) Он занял эту должность благодаря всемогущему покровителю — генерал-полковнику Агееву (зам. председателя КГБ СССР), они оба раньше служили в Иркутске. Шиверских был довольно серым, бесцветным чиновником (но в то же время самоуверенным и чванливым), а всех осмелившихся на критику называл демагогами. Сам генерал страдал косноязычием, разговаривая проглатывал слова, как будто не говорил, а жевал жвачку. Если бы не «мохнатая лапа» в Москве, он вряд ли дослужился бы даже до подполковника. Такие люди и делали карьеру в КГБ и партии — те, кто действовал по принципу «служить бы рад, прислуживаться — тоже».

За свои критические выступления и требования ликвидировать дачный поселок сотрудников КГБ в Катюны (на костях расстрелянных жертв репрессий, в том числе и польских офицеров) я очень быстро оказался в дежурной службе УКГБ, на самой низкой должности. Эту службу называли «кладбищем чекистов», следующим этапом карьеры была улица.

«Олег, не лезь ты на рожон, — говорил мне сослуживец по дежурной службе Григорьев, — увидишь еще, что эта перестройка кончится диктатурой». При этом он делал ссылки на исторические примеры.

«Перестройка кончится перестрелкой», — пошутил электрик УКГБ Владимиров и, как оказалось позже, был прав.

Примерно в это время я заметил небывалый интерес некоторых руководящих сотрудников УКГБ к охоте: вдруг все стали охотниками, но покупали не двустволки-дробовики, а прямо с Тульского завода заказывали себе многозарядные карабины с нарезным стволом (на всякий случай). Сам я питал надежду, что хуже, чем есть, уже не будет. Шла тревожная весна 1989 года, время надежд и горьких разочарований. Русские (и не только) начали массово выезжать из южных республик в Российскую Федерацию. Запахло «жареным», прилавки магазинов катастрофически опустели, появились талоны на продукты и все прочее. Как особый и дурной знак люди восприняли исчезновение в магазинах мыла и стирального порошка. Началась тихая паника. Квартиры многих людей стали превращаться в продовольственные склады — мешки с мукой, соль, спички и т.п., как на случай войны или конца света. Разгорался все сильнее армяно-азербайджанский конфликт... Руководящий состав КГБ проклинал Горбачева, но небольшая часть молодых сотрудников связала свои надежды с перестройкой — чуть позже этих последних быстро поувольняли, просто выкинули как щенят. Генерал Шиверских стал теперь тщательнее подбирать слова: вместо шельмования «антисоветских проявлений» он мягко замечал о «потере политической ориентации у части сотрудников КГБ», имея в виду меня и подобных мне. КГБ ждал своего часа... И сейчас, надо честно признать, дождался. Партия еще была руководящей, свирепствовали парткомы.

Завалив меня с головой срочной работой в архиве, Шиверских рассчитывал, что времени и сил на «демагогию» у меня не останется. Так внешне и выглядело. Я скрипел авторучкой с удвоенной скоростью, делая помимо основной работы свой список пострадавших для будущего (как я мечтал) музея репрессированных и для книги памяти. На мои требования предать гласности списки репрессированных путем публикации в областной газете КГБ не реагировало (только через несколько лет они начали публикации списков реабилитированных). Удлиняя свой печальный список пострадавших, я записывал краткие сведения, номера дел и, как сказано у О.Мандельштама, «мертвецов голоса».

* Начало см. в «Новой Польше», 2004, №9.

Дело №1422(с) на Ефремова Якова Васильевича, 1879 г.р., деревня Раевка Монастыршенского района Смоленской обл., осужден тройкой НКВД по ст.58-10 05.10.1937 на 8 лет ИТЛ, говорил: «...не Николай II был кровавый, а Сталин... обобрали до нитки, еще на заем заставляют записываться (заем на оборону страны), оборонять нечего, лишь бы от Сталина избавиться. Расстреливают тех, кто хотел для крестьян лучшей жизни...»

Дело №15068 на Титова И.А., 1906 г.р., и Кабанова П.А., 1898 г.р., из деревни Забежинка Батуринаского района Западной [позднее Смоленской] области, 01.09.1931 тройка ОГПУ Зап. области по ст.58-8-10 осудила обоих на 10 лет концлагерей. Кабанова обвиняли в частности за следующие слова: «Колхозы — это разорение и гибель крестьянства... Обижались на прежнюю власть, что была плоха, а советская власть плоше в несколько раз, раньше все было и все сыты были, а сейчас нет ничего, все голодные и босые...»

Единицы из доживших до второй реабилитации присылали в адрес УКГБ письма — например, Пантелеев Ф.А., 1916 г.р., дело №21503(с), ст.58-9-10, осужден тройкой НКВД 30.09.1937 на 10 лет лагерей. Вот несколько строк из его письма:

«...какие только пытки против меня не применялись — и избивали на допросах и заставляли стоять... вынужден был подписать, чтобы не умереть с голоду... направили на каторжные работы в Ивдельлаг... (на станции Сомы в 60 км от Ивделя выгрузили)... выпрыгивали из вагонов, нас ставили на колени (в снег). Потом подъехал верхом начальник Сомского отделения Мотаксапула и заставил всех стоящих на коленях сказать следующее: „МЫ ВРАГИ НАРОДА, НАС ПРИВЕЗЛИ СЮДА ИСКУПИТЬ СВОЮ ВИНУ перед Родиной и лично перед товарищем Сталиным“. Пока это не сказали, конвой не разрешал вставать на ноги, но холод заставил кричать эти слова. Выступил Мотаксапула: „Мы должны за зиму построить дорогу до Ивделя — шпал не хватит, ЛЮДЕЙ ПОЛОЖИМ, но дорогу построим“. И действительно людей положили больше, чем шпал, умирали от голода и холода, но дорогу строили... на строительстве дороги погибли... сотни тысяч людей, которых хоронили прямо в тайге... об их кончине не было сообщено родным. Освободился в 1947 г.

Находился 10 лет в произволе и беззаконии. Те, кто издевался над людьми, ушли на льготные пенсии, а мы (обиженные) никакими льготами не пользуемся. В Костромской области живут Топоров Александр и Фролов Александр Андреевич — эсэсовцы, которые издевались над людьми (заключенными)... Как надо мной ни издевались, как ни обижали, я все пережил... живу на скромной пенсии с подорванным здоровьем...»

Вопреки утверждениям ярых сталинистов об энтузиазме 30-х годов, документы говорят об обратном. Поражает меткая характеристика преступной власти:

«Советская власть — это кучка сволочей и бандитов, которые исковеркали всю человеческую жизнь в нашей стране. Все самые лучшие люди арестованы и томятся в тюрьме, а самая сволочь заправляет страной» — дело №11985 на Паршину П.И., 1882 г.р., ст.58-6-10, расстреляна 17.10.1937.

Народ не обманешь, он видел эту власть «в гробу», видел преступность этой власти, народ не был глупым стадом. Поэтому мне частенько попадались в архивных делах слова: «Это не власть, а банда». Энкавэдэшники не щадили людей с солидным возрастом, так был осужден Давыдов Г.Г., аж 1844 года рождения! Сталин поставил себе за цель уничтожить как можно больше людей, помнивших лучшие (дореволюционные) годы. Правда, советская власть и к детям не знала пощады, их направляли в колонии и высылали в Сибирь как ЧСИР (член семьи изменника родины). Например, 13-летний Валерий Вихорев (из детдома) за «измену родине» был направлен в детскую колонию.

В НКВД была создана (вернее сфабрикована) ПОВ («Польская организация войсковая»), которой на самом деле не существовало. Большинство польского населения западной части СССР было репрессировано якобы за принадлежность к ПОВ. Людей просто арестовывали по данным адресных бюро, которым поручалось представить списки граждан с национальностью «поляк». Затем под пытками добивались показаний под заранее составленные, вымышленные протоколы допросов.

Из архивных дел было видно, что репрессиям нещадно подвергались священники (католики, православные, лютеране и т.д.). Например, по делу на лютеранского священника Швальбе Густава Анцевича, 1880 г.р., арестованного 06.11.1929 ОГПУ области, было репрессировано 111 человек, а 24 — расстреляны (в основном это были латыши).

Пока руководство управления КГБ опомнилось и мне запретили работать в архиве, я успел посмотреть около 130 дел на сотни пострадавших. Кроме списка репрессированных я еще составил список работавших в то время энкавдистов Смоленска и области.

В Смоленске в те времена проживало более двух тысяч поляков, а по всей области — значительно больше. Сколько их осталось после репрессий, можно только догадываться (точных данных на этот счет я не нашел).

Как я ни старался найти в архиве Смоленского УКГБ хоть какой-нибудь след катынского расстрела польских офицеров в 1940 г., кроме упоминания в одном деле об аресте жителя Катыни за излишнюю болтливость — ничего не было. Естественно, его арестовали за то, что он говорил правду: что расстреляли не немцы, а наши — НКВД. Видимо после войны архив тщательно «просеяли», а все касающееся Катыни было изъято (скорее всего забрано в Москву, в архив НКВД СССР).

Таким образом — будучи заподозренным или из-за осторожности генерала КГБ Шиверских, как бы чего не вышло, — я снова оказался в дежурной службе УКГБ, у меня теперь было много времени, и это было мне на руку. Поразмыслив, я решил (не найдя документов по Катыни) искать живых свидетелей — пенсионеров-сотрудников НКВД, работавших в Смоленске в 1940 году. «Документ, бумагу можно сжечь, а самое ценное — это свидетели во плоти (при любом следствии)», — размышлял я. Помог мне один случай на дежурстве. Был глубокий вечер, большинство сотрудников КГБ разошлось по домам. Ушел, наконец, и генерал, телефонные звонки замолкли, я немножко расслабился от дневной суеты. В этот момент загудел наш городской телефон: кому-то неймется, подумал я, поднимая трубку. В трубке послышался взволнованный голос какой-то старушки, которая просила немедленно «связать» ее с заместителем начальника Смоленского УКГБ полковником Головко. Я ответил, что Головко только что ушел домой.

— Срочно позвоните ему домой, — потребовал старушечий голос.

— Хорошо, — сказал я, — но что мне ему передать и кто вы? Ваша фамилия?

— Передайте ему, что мужчина из Москвы расспрашивал жителей Козьих Гор о польских офицерах, — и добавила: — Кто звонит, он знает.

При этих словах я сразу насторожился, сонливость сняло как рукой, я лихорадочно соображал, как бы затянуть разговор подольше.

— Что конкретно спрашивал этот человек из Москвы и у кого? — спросил я.

— Москвич спрашивал, кто расстрелял польских офицеров, он у меня спрашивал, — ответила женщина.

— Что вы на это ему ответили? — сгорая от нетерпения, спросил я доносительницу.

— Ответила то, что мне положено отвечать, — уклончиво сказала она.

Такой ее ответ меня совершенно не устраивал, и я спросил, а что положено отвечать в таких случаях.

— Ответила как надо, что расстреляли польских офицеров немцы.

Я чуть было ее не спросил, а кто расстрелял их на самом деле...

Чтобы не вызвать ее подозрений, я сказал:

— В общем вы ответили как надо, а вашу информацию я сейчас передам Головко, и он с вами свяжется.

Набирая номер телефона Головко, я надеялся, что, может, и этот мне скажет больше, чем положено. Так я начал раскручивать клубок «тайны Кремля №1» (как будут позже писать газеты).

Продолжение следует

**Станислав
Балинский**

Перевод
Анны Ахматовой

ВАРШАВСКАЯ КОЛЯДА 1939 ГОДА

Не дай нам, Матерь, Христа рождения
Праздничный час.
И да не видят глаза Спасения,
Как мучат нас.

Пусть Бог родится, о, Пресвятая,
Средь звезд иных —
Не здесь, не в самом печальном крае
Из всех земных.

Здесь в нашем граде, что ты любила
От давних дней, —
Растут кресты лишь, растут могилы
В крови своей.

И под шрапнелью все наши дети,
С свинцом в груди.
Молись, Мария, за муки эти,
Не приходи.

А если хочешь родить средь теней
Варшавских мест,
То сразу сына после рожденья
Пошли на крест.

Станислав Балинский (1898-1984), поэт, связанный с группой «Скамандр», но предпочитавший иную поэтику. Проявлял сильную склонность к классицизму. До начала II Мировой войны публиковался мало. Будучи с 1922 г. дипломатом и находясь в основном за границей, редко бывал на родине. С сентября 1939 г. до конца жизни был эмигрантом, жил в Лондоне. Стихотворение «Варшавская коляда 1939 года» было опубликовано в сборнике «Большое путешествие» (1941).

В 1942 г. в Ташкенте Анна Ахматова встретилась с Юзефом Чапским. Одной из тем их разговоров было планировавшееся издание антологии польской поэзии по-русски, и Ахматова взялась за переводы. Книга эта была готова, но так никогда и не вышла. Машинопись антологии нашел Евгений Ефимов, который опубликовал перевод «Варшавской коляды» в журнале «Знамя» (1998, №7). Перепечатавая ее, мы надеемся, что в недалеком будущем вся антология будет напечатана.

Тадеуш Ружевич

Перевод
Анатолия Роймана

СТИХИ

Последний разговор

вместо ответа
на мой вопрос
ты приложил палец к губам
сказал Ежи*
знак ли это того
что не хочешь
что не можешь ответить

это и есть мой ответ
на твой вопрос
«в чем смысл жизни
если должен я умереть?»

прижав палец к устам
мысленно отвечал я тебе
«жизнь имеет смысл потому лишь
что мы должны умирать»

жизнь вечная
жизнь без конца
есть бытие без смысла
свет без тени
эхо без голоса

* Ежи Лисовский, главный редактор журнала «Творчество», недавно умерший после долгой болезни.

* * *

Достоевский говорил
что если б велели ему выбирать
между истиной и Иисусом
он выбрал бы Иисуса

на пути к завершению
начинаю понимать
Достоевского

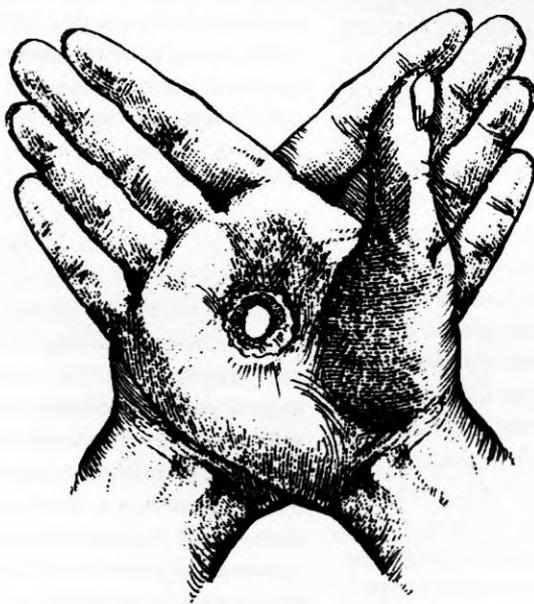
рождение жизнь смерть
воскресение Иисуса
грандиозный скандал
во вселенной

без Иисуса
наша маленькая земля
лишена веса

этот Человек
сын божий
если и умер

воскресает
каждый день
в каждом
кто следует за ним

ТАКОЖЕ ПОСВЕЩЕНЫ

Роман Грен

Перевод
Анатолия Ройтмана

ПРИЗНАНИЕ

Отрывки

Когда бегущие по потолку тени застыли на месте, готовые вслушаться в наш очередной диалог, я решил:

— Ты знаешь, что я нашел сегодня в папиных книгах?

— Ну-у-у...

— Одну книгу с картинкой голого дяденьки и другую, она называется биология любви, и там — живот беременной тетки и написано, что есть такие, кто...

Сестра вдруг подняла руку, словно мечом рассекла густой полумрак. Я замер с этим своим «кто», радость и уверенность в себе съезжились в углу, успокаивающая тишина детской комнаты уступила место своей старшей сестре: строгой и неразгаданной. На несуществующей башне куранты пробили час истины:

— А ты знаешь, что мы евреи?

Тени вновь помчались, предаваясь какой-то безумной погоне, затем наконец собрались над моей головой и одна за другой стали заглядывать мне в глаза. Скажи, шептали они, ну скажи, нам ужасно интересно: кто ты на самом деле, ну скажи, знаешь или не знаешь?

— Ох, конечно же, я знаю, что мы евреи, знаю, что я еврей, как бы я мог не знать, это так очевидно, так просто, так прекрасно принадлежать к избранному народу, быть не таким, как все, я горжусь этим, завтра, сразу же после завтрака, я выбегу во двор, встану в самом его центре и примусь кричать всем окнам: я еврей! я еврей! я еврей! и тут же обступят меня Януш, Славек, Анджей, Йолька, Ивона, Эвка, Пётрек, и каждый по очереди поцелует меня и скажет: приветствуем тебя, еврей, среди нас, а потом сбегутся изо всех подъездов их родители, все жильцы дома, и тоже окружают меня все более тесным кругом, и солнце расколется над моей головой, и земля растворится под моими стопами...

— Нет, я не знаю, что я еврей, знать не хочу, что я еврей, я поляк, я такой же, как они, между нами нет никакой разницы, как же я могу быть евреем, если у евреев растут рога и копыта и поросячий хвостик, если евреи в халатах пробираются вдоль стен домов, шепча: ша! ша! и сжимая в руках кошельки с деньгами, добытыми ростовщичеством, у нас говорят по-польски, у нас есть елка, мы едим колбасу и свиные отбивные, как все...

— Да — нет, да — нет, у меня две головы, четыре руки, четыре ноги, два туловища, две шеи, два сердца, четыре почки, два позвоночника, две пары глаз, два носа, четыре губы, два подбородка, два языка, две пары ушей, я урод, я урод, как я завтра покажусь во дворе, ко мне подойдут, станут шупать меня, удивляться, увидят, что у меня двадцать пальцев на руках, двадцать пальцев, вылезающих из сандалий, коснутся моих четырех лопаток, двух лбов, а потом сбегутся старшие, велют мне открыть один и второй рот, станут считать зубы, считать вслух, хором, кричать, сперва с удивлением: дважды один! дважды два! дважды три! потом с возмущением: дважды четыре! дважды пять! дважды шесть! наконец, с ненавистью: дважды семь! дважды восемь! дважды девять! потому что с каких это пор уроды имеют право играть с нашими детьми, уроды, которые не ходят в костел, не принимают причастия, не преклоняют колен, не складывают рук для молитвы, у которых нет ни креста над дверьми, ни Бога в сердце, и когда до конца досчитают, когда не найдут ничего, что было бы нормальным, привычным, станут меня пихать, выпихивать за ворота, по длинному туннелю, вымощенному желтой брусчаткой, допихают меня до ворот, выкрашенных темно-коричневой краской, с грохотом их отворят, выпихнут на улицу, под безжалостное, белое от жары небо, ворота захлопнутся за мной, и я стану один, двоящийся перед густеющей, черной толпой, из которой будет доноситься только глухой гул отвращения и ненависти, и толпа будет напирать, а я буду пятиться, не-

уклюже, как рак, пока мы не дойдем до стен, окружающих город, там со скрежетом отворится передо мной калитка, глухой гул превратится в дикий визг, выродится в вой, лес рук укажет мне направление, но никто ко мне не прикоснется, никто не замарает даже мизинца, город сам выплюнет меня из своих уст, изрыгнет из своих недр и окутается тишиной, пронесется над ним вздох облегчения, а я стану перед достигающей неба стеной, в пустыне, по которой разбросаны кости, взгляну сперва на белое солнце, а затем, полуслепый, на черный муравейник, кидающий сверху камни и бутылки, повернусь и пойду к горизонту, зная, что никогда до него не дойду... да — нет, да — нет, да — нет.

— Знаю. Давай уже спать. (...)

Я лежал, ожидая света, опасаясь света, потому что новому дню предстояло стать не одним из тысячи веселых дней, не мягкими ветками вербы, ласкавшими щеки, не сиренью, в которую лицо погружалось, как в лиловое облако, не крылышками насекомых, в раскружившемся танце опадающими с тополей, не дикой розой, одуряющий запах которой уносил далеко-далеко, не поразительным в своей холодной гладкости коричневым, или белым, или молочным каштаном, сбрасывающим с себя колючую скорлупу, не... Неизбежность нового дня поразила меня своей жуткой очевидностью и предвестьем порядка, существованию которого я противился до сих пор изо всех сил. Был ли это конец дружелюбного мира или внезапное пробуждение? Когда-то я слышал об обратной стороне луны — может, как раз наступило время, когда становятся явными невидимые стороны?

Рассвет приближался ко мне — неторопливо, но неуклонно. Ночь была туннелем, в конце которого уже брезжил малый свет, слабый огонек, и в нем был заключен весь свет. Вырастает же из желудя дуб, подумал я, вновь пораженный логикой нового умозаключения; в косточке содержится яблоня.

Я сомкнул веки, защищаясь от множества образов, которые рождала ночь: все вокруг прорастало, набухало, разрасталось, множилось, теплый дождь орошал черную вспаханную землю, мгновенье спустя из нее стреляли белые ростки, зеленели, обнаруживая листву, рыбы метали в глубине пруда икру, лягушки откладывали в лужи студе-

нистые лоскутки, а те чернели и превращались в подвижных головастика, под скорлупкой куриных яиц бились сердца красных эмбрионов, вселенная пульсировала, разрасталась и сжималась.

Почему никто не сказал мне раньше, что ночь родила день, что день родил ночь, и так извечно, во веки веков, другие же знали, другие говорили: во веки веков аминь.

Я открыл глаза, отбросил одеяло, встал, на цыпочках подошел к окну: над крышами мигали звезды, луна окуталась черным облаком. Ничто не предвещало завтрашнего дня. Это сон, сказал я, приложив лоб к стеклу. Сон, после которого я проснусь совсем маленьким, еще меньше, чем был. Может, даже забуду таблицу умножения? Забуду алфавит? Притоки Вислы и Одры? Те удивительные стихи, которые читала нам учительница: «Где желтый курослеп в гречихе снежно-белой, где клевер покраснел, как юноша несмелый...»*? Мешко Первого? Ну а кому и зачем нужен Мешко Первый? Такое странное, бессмысленное имя. Лучше о нем забыть, лучше обо всем забыть, вернуться к безобидной считалке: раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Открываешь глаза, отрываешь лоб от шершавой стены дома, обводишь взглядом двор. У мусорного ящика дрогнула тень — там! За тополем! Я тебя видел — выходи!

Сон не шел. За дверью зашаркали шлепанцы, скрипнула дверь в ванную: мама. Мама всегда так внимательно всматривалась в мое лицо, она никогда не спрашивала: как ты себя чувствуешь? или: почему ты грустный? или: что с тобой? Но эти вопросы читались в ее глазах, они лежали на дне ее голубых глаз вместе с мукой и таким великим страхом, что нельзя было слишком долго смотреть в эту голубую бездну. Так что же будет утром, за завтраком с ячменным кофе и булочками с сыром и помидором? Прибавится ли еще этого страха? Лучше всего будет опустить голову, не смотреть, поминутно завязывать шнурки, ронять ложечку на пол, вскрикивать: ох! я забыл положить в ранец точилку! и выбегать; ах, я забыл резинку! тетрадь в клетку! учебник по математике! Ох!

Но ведь количество этих дней, этих завтраков, этого ячменного кофе и булочек с творогом, ветчиной, огурцом, повидлом не бесчисленно; значит,

* Адам Мицкевич. «Пан Тадеуш». Пер. С. Мар (Аксеновой). — *Ред.*

если даже один раз мне удастся, десять раз мне удастся, тысячу раз мне удастся сбросить масленку на пол, рассыпать соль и сахар, пролить на штаны молоко, схватиться за щиколотку с криком: больно! — то ведь наступит такой момент, когда все тарелки будут уже расколоты, все стулья поломаны, все стекла выбиты, наступит время, когда через эти выбитые стекла, через эти ослепшие окна ворвется внутрь ветер, выметет все дочиста, и уже не будет в голый, белой кухне ничего, на чем можно было бы остановить взгляд, не будет ничего, чем можно было бы отвлечь внимание, и даже если замереть с покорно опущенной головой, то все же страх, льющийся из маминых глаз, превратится в лаву и нарастающей тяжестью облепит сгорбленные плечи, и не останется ничего другого, как опуститься на землю, свернуться калачиком и ждать, или выпрямиться, встать и взглянуть...

Луна, видно, вновь заволокла тучей, потому что в комнате так потемнело, что стоявшая у стены этажерка с книгами исчезла, развеялась как дым. Есть она? Нет ее? Не было никогда? Будет?

Судьба, о существовании которой я не знал до сих пор, присела на край кровати. Она выжидала. Чуть светлее, чем чернота, она намечалась туманным контуром, неясным очертанием, перед которым остановилось мое молодое и неопытное воображение. Колеблющиеся линии ткались из полумрака, застывали на мгновение в формах, которые я не мог ни различить, ни — тем более — признать своими. Спустя мгновение они исчезали, уступая место новым конфигурациям. Я смотрел на этот преудивительный парад и пытался научиться понятию выбора — не понимая его смысла. Выходит, мне самому предстояло решать свою собственную судьбу? От меня самого должна была зависеть форма будущей жизни? Еще одна фигура уселась рядом со мной: голова, опирающаяся на ладонь, локоть, опирающийся в бедро, плечи, согнутые дугой. Ожидание. А может, надежда? Что должно было стать моим уделом? И вместе с тем: чего собственно ожидала от меня судьба? Чтобы я ей помог? Помог ей принять решение? Зачем она мне открылась, нарушая порядок вещей? Неужели я неосознанно ступил на дорогу, на которой не действовали никакие законы? Но если это и так, то, может, существовала возможность отступить, повернуть назад, к чудесному, невинному ДО, наглухо запереть комнату отца,

ключ выбросить в озеро... о, смотрите: над озером розовый закат, гладь воды пересекает лодка, останавливается на самой середине, вытягивается рука, ладонь разжимается, из нее выпадает ключ ко всем вратам мира, с плеском падает, кувыркаясь опускается в глубину, вот-вот зароется в ил, и тут большая серебристо-чешуйчатая рыба открывает пасть, проглатывает его и лениво уплывает, погружаясь в гущу водорослей...

Достаточно было бы просто НЕ ЗНАТЬ... великая вещь: быть беднее, быть легче на несколько этих слов, что же они, в конце концов, значат, столько всего вокруг происходит, солнца встают и заходят, калужницы желтеют над ручейком под мостом, по которому с грохотом катится поезд, в вагонах сидят люди, веселые и грустные, больные и здоровые, в углу купе дремлет старичок и во сне улыбается, снятся ему чайки, кружащие над волнами, зорко высматривающие овальную форму, которую несет течение: большая серебристо-чешуйчатая рыба смотрит на них мертвыми глазами, напротив старичка молодая девушка в берете набекрень вглядывается в бледно-желтые поля, на которых мужчины в белых рубашках вяжут снопы, через 45 минут поезд должен доехать до Лодзи, за три километра до станции солнце смотрится в рельсы и удивляется, что прямая, как стрела, линия делает крутой поворот в одном месте, прерывается, изгибается, солнце видит уже катящееся колесо, слышит сперва поразительную тишину, а потом грохот и рвущиеся в пылающее небо отчаянные крики...

Кто будет помнить об одном предложении, сколько же времени это занимает: произнести шесть слов, собственно пять, потому что первое «А» можно не считать, остальные тоже коротки: ты — знаешь — что — мы — евреи, три секунды? четыре секунды? если произнести их быстро, то можно даже уложиться в две секунды; ведь так было, сестра прервала меня, она торопилась, ну, пусть будет две с половиной секунды, то есть почти ничего. Ну, и кто это слышал? Мы разговаривали вполголоса, родители были далеко, окна закрыты, даже если соседи прижались ушами к стенам, все равно ничего не просочилось через толстые стены, может, самое большее, какой-то шорох, вроде как мыши скребутся. Значит, даже нет свидетелей, сестра сразу заснула, она наверное забыла обо всем, лишь один человек на земле носит

в себе это предложение! В этот момент, в этом месте был лишь один человек, сознающий ужас, веющий от пяти слов и одной, впрочем первой, буквы алфавита. И этот человек имеет право обо всем забыть, в конце концов, он был еще ребенком, одиннадцать лет это совсем немного, две единички, в сумме два, мальчонка, младенец. А что, мало вещей забывается? Кто-то говорит: слушай, ты же вчера обещал мне... а ты: я? Боже упаси, ничего я тебе не говорил! клянусь! Врешь! Я? Вру? Сам ты врешь! Что ты сказал? И отец твой врешь! Что?! Повтори! Твой отец... — и сразу кулаки в дело, и беготня по двору, и дворник выскакивает с метлой: а ну-ка, с газона! хулиганье!

Вещи исчезают безвозвратно, даже люди исчезают, об этом пишут в газетах, есть фотографии детей, которые однажды как сквозь землю провалились, что уж говорить о кораблях и самолетах, пропадающих в Бермудском треугольнике? Значит, если имеются такие алчные бездны, которые на миг раскрываются и смыкаются наглухо, навсегда (слышал ли кто когда-нибудь о возвращении парусника? о спуске с гор погибшего альпиниста? Или того лучше: куда возвращаются забытые обещания? клятвы?), то достаточно их отыскать, встать над ними и бросить им на съедение эти девятнадцать букв, вместе с открывающим хоровод «А», повернуться и уйти, легким и свободным, как прежде. Только как их найти? Вся загвоздка в том, что челюсти размыкаются там, где никто их не ожидает, потому что утрата принадлежит стране случайности. Еще минуту назад ладонь сжимала монету, на полку ставился янтарь с застывшей в нем мушкой, и вдруг: нет их, исчезли! Слова более неподатливы: то уйдут навсегда, то вдруг вернутся из далекого путешествия, но что же с того, не моя вина, что мир так сложно устроен, тут речь об одном мгновении ночи, об одном про-

блеске — да, тогда над крышами стояла луна, ведь тени плясали на потолке, значит, луна знает, и тени знают, и пускай себе знают, пусть звезды и планеты знают, что я еврей, пусть все галактики говорят об этом, пускай себе космос шепчет: еврей, еврей, еврей, если я снова не буду знать об этом, то плевать мне на всю Вселенную, и даже если чешский астроном, работающий на перуанское правительство, которое построило ему обсерваторию на Мачу Пикчу, приметит слева от альфы Центавра таинственный шепот: еврей, еврей, еврей, то разве спустится тот астроном с вершины горы, сядет в автобус, доедет до порта, потом сядет на пароход, переплывет океан, купит билет на поезд, доедет до Варшавы, выйдет на Центральном вокзале, запрыгнет в трамвай номер 25, или 9, или 7, выскочит у костела на площади Нарutowича, перейдет через площадь, минует цветочный магазин, дойдет до улицы Мохнацкого, свернет направо, войдет под арку с номером четыре, войдет во двор, где мы как раз будем играть в прятки, я буду водить, а он схватит меня за руку в тот момент, когда я прокричу: «кто не спрятался, я не виноват», вытащит меня на середину газона, не обращая внимания на табличку с надписью «Берегите зелень», властным жестом остановит дворника Сельчака, размахивающего метлой, достанет из кармана милицейский свисток, а может быть, перуанскую пищалку или чешский охотничий рог, свистнет или дунет и, когда дети обступят нас, а в окнах появятся головы жильцов, укажет на меня обвинительским пальцем и трижды прокричит: еврей! еврей! еврей! Если бы так случилось, то это бы означало не столько то, что все возможно, сколько то, что бывают такие мгновенья, которые делятся дольше вечности, и что бывают такие слова, о которых даже Бог не хочет забыть.

Роман Грен родился в 1951 г. в Варшаве. Биолог и педагог. Живет во Франции с 1981 года. Дебютировал во французской печати в 1991 году. Печатается в журнале «Зешиты литеракке».

Збигнев Херберт

Перевод
Андрей Базилевский и
Владимир Британишский

СТИХИ

Ответ

Ночь будет и глубокий снег
тот что шаги приглушит мягко
и тень что очертанья тел
преобразит в две лужи мрака
лежим дыханье затаив
и даже легкий шорох мысли

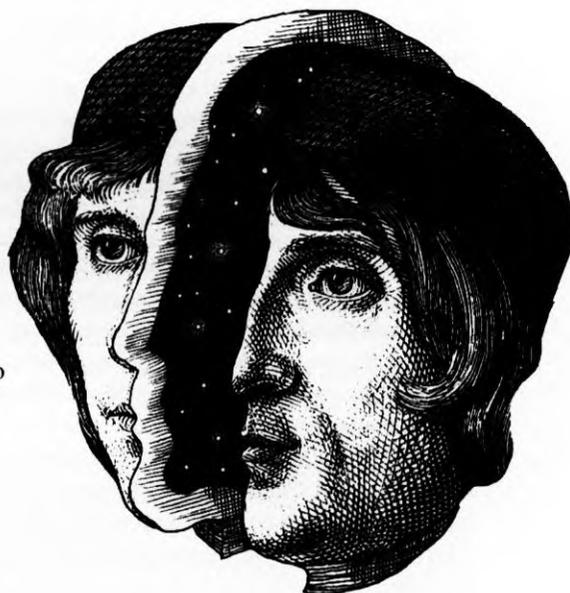
если не выследят нас волки
и человек в огромной шубе
грозящий скорострельной смертью
надо рвануться и бежать
под залпы как аплодисменты
на тот чужой желанный берег

земля везде одна и та же
как учит мудрость люди всюду
такими же слезами плачут
качают матери детей
луна восходит
и белый дом возводит нам

ночь будет после трудной яви
конспиративная мечта
как хлеба вкус как легкость водки
но выбор оставаться здесь
лишь подтверждает сон о пальмах

сон вдруг прервет приход троих
тех из резины и железа
прочтут твой документ твой страх
прикажут выйти и спуститься
взять не позволят ничего
лишь взгляд привратника печальный

Эллада Рим средневековье
край Кватроченто край Шекспира
а Франция уж та особо
немножко Веймар и Версаль
все-все отчизны наши тащит
один хребет одной земли

но избраннейшая из всех
единственной на свете
здесь где тебя затопчут в почву
где заступом звенящим твердо
выроют яму для мечты

Перевод Владимира Британишского

Возвращение проконсула

Решено

я вернусь ко двору государя
я еще раз попробую можно ли жить при дворе
я бы мог оставаться в далекой провинции
здесь под сладостной сенью смоковниц
и нетягостной властью внучатых ничтожеств

возвратившись выслуживаться не стану
буду хлопать в ладоши не слишком
улыбаться слегка брови хмурить помягче
золотой при дворе я не выслужу цепи
хватит этой железной

решено

через день через два уезжаю
не могу я среди виноградников здешних
все чужое деревья дома дождь стеклянный цветы восковые
и засохшее облачко в гулкое небо стучит
через день через два но уеду

я с лицом своим вновь заключу договор
с этой нижней губой чтоб умела презренье скрывать
и глазами чтоб стали пустые насквозь
с подбородком трусливым затравленным зайцем
так дрожащим при виде начальника гвардии

знаю только что пить с ним не буду
если кубок приблизит глаза опушу

и как будто в зубах ковыряю
впрочем наш государь уважает гражданскую смелость
до известных границ до известных разумных границ
он ведь тоже как все человек
и к тому же уставший от фокусов этих с отравой
без конца комбинации выпить нельзя
левый кубок для друга а в правом лишь губы смочить
пить потом только воду следить не пронюхал бы Тацит
выйти в сад и войти когда тело уже унесут

Решено

я вернусь ко двору государя
я и вправду надеюсь что как-нибудь все обойдется

Перевод Владимира Британишского

Пришло в голову

Однажды
зимним утром
это пришло пану Когито в голову
встало
посреди головы
и ни с места
ни вправо
ни влево

это было большое
оно сопело
пахло почтальоном
и убогой тайной

Если бы пан Когито
хоть знал
зачем оно пришло

но контакта
не было
пан Когито не смел спросить
«извините в чем дело»

его сводила с ума
безмолвная неподвижность

и тянулось это
невыносимо долго

нелепая ситуация
более того унижительная
ведь чем дольше это торчало
посреди головы
тем глубже была метаморфоза
— из чужака в гостя
— квартиранта
— совладельца
головой

это было
и было
и снова было
жесткое
стервозное

к счастью
пан Когито
заболел воспалением легких
жар вызвал пожар
голова выгорела дотла
а заодно с ней и все то
что однажды зимним утром
застыло посреди головы

теперь
пан Когито
осторожен

он методично
проверяет
окна
двери
замки
задвижки

даже печные трубы
даже плоды воображения

Перевод Андрея Базилевского

Михаил Шаповалов

ДЫША ВОЗДУХОМ ОСТАФЬЕВА

Сегодня, говоря о русских маршрутах Адама Мицкевича, нельзя пропустить подмосковную усадьбу Остафьево, принадлежавшую Вяземским.

С князем Петром Вяземским Адам Мицкевич познакомился по рекомендации А.С.Норова в Москве осенью 1826 года. Знакомство переросло в дружбу, и десятилетия спустя Вяземский писал: «Мицкевич был радушно принят в Москве. Она видела в нем подпавшего действию административной меры, нимало не заботясь о поводе, вызвавшем эту меру, — в то время русские еще не думали о польском вопросе. Все располагало к нему общество. Он был умен, благовоспитан, одушевлен в разговоре, обхождения утонченно-вежливого. Держался он просто, то есть благородно и благоразумно, не корчил из себя политической жертвы. При оттенке меланхолического выражения в лице он был веселого склада, остроумен, скор на меткие словца. Говорил он по-французски не только свободно, но изящно, с примесью иноплеменной поэтической оригинальности. По-русски говорил он тоже хорошо. Он был везде у места, и в кабинете ученого и писателя, и в салоне умной женщины, и за веселым приятельским обедом».

Популярность в московском обществе Мицкевичу принесли его импровизации. Объявив присутствующим тему, он начинал говорить ритмизованной французской прозой, горящие глаза его словно бы вглядывались во мглу десятилетий. Ни на минуту не прерываясь, он вписывал громоздкие романтические образы в ряд исторических фактов и географических подробностей, и голос его, казалось, принадлежал не ему, а кому-то, говорящему за него. Москвичи, подогретые шампанским, были поражены. Ничего подобного им не приходилось ни видеть, ни слышать. Вяземский свидетельствовал: «В импровизациях Мицкевича была мысль, чувство, картины и в высшей степени поэтические выражения. Можно было подумать, что он вдохновенно читает поэму, заранее им написанную».

В короткий срок ссыльный польский поэт сблизился с Н.А.Полевым; следом за Вяземским познакомился с Александром Пушкиным, Е.А.Боратынским, И.В.Киреевским, С.П.Шевыревым, С.А.Соболевским, М.П.Погодиным; посещал А.С.Хомякова и братьев Веневитиновых, бывал в салоне княгини Зинаиды Шаховской. Себя он уподоблял паломнику, которого гонят власти, но любят «друзья-москальи».

Отношения Вяземского к «паломнику» из Польши имело свою питательную предысторию. В 1818-1821 гг. он жил в Варшаве в качестве чиновника при императорском посланнике Н.Н.Новосильцеве. Вяземский был официальным переводчиком либеральной речи императора Александра на открытии первого сейма и принимал участие в разработке конституционного проекта для России. Он хорошо изучил Польшу «изнутри», побывал в Кракове и окрестностях. У него сложился круг знакомств из интеллигенции и шляхты. Вяземский сочувственно относился к польскому свободолобию и, касаясь новейшей истории Польши, в записной книжке отмечал: «Русские любимы, может более оттого, что австрийцы и пруссаки ненавидимы. Здесь все знают Воронцова, Суворова, Ермолова, Эссена и Полторацкого: последний прославился своими праздниками».

Зная польскую литературу и язык, Вяземский вполне оценил поэтический талант Мицкевича. Он помог ему провести через цензуру поэму «Конрад Валленрод», а после выхода в свет книги «Сонеты», опубликовал в «Московском телеграфе» (март 1827) статью-рецензию к своим переводам. Сонеты Мицкевича Вяземский перевел подстрочной прозой, однако — и это нужно подчеркнуть — им заложена сама традиция переводов Мицкевича на русский. Так, по совету Вяземского, высказанному в статье, Пушкин перевел позднее отрывок из «Конрада Валленрода» («Сто лет минуло, как Тевтон...») и две баллады: «Воевода» и «Будрыс и его сыновья». Со статьи Вяземского, можно считать, началась литературная известность Мицкевича в России.

По приглашению Вяземского в том же 1827 г. Мицкевич гостил в Остафьеве, подмосковной усадьбе князя, выстроенной в тридцати верстах к югу от Москвы. Вероятно, здесь проходило наиболее плодотворное общение друзей. В течение нескольких дней они общались друг с другом, раскрывая самую суть своего характера, своего миропонимания. Хозяин познакомил гостя с богатыми коллекциями разного рода искусств, составившими внутреннее убранство остафьевского дворца; предоставил в его распоряжение великолепную библиотеку, основу которой заложили сочинения писателей эпохи Просвещения. Они могли беседовать о Вольтере или Байроне, о самоопределении Польши, и каждый понимал другого. Совершая прогулку по центральной липовой аллее, дыша воздухом Остафьева, Мицкевич слушал неумолчный птичий хор и любовался свежей зеленью парка. Берега проточных прудов могли аукаться в памяти с берегами Вилии и Немана. И фигура молодой поселанки, спешащей по тропе через березовую рощу, казалась символом далекой любви... Он писал Юлиану Немцевичу: «Князь Вяземский постоянно удостаивает меня своим расположением...»

Успех сопутствовал Мицкевичу и в Петербурге. Он был желанным гостем у барона Антона Дельвига, где рассказывал детям сказки собственного сочинения. Его выступления в литературном обществе достигли своего пика: импровизация на тему убийства греческого патриарха в Константинополе потрясла Василия Жуковского и Пушкина. У известной пианистки Марии Шимановской Мицкевич давал обеды в честь своих друзей.

Случалось, что Вяземский сопровождал Мицкевича и Пушкина в ночных прогулках по городу, и ему принадлежат слова, сказанные у памятника Фальконе: «Памятник символический... Петр поднял Россию на дыбы...»

В мае 1829 г. по поручительству Ф.В.Булгарина перед III Отделением Адаму Мицкевичу разрешено было покинуть Россию. Еще раз «старыми приятелями» князь Петр Вяземский и Мицкевич встречались в Париже в 1838 году. По словам В.Спасовича, «Мицкевич до конца жизни хранил, как одно из самых дорогих воспоминаний, любезное письмо к нему Веры Вяземской».

P.S. Сегодня Государственный музей-усадьба «Остафьево» — «Русский Парнас» в ходе реставрации обретает свой первоначальный вид. Шестиколонный портик с треугольным фронтоном придает каменному двухэтажному дворцу праздничный, торжественный вид. Открытые колоннады, соединяющие главное здание с флигелями, вызывают ощущение легкости и гармонии всего архитектурного ансамбля. Обширный парк занимает северную часть усадьбы. В музее хранят память о пребывании в Остафьеве польского поэта. Литературный музей имени Адама Мицкевича и «Русский Парнас» поддерживают отношения, основанные на общих культурных интересах. К 200-летию со дня рождения Мицкевича в Остафьеве состоялась научная конференция: в Овальном зале дворца прошли чтения (декабрь 1998), материалы которых выпущены отдельным изданием. В планах музея — открытие экспозиции, посвященной дружбе князя Петра Вяземского и Адама Мицкевича.

ЛИТЕРАТУРА

П.Вяземский. *Записные книжки*, М., «Русская книга», 1992.

Остафьевский сборник. Вып.6. (Материалы научной конференции «Адам Мицкевич. К 200-летию со дня рождения»). М., «Глобус», 2000.

А.Тыркова-Вильямс. *Жизнь Пушкина*. Т.2. М., «Молодая гвардия», ЖЗЛ, 1998.

Михаил Шаповалов. *За пушкинской строкой*. М., «Глобус», 1999.

СМЕЮЩИЙСЯ НАРОД—НЕСУТОЧНОЕ ДЕЛО

Имя и фамилия: **Аркадий Райкин**

Год и место рождения: 1911 г., Ленинград.

Семейное положение: женат, старшей дочери 19 лет, что поражает всех, не исключая отца.

Должность: художественный руководитель

Государственного театра миниатюр в Ленинграде.

Отношение к воинской обязанности: чрезвычайно плодотворное — много сотен концертов на всех фронтах во время последней войны.

Образование: решительно высшее.

Полученная профессия: 1) химик-лаборант, 2) драматический артист.

Профессия: великолепный мим и декламатор, один из самых остроумных артистов современного европейского театра, великолепный пародист, артист поразительный и всесторонний, своей гуманной комической силой близкий Чаплину, великодушный человек.

Есть ли друзья за рубежом? Есть. В Польше.

Никто другой не мог бы вызвать столь сильной симпатии.

Беседовал **ЕЖИ ПОМЯНОВСКИЙ** Фотографировал **В.СЛАВНЫЙ**

— Какова же была ваша первая роль?

— Немая, причем безнадежно. Я играл убитого кушца. Разбойники воззнили ему кинжал прямо в сердце. Кинжал был деревянный. Мне было пять лет.

— Что привело вас на эстраду?

— Тоже немая роль. В Театре Ленинского комсомола я без особого удовольствия играл молодых героев. Однажды заболел один артист, и пришлось выступить статистом. После этого в газете «Рабочий театр» появилась рецензия «Роль без слов». Я до сих пор не знаю, за что меня хвалили, но одно усвоил четко: драму лучше оставить в покое.

— А потом?

— Я выступал на эстраде в спектаклях для детей. Но оказалось, что и взрослые не до конца перестают быть детьми. И в 1939 г. я стал лауреатом всесоюзного конкурса артистов эстрады.

— Можете ли вы раскрыть нам свой метод?

— Что? Метод? Научный?

Недавно один критик в ходе обсуждения заявил: «Обратите внимание на руки Райкина — как они играют, какую сознательную работу выполняют». И вот я на ближайшем спектакле обратил на них внимание — и руки у меня сразу отнялись.

— Что вас больше всего удивило в Варшаве?

— Легкость контакта с публикой. Ее непосредственный отклик.

— Нас это не удивляет, но чем вы это объясняете?

— Мой учитель, профессор Соловьев, говорил: «А ты играй, будто в зрительном зале сидит иностранец». Это немного помогает. Но самое важное — это ваши зрители. Они разбираются в тонкостях и ценят шутку.

— С какими писателями вы предпочитаете работать?

— С хорошими.

— Ну да!

— То есть с остроумными. Такими, как Андров, Лифшиц, Евгений Шварц, который известен, пожалуй, и в Польше...

...И с Михаилом Зощенко.
Вам, конечно, знакомо это имя...

— Что готовит теперь ваш театр?
— В частности, комедию Хазина и Метгера «В связи с назначением на новую должность...»
Это заглавие будет понятно в Польше?

— В польском переводе это звучало бы «Карусель». Но не все концерты в вашей программе выдерживают одинаково высокий уровень. Скажем, «Супружеский матч»... Вы ищете новых авторов?
— Ищем. И находим. Ближайшую программу от начала и до конца написали три студента Энергетического института — Гриндин, Райкин и Рыжов. Уже в этой программе есть их скетчи, например «Мастер».

— Ваша программа пользуется в Варшаве огромным успехом. Где-то даже написали, что вы «Паганини эстрады»...

— Откуда-то я знаю эту шутку. Но я не Паганини.
Я — Аркадий Райкин. И приехал сюда просто затем, чтобы нам стало немного веселее.

SWIAT

«Свят», 1957, №24(308)

Мария Ивашкевич

Перевод
Андрея Базилевского

СОЧЕЛЬНИК И ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В НАШЕМ ДОМЕ

Автор воспоминаний — дочь Ярослава Ивашкевича. Ей принадлежит книга «Разрозненные мемуары», а также кулинарные повествования «Беседы о еде» и «С моим отцом о еде». В очерке рассказывается о варшавской квартире Ивашкевичей и об их доме под Варшавой в дачной местности Подкова-Лесна, в усадьбе Стависко, где теперь находится музей писателя.

Первого Рождества в варшавской квартире я не помню. В нашей квартире на Гурношленской жили родители, дедушка и две бабушки, одна настоящая, другая, с маминой стороны, — не совсем. Ну и я, конечно.

Воспоминания о первых святках, проведенных в Варшаве, связаны с образом старого слуги Яна. О том времени до сих пор говорят: «Помнишь,

Марыся, на первое твое Рождество загорелась елка и Ян помогал гасить. А на второе Рождество Ян, уже слегка в праздничном подпитии, поставил поднос со стеклянной посудой не на стол, а возле». В 1928 году мы впервые встречали Рождество в Подкове, в Стависко. Кажется, тогда дедушка подарил мне изящную куклу, которую я потом очень полюбила. Елка была «до потолка» и стояла в гостиной, где было холодно. Дед сидел перед камином. Он повесил на елку подарок для мамы: ластик, чтобы стирать машинопись, потому что мама свои всегда теряла и брала дедушкины. С этим было много смеха, потому что были и другие подарки, куда более роскошные. Не могу вспомнить, какое тогда приготовили угощенье, но наверняка был вареный судак, потому что встарь всегда так

бывало. Кроме судака было еще много блюд. Но у нас никогда не придерживались традиционных семи или девяти. Всегда были чудесные сласти, разложенные на старинных синих тарелках: орехи — грецкие и другие, длинные, их называли американскими, инжир, финики, крупный изюм, пряники, шоколадки... Другие сладости развешивали на елке, к нашему отчаянию, слишком высоко, легко достать их мог только отец. Тетки, сестры отца и одна тетка из Львова, готовили себе кушанье, которого я не выносила, а именно — кутью, нечто из ячневой крупы или пшеницы, мака и меда. Они эту кутью обожали, старшая сестра отца Хелена говорила:

— Вот это я понимаю — кушанье на сочельник, не то что ваши коронарские* лакомства.

Слово «коронарские» приобретало в ее устах особенно презрительный оттенок.

Кажется, сразу после смерти дедушки, в самом начале тридцатых годов, был сочельник, когда отец оказался за столом единственным мужчиной среди тринадцати женщин (жена, две дочери, три сестры, две бабушки да еще явно какие-то прибудные тетки).

Как-то раз — а может, это было уже во время оккупации — перед самым сочельником отец взял меня прогуляться перед домом. Было морозно, хоть и не слишком, шел снежок, и вот все, что я помню: мы возвращаемся по аллее к освещенному дому, и отец показывает мне звезды. Наверно, хотел меня занять перед рождественским ужином, когда все дети несносны. Ты одета в лучшее платье, до ужина еще далеко, в комнату, где накрыт стол, входить нельзя, потому что там уже лежат подарки... А вдруг подарков вовсе не будет... Всегда так пугали и нас, и наших детей. Получишь ли то, чего так хочешь?... Никогда больше в жизни уже ничего так не ждешь. Однажды мы с младшей сестрой, доведенные до отчаяния ожиданием — и уже празднично одетые, — налили воды в ванну и стали брызгаться. Боже, что было! Еще одна мелкая шалость — и впрямь не видать бы нам подарков. (Это напоминает мне историю с моим маленьким кузенком, который все Рождество пролежал с тяжелым воспалением легких, потому что выкупался в ванне вместе с плавающим там карпом).

Перескочу через несколько рождественских сочельников, которые не так памятливы... Пожалуй, больше всего врезались в память «оккупационные» сочельники. Сочельники, когда трудно было

достать традиционную рыбу, когда каждый раз, поздравляя, говорили: пусть это будут последние «такские» праздники. К нам приезжали Гожицы**, Парандовские***. Уже не помню, в каком году — наверно, в 1941-м — приехал Леон Шиллер****; после обеда он сел, как бы невзначай, к роялю и стал, припевая, наигрывать колядки. Я затаилась возле него, потом отважилась и стала подпевать. Я тогда очень много пела, даже думала всерьез заняться вокалом. Господь уберег, ничего из этого не вышло...

Те сочельники времен оккупации были какими-то особенные, они запомнились ярче всего и очень надолго. Сколько людей тогда прошло через наш дом — он заменял им утраченное родное гнездо, становился настоящим вторым домом.

После войны мой старший сын сделал свои первые шаги возле зажженной елки. Когда моим детям говорили, что в этом году не будет елки и подарков, они — как и мы когда-то — свято верили в это.

Позднее, когда дети (мои и сестры) стали большими, не раз вставал вопрос — ставить ли елку. И каждый год была елка до потолка, игрушки отец покупал сам, а на рождественский ужин была рыба, капуста и мак, растертый с изюмом и теплым медом, а после ужина — семейный рождественский бридж, причем за игрой разрешалось пугаться и болтать.

А вот несколько слов о самом празднике Рождества Христова, самом, пожалуй, любимом детском празднике. Он всегда ассоциируется у нас со снегом, катанием на санках и тому подобными удовольствиями.

Когда-то давно — в период языческой Польши — праздник этот, именуемый Гóдами, был праздником самой долгой ночи, которая неизбежно должна отступить перед приближающейся — не сразу, конечно — весной. В то же время это период, когда все полевые работы окончены, а новые еще не начались. Период отдыха. Праздник ожидания — что принесет новый, удлиняющийся день, праздник гаданий. Все гадания, связанные с Рождеством, имеют языческое происхождение, это остатки древнего аграрного праздника, который отмечался в тот период. Сено под скатертью, снопик в углу комнаты, остатки ужина, отданные до-

* Коронар (koroniarz) — традиционное название жителей центральной Польши.

** Вильям Гожица (1887-1957), театральный критик, режиссер, и его жена Стефания.

*** Ян Парандовский (1895-1978), прозаик, и его жена Ирена.

**** Леон Шиллер (1887-1954), театральный режиссер.

машным животным, убеждение, что животные умеют говорить, — свидетельства аграрных истоков праздника. Годы длились примерно с 21 декабря до Нового года. Весь этот период был временем ожидания нового года, нового урожая.

Христианство часто поглощало старые праздники и передавало им свои ритуалы, свои традиции. Потом невозможно было различить, что откуда, какая интерпретация какие имеет корни. Несомненно, от христианства идет обычай поститься в сочельник, как всегда перед великим праздником. Но неперменные элементы праздничных кушаний, такие, как мак и мед, — это еще языческие символы плодородия, урожая, они повсеместны в период Годов, видоизменяясь в зависимости от района Польши. Однажды какой-то случайный рождественский гость сказал о кутье: «Этому блюду почти три тысячи лет!»

Я написала «случайный рождественский гость». Это связано еще с одной праздничной традицией. Гостей должно быть четное число, а кушаний — нечетное. Блюд должно быть семь, девять, тринадцать... В состав праздничной выпечки всегда входил мак — отсюда маковники, ну и мед, а стало быть — пряники, сдоба на меду. Но история пряника несколько сложнее. Пряники не сразу приняли нынешние размеры и облик, поначалу не было таких украшений, переливающейся цветной и шоколадной глазури, слоев повидла. Это позднейшие выдумки. В прежние времена пряник был невзрачным печеньцем, сухим и твердым, и делался просто из ржаной муки, замешанной на меду, разведенном водой. Видимо, произошел он от подовой лепешки, выпечки, которую можно долго хранить в сухом виде.

А держали его в так называемой домашней аптечке. В этой аптечке обретались также разные наливки и водочки — а к напиткам и пряники подавали. Позднее их стали подавать к венгерским винам, в качестве «прикусок», как теперь подают соленые орешки или сухой картофель фри. В Средневековье появилась мода на коренья, на вкус пряностей, их стали добавлять во всё, в том числе и в медовые пряники. Тогда-то печеньца и изменили название: из «медовиков» стали «пряниками» (от старинного слова «пряный», то есть перченый).

Но они все еще не были похожи на те лакированные прянички, что привычны нам сегодня. В счетах Сигизмунда III мы можем обнаружить запись: плата за сладкие нюрнбергские пряники. Были они, говорят, красивого золотистого цвета, и, как видно, король был к ним неравнодушен...

Начиная с XVII века в царстве польских пряников безраздельно господствует торунский пряник. Отсюда присловье, гласящее, что в Польше лучше всего — «гданьская водка, торунский пряник, краковская панна и варшавский башмак».

Торунские пряники и в давние времена были крупнее домашних и гораздо затейливей по форме. Видимо, уже тогда их делали как «на экспорт», так и «для внутреннего рынка».

В старинных поваренных книгах название «пряники» часто относится к сухой выпечке, которая может долго храниться. Рядом нередко фигурирует слово «монастырские». Собственно, в основном пряники делятся на торунские и монастырские. У этих двух больших видов есть разновидности: шоколадные, деревенские (из ржаной муки), мазовецкие и т.п. Все они делаются сходным образом: муку разводят на теплом меду, добавляют всевозможные пряности, часто — стопку спирта. Приветствуется также апельсиновая и лимонная кожура.

Вот, к примеру, рецепт 1881 года — «торунский пряник по-домашнему»: «В десятую часть кварты растапливаемого меда понемногу вливать большую чашку спирта, то и дело перемешивая, чтоб не загорелось. Всыпать горсточку лаванды [!], ложечку сушеного имбиря, полстакана отваренной и порезанной апельсиновой кожуры, столько же лимонной, немного аниса, хорошенько перемешать и влить в пять кварт ржаной муки грубого помола, прожаренной в горячей кастрюле, крепко взбить лопаткой, а когда остынет, месить руками несколько часов. Потом разлить в формы, смочив руки в пиве с топленым медом, смазать сверху пивом, обложить цукатами и миндалем, а когда слегка поднимется — ставить в печь, протопленную для выпечки хлеба».

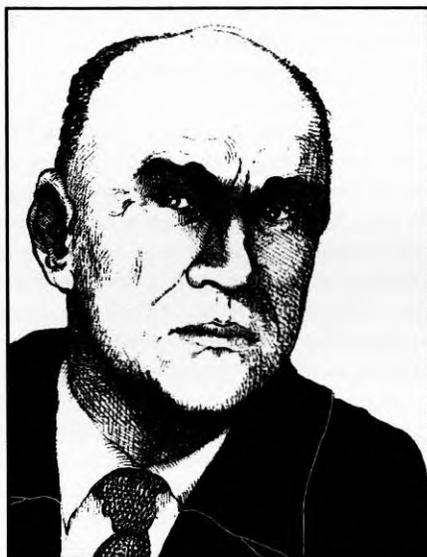
Что касается моих воспоминаний о пряниках, то больше всего запомнились мне довоенные прянички, покупавшиеся только на Рождество, — назывались они не то «бульжники», не то как-то вроде того, поверхность у них была вся в бугорках, как бульжная мостовая. А еще — маленькие круглые прянички, совершенно ровные, гладкие, политые сверху розовой или зеленой (говорили, будто из фисташек) глазурью. А потом пряники из моркови и искусственного меда — их у нас часто пекли в период оккупации, по рецепту какой-то экономной хозяйки времен первой мировой войны. Все праздники справляли мы с таким пряником, который для красоты был прослоен вареньем.

Ярослав Ивашкевич

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХИ

* * *

...огонь крепчает, блеск темнеет*

Когда уже не лает пес
когда и птица не поет
и не звонят колокола
и не рождается рассвет

тогда все ярче мощь огня
и раздастся ясный звук
и голос рвется из глубин
дитя рождается на свет

бесшумный пролетает вихрь
беззвучный плач несется ввысь
спускается в долину тень
сливаются и ночь и день

СОБАКА В СИЕНЕ

Постарела ты моя псина
Сиены тебе никогда не видать
даже по Стависку ты бегаешь неохотно

А у меня в Сиене «есть другая собака»

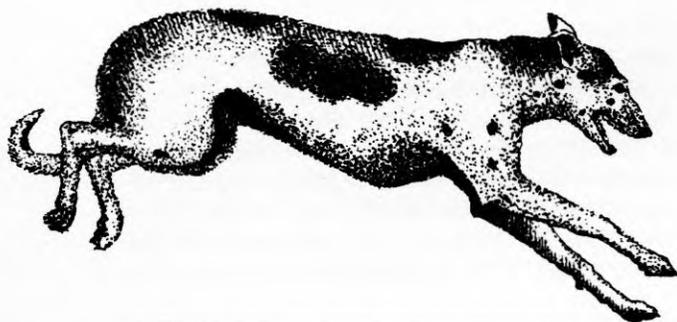
Крылатая
с радужными глазами
когда я с ней я вижу весь мир весь мир
как с высокой горы

да только не любит она меня
так как ты
порой и укусит ночью

а потом долго воеет
тихонько так

что в гостинице никто не слышит

(«Итальянский песенник», 1974)

* Строка из колядки Францишека Карпинского. — *Ред.*

МОРОЗ

Над домом моим громоздится
гигант Орион
как бронзовые врата

три золотых гвоздя
посредине

а дом лежит в снегу
плашмя
среди голых деревьев

как малы дела
моего дома
под морозным небом

как слабо светится
уже всего одно
золотое оконце

какая стужа

А где-то там
за вратами Ориона —
мой настоящий дом

ЗЕЛЕНый САД ЗИМОЙ

Мой мир это мой мир
я не могу вам его открыть

И если даже я вам опишу
изваяния всех двенадцати месяцев
скрытые в гуще зелени

каждый из вас увидит
иную зелень —
другие статуи
и не такую зелень

А если я опишу вам свою печаль
она покажется вам смешной
детской печалью

ибо она
полна очарованья

как зеленый сад
зимой

(«Ксени и элегии», 1971)

PROVERBIUM

Широко отворились резные воротца.
(Улыбаются все — но никто не смеется.)

Пышет красной калиной коса каравая.
(Грустно всем — только что-то никто не рыдает.)

Сев окончен... Колосья идут в обмолот...
(Любят все — но за друга никто не умрет.)

Не дожидаться мне новых, веселых гостей.
(Ищет мир — лишь о мудрости нет в нем вестей.)
(«Октостихи», 1919)

ЭТО

На синем высоком небе две бесконечных розовых тени.
На их фоне две черных улетающих птицы,

и в этом — вся осень.
(«Касиды», 1925)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Листья осыпались, ветер их гонит,
Дай отдохнуть у тебя на ладони.

Ветер уносит опавшие листья,
В мире не стало сверкающих истин.

Вянут цветы, увядают деревья,
Пусть же никто не сгорает во гневе.

Осень спрядает нити льняные,
Так все и будет, как кажется ныне.

(«Книга дня и книга ночи», 1929)

* * *

Через тысячу лет
все купола сравниет время
никто и не вспомнит наших имен

сегодня мы смотрим на звезды и волны
затаив дыхание перед святой иконой
и в этом уже таится
небытие

дыханье звучит предвестием
минуты когда оно в нас угаснет
и мы вместе с лесом и звездами
станем лишь каплей росы на крыле херувима
смерти

все чем живешь ты — а говорят ты живешь
красотой — не будет значить ничего
лопнут оковы вечности

ну так смотри пока еще можешь видеть
сапфирные глубины неба
смотри частица праха
— ведь только это тебе и нужно

(«Завтра жатва», 1963)

* * *

Ссохлось перо, но пока еще пишет,
Сердце застыло, но все-таки бьется,
Голос звучит... хоть никто и не слышит,
Звезды — ничьи — отраженье в колодце.

Ночью бредут по дороге деревья,
Клонятся липы, ломаются ветви,
В голосе ветра слышу напев я:
Было и нет — и не будет вовеки.

Рано. Не время. Никто не ответит,
Чем тебе было стать суждено.
То ли ты ветвь, и унес тебя ветер,
То ли ты — камень, упавший на дно.

(«Темные тропинки», 1957)

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СОБАКИ

Темная ночь
страшная ночь
я ничего не знаю
о ней

Смотрит
в окно
глазищами
светит

Лучше
поближе к хозяину
возле кровати
лечь

Может он меня ей не отдаст
как я его не отдам
упырям

(«Ксени и элегии», 1970)

НОЧЬ В АВГУСТЕ

Этой ночи
не будет уже никогда

этого счастья
не будет уже никогда

и этого неба
полного звезд
не будет уже никогда

Звезды и планеты
на миг застыньте

я этому мгновенью
скажу
остановись

но звезды и планеты
вращаются в пространстве

и тело уходит
как ночь

и уста медвяные
закрываются

и счастье не продлится
ни на миг

Но ведь было было

Этой минуты
не будет уже никогда

(журнал «Поэзия», 1982/11-12)**

** Одно из последних стихотворений поэта, в авторские сборники не входило. — Ред.

Иоанна Подгурская

ВСЕ ЗВЕРИ МАГДЫ ШВАРЦ

Люди ее не видят — как будто ее и нет. Они появляются только тогда, когда хотят подкинуть ей какое-нибудь животное. Но для своих животных — она абсолютный центр вселенной. Собаки лнут к ее рукам, лошади видят ее издалека, лишь только она появится на пастбище. Как-то по телевизору она увидела, как в России сквозь пургу бредет человек и тащит за собой клетки с двумя медведями. Она искала его как могла, но как отыскать того, кто идет ниоткуда никуда? И вдруг она узнала, что в Польше оказался человек из России с двумя медведями. Это был не тот же самый, но мишек она к себе взяла. Вместе с Эдиком, Фелей и Бальбиной их стало уже пятеро. Теперь вот прибавился и шестой. А кроме них — 573 собаки, 30 кошек, 19 лошадей, четыре коровы, волчица и одна пожизненно определенная к ней курица — в этом вся жизнь Магды Шварц.

Она не планировала в старости спать на бетонном полу, укрываясь куртками, ходить в рванье, вечно запачканном следами собачьих лап, не собиравшись жить на пенсии, тоннами заваривая рис и крупы. Она рассчитывала, что у нее будет уютный домик с садиком и несколько, ну даже полтора десятка, любимых собак. Домики-то есть, даже целых три. На первых этажах живут собаки, а на чердаках находятся склады. Магде места не осталось. У нее нет шкафа, кровати, стола. А коли нет стола, то и гостей не пригласишь.

Жалоба Брежневу

25 лет Магда проработала бухгалтером в цирковом управлении. Она была трудной подчиненной. Ее постоянные жалобы на методы дрессировки вечно приводили к инспекциям.

— Три раза меня увольняли. Я подавала в суд по трудовым спорам и каждый раз выигрывала, — вспоминает Магда.

Самый большой скандал она учинила, когда гастроли приехал советский цирк. Бывая на представлениях, Магда заметила, что один медведь по окончании номера боится уходить с арены, а это значит, что за кулисами происходит что-то неладное. Знакомый ее подсадил, она смотрит, а там ра-

ботники цирка избивают металлическими прутьями медведя, распятого на решетке. Она как заорет на них сверху: «Вы что это делаете, сукины дети!» Потом ворвалась внутрь, со злости сдернула с дрессировщицы парик и пригрозила, что напишет на них всех жалобу Брежневу. Немедленно явилась польская дирекция с коньяком и корзинами подарков — извиняться перед советскими товарищами.

Когда дирекция уехала, советские товарищи, прихватив корзины и коньяк, отправились напрямик к Магде — умолять ее все же не подавать жалобу. Магда решила, что в последний день, когда цирк соберется уезжать, она этих советских медведей украдет. Вместе с другом они всё подготовили: автомашины, место в убежище. Но ночью кто-то пытался ограбить кассу цирка, и была вызвана милиция. В присутствии милиционеров, крутившихся по всей территории цирка, украсть медведей вряд ли удалось бы.

— Они уехали, — задумчиво говорит Магда. — Наверное, их избивали до конца жизни.

Поэтому, когда в 70-е годы трех медведей из циркового училища в Юлинеке: Эдика, Фелю и Бальбину — перевели на пенсию, что означало жизнь в клетке без выгула, она их выкупила, хотя, честно говоря, не очень-то представляла себе, что с ними делать. Сначала они жили в убежище в Целестинуве, потом она нашла им место в Щецине, но все это было не то. Не так должна выглядеть жизнь медведя на пенсии после цирковых трудов.

«Зимние» собаки

Когда Магда сама вышла на пенсию, она купила земельный участок в Корабевицах под Мщоновом. Здесь был запланирован домик с садиком для нее самой и пятнадцати собак, бездомных найденышей, которых она насобираала во время бесконечных поездок по Польше с цирком шапито. Пятнадцать собак и два, ну пусть три медведя

— это вовсе не так уж много. Сначала она построила помещения для Эдика и Фели. Потом привезла Бальбину. Да только если такой человек, как Магда, живет в деревне, то и видит он слишком многое. Собак, привязанных к деревьям в лесу, а то и убитых хозяйским топором. Она ходила, объясняла, просила. В деревне сначала говорили: сумасшедшая. Со временем люди привыкли: может, и сумасшедшая, да наша, и человек по сути добрый.

Но собак становилось все больше. Быстро разошелся слух, что есть такой человек, который не может сказать «нет», когда его шантажируют: ли-

бо берете собаку, либо привяжу ее к дереву. Она прикупила земли, построила новые боксы, чтобы собаки в тесноте не перегрызлись. До какого-то времени у них у всех были клички. Сейчас у некоторых уже названия по группам, например, «мщоновские» — те, что были привезены из облав, проводимых муниципалитетом, или «зимние» — те, которых перебрасывают зимой через забор; с ними приходится труднее всего, потому что невозможно быстро построить новый бокс.

Майкель и Ваня появились неожиданно, когда она через российское посольство и всевозможные учреждения пыталась отыскать того человека, что брел с медведями по России ниоткуда и никуда. Кто-то рассказал ей о другом русском, который каким-то чудом нелегально перешел границу со своими медведями. Андрей оказался бывшим цирковым дрессировщиком, который, пытаясь искупить свою вину, выкупил двух медведей: Ваню — у браконьеров, которые на-

таскивали на нем свору охотничьих собак, а Майкеля — из цирка, где во время дрессировки тот остался без одного глаза. Андрей жил с ними в Москве, на 15-м этаже блочного дома. Теперь Майкель и Ваня, развалившись в просторных боксах, лениво грызут яблоки.

Борис — тоже пенсионер из российского цирка. Владелец долго не хотел его отдавать, но помог фонд «Animals», и вот еще один мишка попал в убежище Магды. Борис пока еще нервничает: он в Корабевицах всего несколько дней. Последние годы он провел запертым в тесной клетке, так что ему надо еще освоиться с пространством.

— Сейчас уже лучше, — говорит Магда. — Вначале он не в состоянии был даже ступить на бетонный пол.

Растроганная корова

Лошадям предоставлено в распоряжение огромное пространство. Они обгрызли до последнего листочка яблоневый сад. Это их право. Они служили человеку всю жизнь, и пусть последние несколько лет их оставляют в покое. Большинству этих лошадей предстояло отправиться на итальянский стол. Ирину выкупили школьники из Миянувека.

Агра и Карина вывалились из грузовика во время транспортировки. Ревита всю жизнь провела в школе верховой езды. Она очень старая, еле ходит.

— Невероятное впечатление — смотреть, как ее опекают лошади помоложе, — рассказывает Магда. — Когда какая-нибудь собака начинает ее облаивать, несколько лошадей тут же галопом несутся ей на помощь. Они ежедневно следят, чтобы вечером она добралась до конюшни.

Коров привез бурмистр гмины Пуца-Марианская. Они плутали в лесу. Известно, что пани Магда всех приютит. Теперь коровы пасутся вместе с лошадьми и живут в конюшне.

— Самая интересная история у Дины. Ее привезли пожилые супруги, потому что сил ухаживать за ней у них уже не было, но в то же время они не могли отправить на бойню животное, которое работало на них всю жизнь, — вспоминает Магда. — Они каждый год приезжают навестить ее. Корова их узнаёт, и видно, что она растрогана, а у старичков слезы наворачиваются на глаза.

Волчица Шари попала в Корабевице благодаря доктору Анджею Карчевскому (ветеринар, который потом погиб от пули при облаве на тигра). Она бродила среди блочных домов в Анине. Она была молодая, и люди думали, что это собака, по-немножку подкармливали. Когда выяснилось, что волчица, надо было что-то делать. Ну и, значит, к пани Магде.

— Я больше никому не отказываю. Один раз отказала, и эта собака мне до сих пор снится, — говорит Магда. — Иногда я думаю: и почему именно я должна все это видеть, эти собачьи глаза, все эти несчастья? Набрала я этих зверей вопреки здравому рассудку. Я ведь не собиралась жертвовать собой до такой степени. Но не могу остановиться, — вздыхает она, вслух размышляя, почему это чертово государство ничего не делает для животных и всё сваливает на ее плечи.

Аристократки сердцем

А остановиться она не могла никогда. Скандал был еще с самой первой собакой. Тогда она жила в интернате у сестер-фелицианок и приютила бездомного пса. Она держала его под кроватью и кормила остатками еды с кухни, но монахини углядели и велели выгнать. Магда сбежала из интерната вместе с собакой и больше туда не вернулась.

В молодости она подружилась с Яниной Старчевской, которую знала тогда вся Варшава.

— Это было просто чудовище, — смеется Магда. — Деспотичная, ругалась как сапожник, но обожала животных. Я находилась под ее влиянием, она вертела мной, как хотела.

Ночами они вместе ходили по помойкам, на задворках ресторанов собирали остатки еды, чтобы подкармливать бездомных собак и кошек. Как-то раз открылось окно и раздался женский крик: «Тише вы там, помоечники!» А Старчевская в ответ руки в боки, да как закричит на нее: «А ты что, старая б..., думала, тебе гондольеры придут тут серенады под окном распевать! Пани Магда, лезьте в помойку!»

Была еще пани Осинская, вдова довоенного офицера; закутавшись в вишневую шаль, она побиралась у костела св. Анны — на корм для бездомных животных. И пани Станислава Дворецкая, которая устроила убежище для животных. У нее не было денег, и сама она не могла обзавестись крышей над головой: сидела под открытым небом в кресле, с зонтиком, прикрыв ноги соломой и приглядывая за своими животными.

Дворецкая и Старчевская приехали умирать к Магде в Корабевице: среди животных умирать легче, чем среди людей. Останки Осинской Магда отыскала, когда ту уже собрались похоронить как «неустановленное лицо» на кладбище варшавского района Вулка.

— Она выглядела как бомж, но сердцем была аристократка, — вспоминает Магда. — Как все они.

Трудная любовь Эдика

Содержать убежище — это значит постоянно пересчитывать на деньги тонны риса и угля, расход электроэнергии, строительство новых боксов. Пенсии Магды на все это далеко не хватило бы. Помогает фонд «Эмпатия». Есть несколько постоянных спонсоров. Но все равно требуется все больше и больше. А тут еще постоянные перепалки с работниками — вернее, отсутствие этих самых работников. Мало кому захочется работать в таких условиях. Пока что лучшим из всех оказался один уголовник, которого разыскивала и в конце концов нашла милиция. Из тюрьмы он пишет ей, спрашивает про своих зверушек и можно ли ему будет вернуться. Через три месяца его выпустят. Магда надеется на него, как на спасение. Ей тяжело. Честно говоря, даже очень тяжело.

Но в течение дня бывает такой момент, когда она чувствует себя по-настоящему счастливой. Это посещение Эдика. Она его зовет, а он медленно вы-

лезает из берлоги, просовывает морду между прутьев и облизывает Магду лицо. Когда-то она без опаски входила в его клетку, давала с ложечки лекарства. К Феле Магда не входила. Во время дрессировки Феле повредили шейные позвонки. Вероятно, ее дрессировала женщина, и с тех пор она всех баб ненавидит. Когда Магда входила к Эдику, дверца, отделяющая его клетку от Фели, должна была быть заперта, но однажды оказалась незапертой. Увидев несущуюся с ревом медведицу, Магда успела задвинуть засов, но тут же почувствовала на спине зубы Эдика. Он повалил ее и смотрел, как бы

раздумывая, что дальше делать. В конце концов принялся покусывать. Кому-то наконец удалось отвлечь его внимание и вытащить Магду из клетки.

— Малыш хотел съесть свою хозяйку, — мягко говорит Магда, поглаживая огромную голову Эдика. — Я провела месяц в больнице, мне наложили 27 швов, но я не обижаюсь на него. В конце концов, он же дикий зверь.

Медведи мира

— Я бы соврала, сказав, что я тут счастливее всех, с этой стаей бездомных собак. Но, с другой стороны, я создала место, где чувствую себя в безопасности. Сюда не доходит этот страшный мир и эти страшные люди, которых я вижу по телевидению, — заявляет Магда. Она говорит, что, когда обходит территорию убежища, ей становится стыдно перед собаками. Что ж с того, что им тепло и не голодно? Собака нуждается в руке человека, а не погладишь же 573 собаки хотя бы раз в день.

Все должно было быть не так. Она не предвидела, что на нее свалится такая лавина животных. Не предвидела и того, что вместо радости за стольких спасенных животных ее будет постоянно терзать мысль о тех, кого спасти не удалось. О том, что в Юлинеке сидят еще четыре медведя в клетках без выгула, что столько лошадей везут грузовиками в Италию, что так много еще бездомных собак.

Вдобавок кто-то прислал ей сообщение, что в Болгарии у кочующих цыган есть два медведя, которым вырвали когти и зубы. Они должны ходить на задних лапах, а передними поддерживать тяжелые цепи, кольца от которых продернуты у них в нос и верхнюю губу. Животные ужасно страдают, и надо, чтоб она поехала и забрала медведей.

— Боже мой, — вздыхает Магда. — Как же я найду кочующих цыган?

ПОЛИТИКА

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Осенью исполнилось уже 15 лет с того дня, когда первый после войны парламент выбрал независимого от коммунистов премьер-министра. Этот пост занял Тадеуш Мазовецкий, в прошлом главный редактор католического культурного журнала «Вензь», в 1980-м, во время августовской забастовки на Гданьской судовой верфи, — глава созданного общественными силами комитета советников, помогавшего рабочим в переговорах с властью, первый редактор «Тыгодника Солидарность», интернированный в день объявления военного положения, позднее — многолетний советник Леха Валенсы и, наконец, участник переговоров «круглого стола». В последние годы политическая и публицистическая деятельность Мазовецкого была не очень заметна, что, разумеется, не означает, будто наш первый премьер от нее отказался. Сейчас, однако, в двух важнейших газетах — «Газете wyborczej» (04, №261) и «Жечпосполитой» (04, №261) — одновременно вышли две его статьи: в первой делается попытка определить горизонты происходящих в настоящее время преобразований Европы, вторая посвящена значению того перелома, что совершился в 1989 году. Обе заслуживают внимания хотя бы потому, что написал их один из творцов тех перемен, что происходят в Польше и Европе на протяжении последних полутора десятилетий.

В статье «Сделать невозможное возможным» («Жечпосполита») Мазовецкий пишет:

«У меня создается впечатление, что европейское сознание все еще — по сей день — не вполне прониклось значением перелома 1989 года, его великого политического и духовного аспектов. Тогда, в 1989 г. и в течение двух следующих лет, распался порядок, установленный в Ялте, который почти полвека разделял Европу, а с ней весь мир на два враждебных блока. Закончилось политическое и идеологическое разделение Европы. После введения принципов экономики свободного рынка закончилось и разделение экономических систем. (...) Перелом 1989 года создал также новые надежды на европейское единство в мире духовного. (...) Польша была первой страной, проломившей брешь в системе коммунистических государств. (...) Тогда, в начале этого пути, мы были одни. Мы знали: то, что произошло у нас, наверняка будет иметь последствия в других странах. Однако невозможно было предвидеть, что это случится так быстро. Не говоря уже о том, что еще никто — во всяком случае из крупных политиков всего мира — не предвидел крушения Советского Союза. Надо было считаться с противодействием противников перемен и в СССР, и в ГДР, и у нас самих. (...) Стратегию, принятую моим правительством, можно определить как революцию, осуществляемую мирным и эволюционным путем. (...) Став премьер-министром, я поставил перед собой главную задачу: без кровопролития провести народ через необычайно трудный период. Я верил, что эту задачу мне удастся выполнить. И что в стране, у которой за плечами множество закончившихся поражениями восстаний за свободу, самое главное — чтобы теперь получилось».

Многое, разумеется, зависело от внешних обстоятельств, от игры, которую вели великие державы, от влияния иных факторов. До сих пор продолжают споры о том, что сыграло переломную роль. Советские войска — о чем сегодня легко забывают, анализируя деятельность новых властей Польши, — тогда стояли во всех странах Варшавского договора, полный суверенитет многим казался недостижимым, а демонстрация стремления к его достижению нередко считалась в «реалистически» мыслящих кругах рискованным поведением. Комментируя эти споры, Мазовецкий пишет:

«Часто, особенно в разговорах с политологами, задается вопрос, что в наибольшей степени способствовало великому перелому 1989 года. Политика Горбачева? Решимость Рейгана? Роль Папы? Борьба „Солидарности“? Мой ответ на эти вопросы таков. В брежневские времена перелом такого масштаба был немислим. Можно было рассчитывать лишь на то, что к существованию „Солидарности“ отнесутся с уважением, так как за ней стоят массы народа. (...) Решимость Рейгана в навязывании СССР неодолимой для того технологической гонки привела — не сразу, но уже при Горбачеве — к отходу от конфронтации в области вооружений. (...) Прежде же всего призраком нарастающего экономического кризиса вынуждал команду генерала Ярузельского искать какой-то выход. Однако прошло немало времени, пока польские коммунистические власти поняли, что никакой выход невозможен без признания „Солидарности“ партнером в переговорах. (...) В Москве, когда, уже будучи премьер-министром, я нанес первый визит Горбачеву, он в конце долгого разговора сказал мне: „Может быть, вас это удивит, но я желаю вам успеха“».

А я думаю: знал ли Горбачев, говоря эти слова, что успех означает вывод советских войск с польской территории? Вернемся, однако, к анализу Мазовецкого, теперь сосредоточенного на том, чтобы указать фактор, который политологи обычно обходят, если не высмеивают, — а именно фактор нравственный:

«События 1989 года, пошедшие так глубоко, не смогли бы произойти и при Горбачеве, если бы невозможное не стало возможным. Это как раз то, чего обычно в истории не предвидят „реал-политики”... Не предвидели этого и западноевропейские „реал-политики” тех времен. (...) Делать невозможное возможным. Объяснение того, что это было и почему это составляло существенный фактор перемен 1989 года, связано (...) с нелегким, признаюсь, для обеих сторон решением сесть за стол переговоров. Связано оно и с выбором эволюционного пути развития, не допускающим провокаций и поисков реванша. (...) А роль Папы? Когда отвечаешь на этот вопрос, вспоминается циничный вопрос Сталина: „А сколько дивизий у папы римского?” Иоанн Павел II не перечеркнул восточную политику Ватикана, но придал ей новый аспект. Аспект прямого диалога с массами, требований соблюдать права человека и права народов поработенной части Европы. Редки примеры такого влияния нравственной силы на ход истории».

Одним из ключевых моментов перемен было принятое правительством Мазовецкого решение — имевшее и нравственный аспект — прекратить выдачу беглецов из ГДР властям этого государства, к чему обязывали соответствующие договоры. В ходе визита в Польшу канцлера Коля в ноябре 1989 г., пишет автор, «мы подписали обширное и важное совместное заявление, которое стало основой дальнейшей деятельности. Тогда произошло также событие, которое приобрело ранг символа — я имею в виду приветствие мира между мной и канцлером Колем во время литургии в Кшижовой (бывшем Крайзау). Само место было не без значения — некогда имение графа фон Мольтке, место встреч участников антигитлеровского движения Сопротивления. (...) Естественно, мы говорили об окончательном признании границы по Одере—Нейссе. Канцлер представлял Христианско-демократический союз, который не голосовал за договор, заключенный Вилли Брандтом и Владиславом Гомулкой в 1970 году. А главное, в ФРГ действовал принцип, согласно которому окончательно признать границу можно только при заключении мирного договора».

Ну что ж, мирного договора нет и сегодня — и, наверное, уже не будет, что в некоторой степени означает принятие порядка, установленного в Ялте. На самом деле никто всерьез не заинтересован в пересмотре Ялтинского договора, особенно по вопросам проведенных после войны европейских границ. Поэтому неудивительно, что по вопросу о польско-немецкой границе тогда нужно было принять как можно более скорые и обязывающие двусторонние решения:

«Мне было очень важно убедить канцлера, что мы должны этот вопрос как можно скорее урегулировать (...). Канцер убеждал меня, что хотел бы это сделать, но не перед ближайшими выборами. Просил поверить, что вопрос польско-немецкого примирения близок его сердцу. (...) Договор о границе был подписан 14 ноября 1990 г. в Варшаве».

И, наконец, обращая внимание на важность факта объединения Германии, Мазовецкий заканчивает свою статью следующим выводом:

«1989 год открыл путь не только к политическому и географическому сближению Европы — он открыл и путь к глубокому сближению людей и народов. Стало ли это действительностью или по-прежнему остается скорее возможностью? Это тоже вопрос о последствиях 1989 года».

Попытка ответить на этот вопрос была в тот же день опубликована в «Газете wyborczej» под названием «Европа — континент без свойств?». Понятно, что вопрос касается и границ Европы, и европейского самосознания. Дискуссия на эти темы идет не со вчерашнего дня, ее истоки лежат по крайней мере в Средних веках, когда при дворе Карла Великого извлекли из-под спуда старое название, чтобы обозначить пространство, ограничивающее территорию власти короля, и отделить его от «варварских» территорий и Византии. Дискуссия продолжается, принимает разнообразные формы, и сейчас ее точкой отсчета стала конструкция, называемая Европейским союзом. Факт приглашения Турции к переговорам относительно вступления в Европу — после ее многолетних усилий — Мазовецкий считает хорошей исходной точкой для размышлений о будущем континента. Он пишет:

«Для меня эта дискуссия, вызванная турецким вопросом, содержит и сентиментальный мотив. Хорошо помню, как мой отец, начав в детстве знакомить меня с историей Польши, рассказывал, что в эпоху разделов при дворе султана, в присутствии представителей государств, которые ежегодно приносили ему дары и пожелания, раздавался громкий вопрос: „Прибыл ли уже посол Лехистана?” — то есть Польши. И раздавался такой же громкий ответ: „Посол Лехистана еще не доехал”. (...) Даже если эта сцена больше была антироссийской демонстрацией, несогласие с тем, что Польша стерта с карты Европы, оставалось красноречивым жестом, изолированным на фоне того политического цинизма, с каким относились к Польше при других дворах. Однако в нашей истори-

ческой памяти сильно укоренилось другое событие — Ян III Собесский под Веной. Всегда считалось, что мы тогда защитили христианскую Европу от ислама, а европейскую цивилизацию — от уничтожения чуждой цивилизацией. Неизвестно, как пошли бы судьбы Европы, если бы не было этой обороны».

Это исторические примечания — теперь, однако, речь идет о современности:

«После вступления Турции в ЕС границы Евросоюза передвинутся в непосредственное соседство с по-прежнему взрывоопасным пространством Ближнего Востока. Возникнет также вопрос, на каких принципах ЕС должен строить свои отношения со странами, лишь отчасти европейскими — особенно евразийскими, но и такими, которые можно назвать евро-африканскими?»

Хороший вопрос, на который — в иных исторических и культурных условиях — стремился ответить Геродот, о чем замечательно рассказывает в только что вышедшей и соединяющей историю с современностью книге «Путешествия с Геродотом» Рышард Капустинский. Но если для Капустинского этот вопрос носит по преимуществу культурный характер, то Мазовецкий переводит его на язык политики:

«Решение, рекомендуемое начать переговоры с Турцией, было принято Европейской комиссией с применением формулировки „да, но...”. Дело в том, что это „но” вписывается в определенный исторический ход прежних переговоров с Турцией. Они были начаты под серьезным давлением США. (...) Да только ЕС — это не НАТО, и критерии приема членом другие».

Это влечет за собой очевидные последствия в вопросах будущей внешней политики ЕС, если таковая сложится:

«Сегодня необходим серьезный диалог по вопросу об общих европейских интересах. В отношениях с Америкой Евросоюз должен стать настоящим партнером, преодолевая как слепой антиамериканизм в Западной Европе, так и существующее в странах нашего региона, особенно в Польше, непонимание того, что Европа такого партнерства должна добиваться. Важно также, чтобы сама Америка отошла от политики односторонности. В отношениях с Россией Евросоюзу следует понять, что немецко-французская политика никогда не заменит общей европейской политики — то есть такой, в создание и осуществление которой включены и страны нашего региона. (...) А нам в Польше надо понять, что наше воздействие на Восток только тогда будет успешным, когда станет воздействием в рамках ЕС, а не в стороне от него. Это касается и нашей позиции относительно Украины и ее перспектив в ЕС. (...) Определяя общие европейские интересы, надо будет учесть специфику отдельных европейских государств: например, связи Франции со странами Магриба, Испании — со странами Латинской Америки или традиционно тесные связи Великобритании с США. (...) Глядя дальше, Европа оказывается перед проблемой сосуществования с мусульманскими странами. (...) Неизвестно, в каком месте своей внутренней эволюции находится сейчас мусульманский мир. Все указывает на его глубокую внутреннюю дифференциацию. Наступит ли там отделение „sacrum” от „profanum”, как это случилось уже несколько веков назад в европейских странах? Или же эволюция ислама будет проходить по-другому — сохраняя стержень собственной цивилизации и в то же время иначе, нежели в европейских странах, давая слово тому, что мы называем правами человека, уважением к человеческой личности, терпимостью, гражданством? Это и есть великое неизвестное. Посылка, согласно которой все разрешит глобализация, была бы ошибочной в обстоятельствах, когда как раз она, неся одностороннюю вестернизацию, порождает бунт, политическое сопротивление и даже способствует всплескам терроризма. В мусульманских странах отвергают не технические достижения, а наведение в мире политического и культурного единообразия, связанное с Западом. Оно ощущается как лишение этих стран их корней. (...) Так какой же должна быть Европа, испытывающая ответственность за глобальную политику и вместе с тем принимающая партнерские отношения с другими цивилизациями, с которыми она будет сталкиваться все сильнее?»

Всего два этих текста, фрагменты которых я привожу, в богатом творчестве Мазовецкого не исключительны. Этот политический практик, который сдал экзамен не только в Польше, но и на международной арене, — в то же время и политический мечтатель, человек, ставящий открытые вопросы, на которые ответит будущее, но умеющий эти будущие ответы укоренить в настоящем. Так пишет не политический «реалист», а государственный муж — и слава Богу, что такие еще встречаются.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В этом году премию им. Ежи Гедройца, присуждаемую газетой «Жечпосполита», получил Марек Карп (посмертно) и созданный им Центр восточных исследований. В 80-е гг. Марек Карп был постоянным участником независимых лекций-бесед «Польша в Европе», ставших впоследствии «кузницей кадров» для восточной политики Третьей Речи Посполитой. В 1990 г. он основал Центр восточных исследований, которым руководил вплоть до смерти в загадочной автокатастрофе (см. некролог в предыдущем номере нашего журнала). Опираясь главным образом на СМИ, Центр анализирует ситуацию в Центральной и Восточной Европе, а также на Кавказе, Балканах и в Средней Азии. Он печатает несколько периодических изданий и располагает богатейшей базой данных. Центр восточных исследований — одно из самых уважаемых в мире учреждений такого рода.

• В Варшавском университете состоялась церемония присвоения степени почетного доктора первому президенту свободной Чехословакии, писателю и правозащитнику Вацлаву Гавелу. «Смелость и честность мышления, с которыми Гавел смотрит на окружающий мир, описывает и анализирует его, возрождают веру в то, что мыслители нужны людям», — сказал в связи с этим событием Бронислав Геремек.

• В редакции журнала «Политика» в очередной раз прошло вручение стипендий самым способным молодым ученым, победившим в конкурсе «Останьтесь с нами». «Стоит ли бороться за польскую науку, если политики недооценивают ее значение, а широкой публике на фоне повсеместной бедности она кажется роскошью?» — задался вопросом один из членов жюри министр Михал Клейбер. И, отвечая утвердительно, хотя и предъявляя при этом к миру науки определенные требования, добавил: «Независимо от того, какова будет государственная политика в этой области, наука будет любить тех, кто любит ее».

• В Варшаве на 86-м году жизни скончался один из самых популярных польских публицистов, кинокритик Зигмунт Калужинский. «Он слыл любителем спорных тезисов, потому что умел сохранять независимость и не боялся идти против течения», — сказал его коллега по редакции «Политики» Здислав Петрасик.

• В Познани прошел Фестиваль искусства, посвященный Франтишке и Стефану Темерсонам, которые начиная с 30-х гг. создавали авангардные фильмы. Стефан писал, Франтишка рисовала, но фильмы они снимали вместе. Темерсоны умерли в 1988 году. Последние полвека жизни они провели в Лондоне. Сегодня их творчество снова вызывает интерес критики и зрителей.

• В октябре в Варшаве прошли VII Дни еврейской книги. «Эта ярмарка — попытка наверстать упущенное в период ПНР, когда еврейский вопрос был темой табу, — сказал организатор фестиваля Константы Геберт. — Казалось бы, после уничтожения в Польше евреев должна была завершиться и история их культуры. Между тем она пережила гибель своего народа и возродилась на другом языке и в другом народе. Это неслыханный успех как еврейской, так и польской культуры». В рамках фестиваля состоялось около 40 мероприятий. Презентация книг сопровождалась встречами с их авторами и героями, а также дискуссиями и демонстрацией фильмов. Кроме того прошли выставка живописи, мастер-класс песни и, главное, «Фестиваль на улице Пружной» под девизом «Варшава Зингера». На несколько дней эта старая варшавская улица стала такой, какой ее видел и описывал в своих произведениях Исаак Башевис Зингер.

• «Спокойный воскресный день» — так называется сборник репортажей Ханны Краль, написанных в 70-80-е годы. «Можно было бы предположить, что сегодня тексты, укорененные в действительности тогдашней Польши, могут быть лишь любопытным историческим свидетельством. Нет ничего более ошибочного», — пишет Бартош Мажец. А Тадеуш Соболевский утверждает: «Книга Ханны Краль, которая читается как цикл новелл, вызывает в памяти прекрасную польскую традицию литературного репортажа (...) В юморе Ханны Краль есть что-то от „шутковской точности с примесью отчаяния“, но без надежды на изменение мира (...) ПНР здесь — обличье судьбы, которой герои Краль никак не хотят покориться. Они борются, попутно предаваясь иллюзиям и мечтам (...) Эта экзотическая реальность раз за разом открывает нам знакомое, обиженное человеческое лицо». Сегодня Ханна Краль известна прежде всего как автор романов о еврейских судьбах. Может быть, стоит

вспомнить, что замечательная писательница начинала с репортажей в варшавской печати. Эти искромсанные цензурой репортажи — единственное в своем роде свидетельство о тех годах.

• Словно включаясь в дискуссию о преамбуле конституции объединенной Европы, известный историк, а некогда один из виднейших польских диссидентов Кароль Модзелевский утверждает, что «европейская культура вырастает не только из наследия античности и христианства, но и из языческого варварства». Все мы немного варвары... Книга Модзелевского «Варварская Европа» вышла в издательстве «Искры» и была названа лучшей варшавской премьерой месяца.

• Томаш Лубенский, ныне главный редактор журнала «Нове ксьёнжки» («Новые книги»), а некогда автор книги «Биться или не биться», посвященной смыслу польских восстаний, решил слегка нарушить торжественную атмосферу празднования 60-й годовщины Варшавского восстания. Его последняя книга «Ни триумф, ни кончина» — это цикл эссе, написать которые, по словам самого автора, его заставило не полное надежд начало восстания, а его траурный последний день. «Лубенский отмечает поэзию, не поддается очарованию легенды, смотрит на восстание хладнокровно, анализируя его так, как оценивают военные действия, предпринятые с определенной целью», — пишет Здислав Петрасик и, подводя итог, замечает, что предводители восстания вписались в польскую традицию, «которая, собственно говоря, не требует отчета за допущенные ошибки, неудачи легко оправдывает сговором и насилием врагов, умеет расстрогаться от неудачливости в войне или политике, а в поражении охотно усматривает доказательство морального превосходства над противником».

• «осталось нам только место привязанность к месту / еще мы удерживаем руины храмов призраки садов и домов / если утратим руины не останется ничего», — писал в 1983 г. Збигнев Херберт («Рапорт из осажденного города», пер. Владимира Британишского). 80-я годовщина со дня рождения скончавшегося в 1998 г. поэта стала поводом к дискуссии о его наследии. Согласно последней воле Херберта, его личный архив должен быть передан Библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке при библиотеке Йельского университета, в которой хранятся труды писателей из Центральной и Восточной Европы. Между тем группа польских писателей и историков выступила с инициативой оставить бумаги поэта в Польше. Кажется, нашелся даже бизнесмен, готовый выделить деньги на покупку материалов и строительство архива, достойного этого названия, где можно было бы разместить и рукописи других писателей (сейчас они хранятся главным образом в Нацио-

нальной библиотеке, у которой, однако, не хватает денег, чтобы покупать все). В настоящее время ведутся переговоры с вдовой поэта Катажиной Херберг. Тем временем в годовщину со дня рождения Херберта на доме, в котором он жил в Варшаве, открылась мемориальная доска.

• В этом году гостем VII фестиваля «Варшава писателей» была голландская литература, многочисленные представители которой съехались в польскую столицу. Среди них были, в частности, Арнон Грюнберг («Фантомная боль») и Тесса де Лоо («Сестры-близнецы»). Фестиваль сопровождался киносеансами, дискуссиями и светскими приемами... «Варшава писателей» проводится начиная с 1996 года. Один из ее организаторов — Центр современного искусства в Уяздовском замке.

• Последними польскими бестселлерами стали: написанная в репортажном стиле книга Рышарда Капустинского «Встречи с Геродотом», шедевр литературы фэнтези «Божьи воины» Анджея Сапковского и автобиографическая книга Януша Гловацкого «Из головы». Высокую позицию занимает также награжденный премией «Нике» роман Войцеха Кучока «Говно». В списках бестселлеров оказались и три рассказа Ольги Токарчук, изданные под общим названием «Последние истории». В них Токарчук рассказывает о трех женщинах — бабке, матери и дочери. Это горькая книга, которая, как пишет критик газеты «Жечпосполита», «развеивает иллюзии о том, что выбор вписан в человеческую судьбу».

• «Эту книгу, — пишет Эльжбета Савицкая, — придумали Анджей Ват из Парижа и Данута Врублевская из Варшавы. И слава им за это. Появился новый бесценный документ». Речь идет о двухтомнике «Ян Лебенштейн», изданном в пятую годовщину со дня смерти художника. В первом томе напечатаны «беседы о собственном искусстве, о традиции и современности». Вторым том называется «Ян Лебенштейн и критика. Эссе, рецензии, воспоминания». Сам художник редко говорил о себе и своем искусстве, поэтому авторам пришлось обратиться к другим свидетельствам. «Из текстов о художнике следует, что он не очень-то любил говорить о себе, — пишет Дорота Ярецкая. — Мы знаем только то, что сказали о нем другие». В связи с пятилетием со дня смерти художника во вроцлавском Национальном музее открылась выставка его работ.

• Одним из центральных культурных мероприятий Польского сезона во Франции стала выставка работ Бруно Шульца в парижском Еврейском музее. Выставке сопутствовало издание литературных произведений Шульца, а также французский перевод книги Ежи Фицовского «Бруно Шульц. Регионы великой ереси». Французский знаток творчества Шульца Серж

Фошро написал о нем в каталоге выставки: «Значение Шульца состоит не только в его своеобразии, но и в том, что в своем искусстве он сумел передать дух эпохи и сказать собственным голосом о вещах, не чуждых и другим художникам».

• В Познани открылась выставка «В сторону Шульца», на которой представлены работы современных польских художников, созданные под влиянием творчества Бруно Шульца. Среди участников выставки есть такие мастера, как Францишек Старовейский, Францишек Маслоуцак, Игорь Митораи, Здислав Бексинский, Даниэль Хоровиц и многие другие. Из Познани выставка отправится в Краков и Львов.

• В возрасте 63 лет скончался один из самых популярных польских художников Ежи Дуда-Грач. О себе он писал так: «Я изображаю мир, который уходит, умирает, в котором больше сна, детских воспоминаний, мир на фоне доиндустриального пейзажа. На моих картинах нет телефонных проводов, кабелей, спутниковых антенн, машин, самолетов — всего, что снова заведет человека на дерево, если он будет и дальше так интенсивно развиваться в этом направлении». Последний цикл его картин, посвященный творчеству Фридерика Шопена, будет представлен на ближайшем Шопеновском конкурсе в 2005 году.

• В Козлувке под Люблином в почти нетронутом состоянии сохранилась бывшая магнатская резиденция рода Замойских. В этом году созданный там музей празднует свое 60-летие. Это один из самых посещаемых музеев в Польше, чему способствовала также открывшаяся там 10 лет назад единственная в стране Галерея соцреализма. В галерее собраны художественные свидетельства эпохи коммунизма, но прежде всего — исчезнувшие с улиц польских городов памятники пээнэровским «святым». Аллеи парка заполнены каменными фигурами Ленина, Берута, Дзержинского. Не хватает только Сталина — по неизвестным причинам в Польше не было поставлено ни одного памятника генералиссимусу.

• В 1964 г. два историка искусства обнаружили у настоятеля прихода в Косове-Лашком удивительную картину, изображающую экстаз св. Франциска. Теперь уже достоверно известно, что автор «Экстаза» — Эль Греко и что это один из самых ценных экспонатов, хранящихся в польских музеях. В этом году картина была впервые показана публично в Епархиальном музее города Седльце. Картина была одной из самых сокровенных тайн польской Церкви во времена, когда существовала опасность, что ее присвоит один из крупных национальных музеев или, еще того хуже, повесит в своем кабинете какой-нибудь партийный босс.

• Все говорит о том, что в феврале наконец-то начнет вещать новый канал ТВП — «Канал Культура», который будет доступен по спутниковому телевидению и в кабельных сетях. Как обещают авторы замысла, это будет «интеллектуальная программа для требовательного зрителя». Может быть, там найдется место и для материалов, посвященных проблемам культуры и искусства, которые до сих пор с трудом проникали на экраны государственного телевидения.

• Новый шеф редакции документальных фильмов ТВП Кшиштоф Тальчевский обещал увеличить долю документального кино в программе канала. Свою речь он закончил такими словами: «У нас [показывают] столько страдальчества! Не мешало бы снять документальные фильмы, с иронией изображающие пээнэровское прошлое и высмеивающие нашу нынешнюю коммерциализированную жизнь, в т.ч. и само телевидение. Мне не хочется быть занудой от истории. Я ищу нового Пивовского [Марек Пивовский — знаменитый режиссер-неконформист, снявший, в частности, в 1970 г. кинофильм «Рейс». — *Ред.*)]».

• Международный варшавский кинофестиваль (в этом году он проводился уже в 20-й раз) пришел на смену весьма популярным в ПНР «Конфронтациям», на которые зрители приезжали даже из соседних стран соцлагеря. В те времена на «Конфронтациях» показывали самые выдающиеся, награжденные на международных кинофестивалях фильмы, у многих из которых по внехудожественным причинам не было шансов попасть в нормальный прокат. Сегодня на варшавском фестивале тоже можно увидеть такие картины, но причины уже другие. Теперь действия прокатчиков продиктованы не политикой, а коммерцией. Поэтому фестивали, на которых можно увидеть творчество и великих, и малых, имея уверенность, что всегда найдется что-нибудь интересное, действуют на киноманов как освежающий душ. Ничего удивительного, что фестивальные кинотеатры часто переживают настоящую осаду, а дискуссии после сеансов бывают весьма бурными. О некоторых зрителях, именующих себя «пожирателями фильмов», пишет в фельетоне Рафал Стец: «Их мозги устроены по-особому. Если у фильма уже есть польский прокатчик, такой фильм отпадает: жалко времени на то, что и так выйдет на экраны (...) „Пожиратель” ищет такие фильмы, которые в лучшем случае затеряются на региональном телевидении и будут показаны лет через пять, в среду, в три часа ночи (...) Он впитывает в себя все, что оригинально, диковинно, экзотично, ни на что не похоже». Наверное, хорошо, что в программе фестиваля есть такие фильмы. В этом году директор Стефан Лаудин показал 110 фильмов. Многие из них были сняты в странах нашего региона. У Лауди-

на есть и новые проекты: «Меня преследует идея организовать региональную киноярмарку, — говорит он. — В каждой из стран нашего региона появляются прокатчики, телеканалы, открытые к местной кинематографии (...) Потенциальный рынок польских фильмов — это страны Восточной Европы, особенно Россия».

• Под девизом «Восток—Запад—Вдохновение» прошел в Варшаве Фестиваль театральных фестивалей «Встречи». По мнению Романа Павловского, его главными событиями стали кувейтский спектакль «Аль-Гамлет» и «Трилогия дракона» Робера Лепажа — многочасовое представление, которое при помощи очень условных выразительных средств рассказывает о жизни многонационального Квебека. «Трилогия дракона» «восхищает точностью, новаторскими выразительными средствами и темпом повествования. В ней Лепаж преобразует мотивы поп-культуры, пользуется киномонтажом и проекцией, но в то же время защищает автономию театра». О кувейтском Шекспире Павловский пишет: «Это трагедия принца Датского, перенесенная в реалии Ближнего Востока, где феодальная структура власти, террор и убийства из-за угла — в порядке вещей. Автор пьесы Сулейман Аль-Бассам привнес в „Гамлета“ не только сюжет ближневосточной войны, но и язык арабской поэзии, в котором жестокость перемешана с изысканной чувствительностью». Между тем публика восторженно приняла два представления Пекинской оперы, а большинство критиков сочли событием не только фестиваля, но и польской театральной жизни спектакль «Неоконченное произведение для актера», поставленный Кристианом Люпой по мотивам чеховской «Чайки» и «Испанской пьесы» французки Ясины Реза.

• О спектакле Люпы пишет Януш Р. Ковальчик: «Соединение обоих произведений показывает, как далеко ушли мы за последнее столетие от возможности какого бы то ни было взаимопонимания с другими людьми, даже самыми близкими (...) Замечательно играющие актеры наполнили своей магической индивидуальностью красивые, тревожно-лирические сцены из „Чайки“, сопоставленные с неврастеническими эмоциями „Испанской пьесы“ (...) Спектакль Кристиана Люпы с необычно организованным (как всегда у этого постановщика) пространством показывает замкнутый, малодоступный мир людей театра (...) К „Неоконченному произведению...“ стоит присмотреться — пусть даже с недоверием, но без предубеждения».

• В свой 70-й день рождения Збигнев Запасевич, сыгравший во многих фильмах Анджея Вайды и Кшиштофа Занусси, выступил в спектакле «Запасевич читает Беккетта», а его родной театр «Повсехный» устроил ему торжественный юбилей. «Запасевич выступает на сцене уже полвека, — пишет критик «Газеты выборчей». — Он сыграл более ста ролей. После перелома 1989 г. он не пошел по пути легкого успеха в „мыльных операх“, не продал свое лицо рекламе, но остался верен художественному театру и высокому кино. Он предпочел читать на радио стихи Херберта (...) Тем самым он, возможно, и закрыл себе путь на обложки глянцевого журналов (...) но зато сохранил себя как артист».

• «Своим „Ричардом II“ я не намерен доказывать никаких тезисов. Я не хочу воспользоваться Шекспиром, чтобы рассказать о себе. Наоборот, я служу Шекспиру», — сказал режиссер спектакля Анджей Северин накануне варшавской премьеры. Замечательный актер, а в последнее время все чаще режиссер, член коллектива «Комеди Франсез», он поставил необычайно выразительный, прекрасно сыгранный спектакль, в котором, как и было обещано, действительно «слышен Шекспир».

• Для поляков день Поминения Усопших — это время воспоминаний и раздумий. На кладбищах появляются тысячи лампад, а запах цветов смешивается с запахом опадающих листьев. Журналисты «Газеты выборчей» провели на варшавских Повонзках необычное исследование. Чтобы узнать, кого из ушедших в этом году мы помним лучше всего, они... посчитали лампады. Больше всего огоньков оказалось на могиле политика и общественного деятеля, ранее одного из лидеров польской демократической оппозиции Яцека Куроня — 2400! Две тысячи лампад люди принесли на могилу полковника Рышарда Куклинского, тысячу — на могилу трагически погибшего в Ираке журналиста Вальдемара Милевича, а около 800 — к надгробию умершего от рака барда «Солидарности» Яцека Качмарского. Никто не был забыт — на могилах других известных людей тоже зажглось множество лампад. Немало их было и на могиле Болеслава Пруса — самого варшавского из польских писателей.

Янина Куманецкая

PRO MEMORIA

На прошедшей в Национальной библиотеке выставке «Pro memoria — чтобы память не умерла», посвященной истории фондов варшавских библиотек в период оккупации, были старательно подсчитаны почти все потери. Полученные цифры огромны, за ними кроются сотни тысяч безвозвратно утраченных книг. Однако самое большое впечатление производят не подсчеты. Магия больших чисел заставляет нас рассматривать их как нечто абстрактное, они не действуют на наше воображение. На него действуют экспонируемые на выставке куски обгоревших старых фолиантов из бесценной коллекции польских книг XV-XVI вв. варшавского букиниста Хиеронима Вильдера. Отданные для безопасности в Национальную библиотеку, они сгорели вместе с другими книгами в здании на ул. Окульник, где размещалась библиотека имения Замоиских. Там же хранились ценнейшие, невозможные фонды трех книгохранилищ, объединенных под эгидой Государственной библиотеки. После войны из-под руин здания на Окульнике удалось извлечь несколько обгорелых страниц.

Некоторые библиотеки были разрушены еще в 1939 году. Часть их фондов была вывезена немцами. Однако значительно более серьезные потери повлекло за собой Варшавское восстание, после поражения которого немцы систематически истребляли столицу огнем. На стенде с послевоенными фотографиями видны зияющие дыры между уцелевшими мраморными колоннами библиотеки на Окульнике, зловеще торчат развалины других библиотек, а от некоторых, как от бывшей Библиотеки Сейма, остались только груды кирпича и мусора.

В июле 1940 г. немцы создали Государственную библиотеку, которой управляли сами. Впрочем, на работу они вынуждены были принимать польских библиотекарей. И хотя часть фондов им удалось быстро вывезти на территорию Рейха, большая часть все же осталась в Польше. В каталоге выставки Ханна Ласкажевская пишет об этом: «Оккупационные судьбы варшавских библиотек — это не только история их разрушения. С июля 1940 по август 1944 г. это еще и ежедневная работа с фондами: составление каталогов, постоянный отбор, закупка, конспиративная выдача книг надежным людям и научным работникам на нужды подпольного образования (...) Кроме того в период оккупации библиотеки стали прибежищем для деятелей культуры и науки, которых принимали на работу временно или фиктивно, что давало им возможность получить документы о трудоустройстве».

После поражения восстания немцы вывезли из Государственной библиотеки значительную часть книг. В ноябре 1944 г. немецкие власти решили частично эвакуировать оставшиеся в Варшаве фонды и перевезти их на территорию Рейха. Транспортировкой занимались польские библиотекари, которые прятали книги в безопасные места, однако часть из них все-таки попала в Силезию, Бранденбург и Австрию. После войны эти фонды вернулись в свои родные библиотеки — правда, весьма поредевшими.

Несмотря на это, выставка завершается на оптимистической ноте благодаря стендам с ценнейшими вывезенными изданиями и сведениями об их возвращении. В этом разделе представлены как книги, которые в первые дни сентября 1939-го удалось переправить через Румынию во Францию, а затем в Канаду, так и те, что вернулись из скитаний близ польско-немецкой границы и из Австрии.

Отдельная часть выставки посвящена самым заслуженным варшавским библиотекарям, благодаря которым не умерла память ни об одной книге. Перечислим только некоторые имена: Анджей Гродек, Алодия Кавецкая-Грыч, Юзеф Грыч, Адам Левак, Вацлав Боровый. Они достойны нашей памяти.

Достойны памяти и те необыкновенные люди, оказавшиеся в необыкновенных обстоятельствах, о которых рассказывает другая прошедшая в Национальной библиотеке выставка — тоже посвященная периоду II Мировой войны и названная «Вольденбергцы». Вольденберг (ныне Добегнев в польском Западном Поморье) был немецким лагерем военнопленных для польских офицеров. Сначала там раз-

местили офицеров, взятых в плен во время сентябрьской кампании 1939 г., а затем их ряды пополнили бойцы Варшавского восстания. На протяжении шести лет существования лагеря в нем цвела культурная жизнь: офицеры устраивали концерты, рисовали. В 1940 г., когда должны были пройти очередные Олимпийские игры, отмененные из-за войны, узники Вольденберга провели собственную Олимпиаду. Соревнования по 30 видам спорта отличались от обычных лишь тем, что после их окончания спортсмены не расходились по домам, а оставались за колючей проволокой. Среди узников были профессиональные военные, однако многие из них были офицерами запаса. Часто это были талантливые художники, ученые, инженеры. Ничего удивительного, что плоды их деятельности, собранные на выставке в Национальной библиотеке, столь обильны. Кстати, полное название выставки звучит так: «Творчество офицеров в лагере военнопленных в Вольденберге в 1939-1945 годах». Пожалуй, наибольшее восхищение вызывают сегодня работы архитекторов, которые, потеряв терпение от долгого пребывания в лагере, чертили планы домов в послевоенной Польше. Другие офицеры учили иностранные языки, занимались самообразованием, рисовали, делились своими знаниями. Выставка «Вольденбергцы» — это необыкновенный памятник независимости человеческого ума в самых неблагоприятных условиях. Ибо хотя немцы оставляли узникам Вольденберга немало свободы, эти бараки вовсе не были домами отдыха, а на территории лагеря действовали законы военного времени. Об этом тоже нельзя забывать.

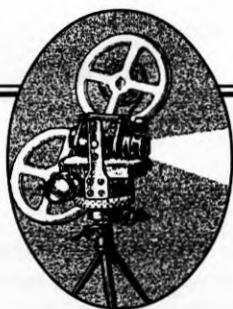
Александра Курчаб

ПОСЛУШАЕМ ЭТУ ПЛАСТИНКУ

Попал мне в руки скромный компакт-диск, выпущенный ранее неизвестным издательством из маленького провинциального городка Палуки — в этом издательстве время от времени выходит альманах «Вулкан». Сначала я пластинку послушала — она мне понравилась. Заглянула в приложенный буклет с текстами: Владимир Высоцкий, Юрий Визбор, Юрий Кукин, Игорь Кохановский, Александр Дольский. Раньше я из них знала только Высоцкого. На диске есть даже «Боксер», когда-то известный в переводе Млынарского, а тут переведенный заново. С русского тексты переводили Доминик Ксенский и Ян Словинский. Музыка Доминика Ксенского, поет Доминик Ксенский. Так оно, видно, бывает: «сам яичко сварит, сам и облупит» — лучший рецепт честного успеха.

Я полезла в Интернет: «Вулкан»? Есть. Первый номер альманаха вышел в 1989 году. Тираж — 50 экземпляров. Выходит, уже 15 лет. Мое восхищение нарастает. Снова слушаю песню и уже знаю, что это родная мне душа. Он поет (хорошо поет) о горах, о бегстве от толпы и смрада, о далеком луче солнца, заходящего за самую высокую вершину. Но это завоевание просторов и все новых вершин — не простое описание природы, это борьба с самим собою, самая тяжелая в жизни борьба. И чуть-чуть печали, как это бывает, когда нам слишком тесно даже на улицах маленьких городков.

Доминик Ксенский дарит нам альбом, с которым мы уже не расстанемся. Поет он спокойно, не захватывает нас горьким, раздирающим душу голосом Высоцкого, но придает текстам личное и тоже очень глубокое выражение. Эти слова хочется слушать снова и снова, все ненасытнее. Это хорошо и для Ксенского, и для нас. Польская молодежь будет охотно слушать эти песни русских бардов.

ЭТОТ ОЧЕНЬ НЕПРОСТОЙ КШИШТОФ ЗАНУССИ

Знаменитый кинорежиссер Кишиштоф Занусси до своего кинообразования успел получить образование и физика, и философа. Вдобавок к этому он преподает информационные технологии и пиар, а также является консультантом Папы Иоанна Павла II по культуре. Не так давно он опубликовал книгу «Пора умирать» (1999) и выпустил фильм-лауреат Московского кинофестиваля

«Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем». Впрочем, призов международных кинофестивалей у него уйма. В марте этого года режиссер получил мантию почетного доктора Петербургского государственного университета кино и телевидения, куда тоже приезжает не первый год читать лекции по режиссерскому искусству. Зал на церемонии был забит до отказа, люди хотели послушать докторскую речь умного и талантливого человека с мировой известностью.

Мне довелось побеседовать с Кишиштофом Занусси о кино и о жизни. Ответы порой были очень неожиданными и впечатляющими, но местами вызвали противоречивые чувства. Впрочем, судите сами.

У МЫСЛЯЩЕЙ ЭЛИТЫ НЕТ СВОЕГО КИНО

— Как бы вы охарактеризовали современные процессы в кинематографии Польши и России?

— Главное здесь то, что мы в Польше допустили ошибку, о которой я во весь голос предупреждал, но меня никто не услышал. Это произошло потом и у вас. Мы потеряли кинопрокат, отдали его американцам. У нас это началось раньше, чем в России, на нашем примере все у вас это уже видели, и я думал, что Россия все-таки ничего подобного не сделает.

— На опыт постсоциалистических преобразований в странах Восточной Европы у нас тогда и не смотрели. А смотрели вообще через голову всей Европы прямо за океан.

— Если бы, глядя за океан, вы научились и тому, как не развалить свой прокат! Вообще я очень удивился тому, что произошло в такой серьезной кинематографической державе, как Россия. Теперь у вас огром-

ная проблема, где показать российскую картину. Негде. Может быть, иногда в больших городах незаметно покажут, а так — все подчинено американскому кино. Вы это позволили. Мы сейчас в Польше пытаемся с этим бороться, что очень трудно, так как влияние прокатчиков американского кино очень велико.

— Какие тенденции в польском и российском кино вам нравятся, какие — нет?

— Последние годы в Польше все-таки прошли относительно неплохо: вышло несколько больших национальных исторических картин, можно сказать ревиизионистских, которые помогли ответить на вопрос: почему тогда-то и тогда-то мы потерпели поражение, что в истории сделали не так? Например, «Пан Тадеуш» Анджея Вайды содержит такую мысль. Для публики такие картины оказались очень интересны. И в 1999 г. мы достигли того, что 65% зрителей посмотрели польские фильмы.

Что будет в Польше?.. Кино требует больших денег. Дешево снятое кино никто не смотрит — нет доверия, да и на рекламу не хватает сметы. В России тоже есть такая проблема: свое кино не имеет сколько-нибудь существенной связи с публикой. Кино вообще не обслуживает элиту. Мыслящая элита осталась без кино. У интеллигенции нет своего кино ни в залах, ни на телевидении. А это плохо.

— И это не лучшим образом влияет на общество?

— Ну да... Это значит, что голова осталась без крови.

— Что-то в российском кино вам приглянулось?

— Конечно, мне очень понравилась картина Павла Чухрая «Вор». Картина «Цареубийца» показалась интересной. Возможностей увидеть российское кино, правда, не много — если что-то случайно удается, то на кинофестивалях.

— Что вы думаете о новом фильме Борто «Идиот» по Достоевскому?

— Я его пока не видел. Говорят, что получилось плохо. Я не думаю, что сегодня кто-то может снять хороший фильм по классике.

— А что вы думаете о Достоевском?

— Это писатель совершенно гениальный, мирового уровня, но лично мне он чужд. Хотя я его с огромным интересом читаю и всегда удивляюсь тому, что с его героями происходит, — я бы до этого никогда не додумался. Есть писатели мне очень близкие, как Томас Манн, которого я весьма уважаю, но есть и другие, которых я тоже уважаю, хотя они мне не близки.

— *Кто же из русских писателей вам близок?*

— Конечно, Чехов гораздо ближе. Тургенев — очень близкий. Но и Лев Толстой со своей великой эпикой, он тоже для меня... более домашний писатель.

— *Не помышляли ли вы подступить к близким вам писателям?*

— Я очень редко думаю об экранизации литературы. Вот сделал, например, по Макс Фришу фильм «Синяя борода» (который был показан на Гатчинском кинофестивале литературы и кино в этом году. — П.Я.). Но все же предпочитаю самостоятельные картины. А вообще, думаю, все хорошее по этой литературе было уже снято.

— *Вы в своих картинах всегда сами и сценарист?*

— В подавляющем большинстве случаев.

ЗАНУССИ ОТКРОЕТ ЗАПАДУ НОВУЮ РОССИЮ

— *Над чем вы работаете сейчас? Какие у вас планы?*

— В эти дни я приступаю к съемкам совместной польско-российско-итальянской картины «Персона нон гра»^{та}, про дипломатов. Это польско-русская тема, где немного присутствует и Запад.

— *Что же вас зажгло? О чем вы там размышляете?*

— Вообще у меня большой многолетний опыт, связанный с дипломатией. Я много общался с дипломатами. Кроме того в России сегодня сложилась новая ситуация, которой раньше не было. О России сейчас можно говорить без напряжения, лжи и фальшивой вежливости — и открывать Россию в момент перемены. Она мне интересна. И, может быть, я даже лучше представляю ее западному зрителю (а картина будет делаться для него), чем она сама себя представляет. Это картина о любви.

— *А Никита Михалков у вас как задействован?*

— И как продюсер вместе со мной, и как исполнитель главной роли. Это будет история о современных российских дипломатах в Уругвае. Они — люди разных поколений, которые в новой российской ситуации по-разному раскрываются друг другу.

— *Хотели бы вы снимать что-нибудь в самой России?*

— Всегда хотел и, на что бы ни пригласили, всегда всерьез подумаю. Я ведь в России уже поработал в театре — 12 лет назад ставил во МХАТе свою пьесу

«Игры женщин». Ее иногда до сих пор показывают. Надеюсь, снова что-нибудь получится с каким-нибудь театром. Ту совместную работу, то время я вспоминаю очень хорошо.

ГРЯДЕТ ПОКОЛЕНИЕ НОВЫХ ВАРВАРОВ

— *Сегодня новые времена, когда мы все стали свободными, открылись. А что дало новое время человеку, что обнаружит сегодня человек, заглянув в себя?*

— Если человек внимательно посмотрит в себя, то обнаружит свою слабость, потому что наша гордыня не допускает и мысли, что мы слабые. А мы слабые на самом деле. И нам очень трудно пробиться через жизнь, не растеряв нашего потенциала, не утратив возможностей. Сейчас это, к сожалению, повторяется, как уже не раз бывало прежде.

— *То есть провозглашаемая сегодня в разных вариантах идея о больших возможностях, о светлом будущем в постсоциалистическом мире — это всё глупости? Вы пессимист?*

— Наоборот, я оптимист. Но я не тешу себя надеждой, что будет рай на земле, потому что рождается поколение новых варваров и мы будем вынуждены заново пробивать наши благородные идеи.

— *Что же, человечество все-таки идет к упадку?*

— Нет-нет. Бывает, что движение от поколения к поколению идет в правильном направлении, а бывает, что все хуже и хуже, на спад. Надеюсь, что мы как культура и цивилизация еще не достигли того этапа, когда проявится тенденция к спаду. Но, может быть, придет момент, что мы, как древний Рим, войдем в последний период распада.

— *Как человеческая цивилизация вообще?*

— Нет, как цивилизация белого человека.

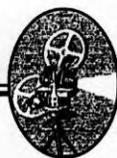
— *Кто же придет ей на смену?*

— Например, Китай имеет огромный потенциал.

РОЛЬ РОССИИ В МИРЕ ОГРОМНА, НО ПОМОГАЕТ ЭТО МИРУ ИЛИ МЕШАЕТ?

— *Каковы же, на ваш взгляд, место и роль России в том, что касается будущего человеческой цивилизации? Некоторые люди, размышляя об этом самом будущем, возлагают надежды на Россию, на ее духовный потенциал, даже если речь вести, как вы сказали, о цивилизации белого человека. Что вы думаете об этом?*

— Я думаю, что Россия — важная часть этой цивилизационной системы. И шансы евро-атлантической цивилизации зависят от того, насколько Россия дополняет себя Западом. России лучше быть внутри евро-атлантической цивилизации, хотя бы для того, чтоб не оказаться один на один с наступающей цивилизацией и не быть обвиненной в расизме.

— *А может ли возникнуть противоположный вариант: что перспектива для цивилизации белого человека не в ориентации России на евро-атлантизм, а в том, что Россия может стать концептуально иной притягательной силой, дающей шанс на возрождение и расцвет цивилизации белого человека иного типа? Скажем, не хищнически-потребительской. То есть, возможно, конфликт проходит не по линии «белые» — «не белые»?*

— Может быть... Знаете, я не могу определить, в какой форме Россия нам полезна: как компонент, который дополняет, или как компонент, который... не мешает. В любом случае Россия — важный компонент. Без России вообще вся наша цивилизация становится беднее.

НАМИ МАНИПУЛИРУЮТ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

— *Мы касаемся таких тем, где нельзя не иметь в виду, что вы еще и преподаете дисциплину, связанную с информационными технологиями, пиаром и СМИ...*

— Да, поэтому, например, меня очень раздражает освещение событий в Ираке. Я не верю всей этой мировой прессе. Я чувствую, что это всё манипуляции. Из-за того, как подается международная политика телевидением, все мы смотрим вместо документального кино художественное. Нам показывают, как «хороший» побеждает, как «хороший» страдает, а «плохой» бежит на другой стороне. А если посмотреть близко — все неправда.

Так и вся эта истерия вокруг Чернобыля раздута за деньги заинтересованных крупных нефтяных компаний. И огромное падение авторитета университетов в мире происходит сейчас потому, что их исследователи за деньги напишут вам все что угодно. Сколько глупых американских ученых я видел, гораздо больше, чем европейских, а ведь создан миф, что американские ученые — «самые-самые». Сегодня в мире появилось огромное количество мелкой и крупной неправды, которая влияет на сознание людей. Поэтому я сам себе часто по тому или иному поводу задаю вопрос: да откуда же я это знаю, кто это сказал?

Например, в Польше я однажды встретил политика, о котором знал все, что можно было знать о нем плохого. И подумал: откуда я это знаю?... Да из прессы всё!.. И вот встретился с ним, общался, и оказалось, что созданный ему облик — ложный. Сам же он другой. Ни хороший, ни плохой, но другой... А как меня раздражает, когда говорят, что президент Буш — это круглый идиот!

— *Нет, вот Фидель Кастро по этому поводу остроумно сказал, что Буш не так глуп, как кажется.*

— Ну а сам-то Фидель и не выглядит умным, и не умен. Чувствуется лишь, что хороший демагог.

— *Однако харизматическая личность?*

— Харизматики — это все для бедной, недалекой публики. Идти за харизматиком — это все равно как люди идут на плохой спектакль, фильм, про который потом говорят, что он им так понравился! И таких людей всегда немало.

— *Неужели младший Буш может быть лидером интеллектуалов? Уж скорее старший...*

— Конечно, может. Рейган, который был совсем не интеллигентным человеком, выглядел удачным президентом в глазах многих.

— *Ну, это из-за радостного для них события — распада СССР в то время. К тому же Рейган-то ведь еще и актер. Харизма, однако, уж точно имеется!*

— Оставьте харизму. Харизму делают специалисты. Почти ни у кого из политиков ее не было. Разве что у Папы Иоанна Павла II есть некая харизма. Телевидение же, я вас уверяю, нам показывает не то, что есть на самом деле. И Клинтон был не тем человеком, и Кеннеди. Так что не надо верить телепредставлениям политиков. Лучше относитесь к этому сдержанно.

ПУТИН — НЕТИПИЧНЫЙ ЛИДЕР

— *А каково ваше мнение о Путине?*

— Мне довелось сидеть рядом с ним за одним столом на обеде во время Московского кинофестиваля. Я с огромным интересом наблюдал. И как до этого застолья, так и после него не решаюсь дать лестную или нелестную оценку. Скажу лишь, что это сложный человек, как все люди в таком положении. Непростой. Я мог бы описать его психологический портрет, но не буду. Могу лишь сказать, как я рассказал бы о нем актеру, которому пришлось бы его играть. Путин — это такой человек, который забывает, что если он куда-то пришел, то должен показывать себя людям. Он же любит смотреть на людей сам. А это нетипично для вождя, президента, вообще начальника. Начальник обычно не наблюдает, а выставляет себя напоказ. Путин — это вообще такая удивительная президентская карьера, которая нормальным путем не могла бы состояться.

— *При этом у такого человека огромная поддержка населения. Такой вот феномен.*

— Тут и масс-медиа сработали, и попал он, такой тип личности, в нужный момент. Было время, и Горбачев имел гигантскую поддержку, а сейчас его в России совсем не уважают.

*Беседу вел Павел Яблонский
(Санкт-Петербург)*

**Нина Горланова,
Вячеслав Букур**

ИВАН, ТЫ НЕ ПРАВ!

Стало быть, все посмотрели за окно. Там, на железном карнизе, слегка подрабатывая крыльями, чтоб не упасть, стоял странный голубь. Огромный, и при каждом шевелении по нему вжикали радужные молнии.

— Таких голубей не бывает — белый в яблоках!

— Нина, ты еще не поняла? Это душа Милоша, — затрепетал Оскар Муллаев. — Сегодня ведь сороковой день...

— Да бросьте! Птица — потомок динозавра.

— Букур, ты опять все опошлил!

А Вихорков вообще словно забыл, что мы собрались ради Милоша:

— Слава, вы живете в центре — к вам прилетает голубь, мы живем за Камой — к нам прилетает мухоловка. А наш Мязуер любит на нее охотиться, на мухоловку, у нее гнездо на лоджии. Ну, конечно, за стеклом, снаружи. Она хлопочет, приносит стрекозу величиной почти с самого птенца, а тот разевает рот, который становится больше его! И мать начинает заталкивать стрекозиное тело птенцу в глотку — только крылья отлетают, блестя, как слезы. А кот прыгает — раз, другой, разбивает рыжую морду о стекло, падает, трясет башкой величиной с горшок. Снова мощно прыгает. Остается в изнеможении, но взгляд довольный, как у культуриста, вернувшегося с тренировки. А потом как навернет полупаковки «Китикета». Мы с Руфиной любимся: какой бы орден ему повесить на грудь.

— Слушайте, пора помянуть любимого поэта! — И Оскар вручил штопор самому молодому из нас — Даниилу Цою. — Бог так любил Милоша, что дал дожить до осыпания коммунизма в Польше.

— А в России сейчас свобода испаряется.

— Нина, так я об этом же говорю, — Вихорков нервно двинул локтем и рассыпал листы, лежащие на прозрачной папке Даниила Цоя. — У меня сын и невестка уехали в Израиль, а неугомонный Кремль — сами видите — куда повернул. Боюсь, что интернет переключат.

— Ну а в конце-то концов... мы же знаем, чем все закончится. Перед Страшным судом люди откажутся от свободы и поклонятся антихристу.

— Нина сегодня — катастрофист на пенсии, как Милош прямо! — покачал головой Оскар. — Но рецепт он дал — нужно все равно подвязывать свои помидоры.

— Да, так. Чем больше людей будут сохранять свободу, тем дальше они отодвинут день Страшного суда.

Голубь — Милош? — продолжал с интересом заглядывать к нам в комнату. Поэты всегда объединяют, даже после смерти.

А когда Чеслав Милош был жив, 1 июля 2001 года мы отпраздновали у нас же его девяностолетие и поздравили его телеграммой. Адреса не знали, поэтому решили: ну, пошлем прямо в Краков — поляки наверняка доставят поздравление нобелевскому лауреату.

Но вот прошло три года, и стоит уже посреди стола поминальная стопка для нобелиата, накрытая черной горбушкой.

А Вихорков между тем продолжал свой рассказ:

— ...сын собрался в Израиль и для кошки все документы выправил — для своей королевы Баси. Вы ведь не видели Басю, у нее лицо — как у умной белки. И вот надо им вылетать, а по РТР передают: забастовка в аэропорту «Бен Гурион». Игорь тут начал мучиться, выиграло в нем русское такое разрывание рубахи на груди: «Что будет с Басей? Нас посадят на другом аэродроме, в гостиницу там с кошкой пустят или нет, неизвестно... Ой ли взавой ли!» (Горе мне!) Это в конце концов в нем пробудилось материнское начало.

— Вихорков! Ты вообще-то понял-нет, что сейчас не до кошки Баси?

— Да у Милоша вечность в запасе — с укором посмотрел на всех Вихорков, — дайте же дорассказать!

Гости готовы были дослушать, но при условии, что все будет в железной последовательности: выпить-помянуть-закусить-выслушать.

— Слава, шевели руками — наливай! Нина, мы сардельки принесли — хорошо бы их сварить...

Все приняли, за исключением Цоя, который был за рулем. За то, чтобы земля Европы была Милошу пухом.

После чего Вихорков начал изображать всю историю в лицах:

— Я закричал на детей: если кошка там будет вам помехой... какое начало новой жизни в Израиле! Оставляйте ее в России, мы справимся. Ну и что, что она нас не знает. Немного-то знает. Дело в том, что квартиру дети уже продали и жили перед отлетом с нами. И каждый день Мяззер подходил к Басе и замахивался лапой, чтобы она не забывала, чья здесь территория. А когда она попыталась спрятаться на лоджии, он вообще пару раз успел полоснуть ее кинжальными когтями: это мой тренажер — мухоловка и птенцы ее! Не знаю, доберусь я до них или нет в следующем году, сейчас-то они, заразы, улетели, но уж прилетят весной — так не для тебя!

— Мне кажется, мы опять чуть-чуть забыли про Милоша, — не утерпел Оскар Муллаев. — Европа осиротела без него. И мы. Надо выпить за здоровье переводчиков Милоша: Натальи Горбаневской и Бориса Дубина!

На этот раз Вихорков не присоединился ко всеобщему вскрикиванию, засасыванию воздуха и закусыванию, он продолжал:

— Игорь с Лидой в среду улетели, а Бася весь четверг ела «Китикет», пила молоко, значит, надеялась. Но в пятницу уже она все поняла и легла на Лидину юбку, оставленную на стуле. В общем, закрыла Басенька свои глаза, закаменела и дышала все незаметнее. Видно, юбка хозяйки потеряла запах. Мы Басе говорили: забастовал аэропорт «Бен Гурион», они когда-нибудь приедут в гости, звонят каждый день и спрашивают про тебя, а мы врем, что Баська беседер (в порядке), и не стыдно тебе? У них, репатриантов, и так проблем миллион. Мы Басе и радио включали, уходя на работу, и чуть ли на колени перед ней не становились. На седьмой день кошку била дрожь, и Руфина сказала: всё, вызываем ветеринара или мы ее потеряем, а дети нам никогда не простят. Мы в это время уже зауважали кошек...

— А мы тоже уже себя зауважали, — зашумели люди, то есть гости. — Вон сколько сидим без выпить, слушаем про твоих из ряда вон кошек. Чтобы не загордиться, надо срочно выпить!

И вот некоторые гости пустились в этот процесс, а Вихорков показал свои руки — все в ужасных шрамах:

— Приходит ветеринар, лучший, светлый: сразу видно, что человек получает хорошие деньги. И в первую же минуту он заметил наш антикварный подсвечник: три грации. Руфина перехватила жаждущий взгляд и сказала: вылечите Басю — и подсвечник ваш. Не говоря уже о деньгах. За будущий подсвечник наш ветеринар взялся за дело основательно: открыл чемоданчик, достал всю свою аптеку. Он сказал: у кошек не только рефлекс, у них есть высшая психическая деятельность. Мол, Павлов не прав. У Баси суицидальный синдром. И сочинил сложную схему лечения, как для людей. Это двенадцать уколов в сутки: надо было вводить кошку в нирвану и выводить из нирваны. Внутримышечно — в заднюю лапку, подкожно — в загривок. Вот ты, Нина, помнишь, позвонила, а я тебе отвечаю: только что надел кожаные перчатки и куртку, у Руфины шприц наготове. А какovy у Баськи когти! — Тут Вихорков снова показал шрамы. — От перчаток — одни клочья. А сын звонит, и я не выдержал, уже три ночи не сплю, прорвало: так и так, спасем Басю или нет, но делаем всё. Игорь сразу: покормите ее рыбой. Про рыбу мы и не подумали, ведь наш Мяззер ее не любит, а ест только свой сухой корм.

— И рыба помогла?

— Да, Нина, да. Рыба победила стремление к саморазрушению. То есть Баська сначала колебалась, запах рыбы тянул ее в жизнь, но что это будет за жизнь — без любимых хозяев! Однако ведь они сами меня бросили, да и Лида уже совсем испарилась из юбки... Бася поела, и снова у нее стало лицо умной белки.

— Ура! — закричал Оскар Муллаев. — Теперь можно наконец о Милоше? Вспомним еще раз!..

— Нет, это еще не всё! — перебил его Вихорков.

— Как — не всё? — рассвирепели гости. — Баська жива, полнота жизни, чего тебе еще?!

— Много чего. Ведь Мяззер решил умирать. Гости застонали.

Но делать нечего: выслушали историю и про Мяззера, который подумал, что Баська захватила его территорию, а хозяева-предатели на ее стороне. Еще и рыбу ей варят... В общем, сразу он выцвел, стал видом, как бледная зимняя морковь. Залез — бедняга — под ванну, тоже отказался от еды, и вот уже его бьет дрожь. Хоть снова вызывай ветеринара, а подсвечник-то уже тютю! Там, наверное, квартира у ветеринара — музей антиквариата! К красной мебели — только текин! Да, ковры такие. Ну, Вихорков постелил простой коврик на полу ванной комнаты и лег. Разговоривал с

ним около часа: выходи, пока осень и стекло не замерзло, ты будешь — как всегда — провожать на работу, прыгнув на подоконник! «Я тебе помашу снаружи — ты мне лапой ответишь, а то ведь скоро зима, стекло затянется кружевным инеем, и ты хренушки там чо разглядишь, как ни царапай. Ты помнишь, как зимой царапал по инею! А еще ты забыл, что у тебя есть такая радость — птичка-мухоловка, настанет весна, она опять прилетит и будет радовать твой охотничий инстинкт, и снова ты будешь бросаться на нее, тренируя ударами об оконное стекло свою мощную рыжую морду. Что касается кошки Баси, то скажу тебе как мужик мужику: действуй! Рядом с тобой такая модель ходит, и как она течет — на четырех лапах!» Но этот братский тон не прошел, Мязузер еще глубже забился под ванну и закрыл глаза от отвращения, и Вихорков тогда залепетал, как классная дама: «Да у вас с Басей, да потом, да будут дети-рыжики»...

Все мы засмеялись, потому что Вихорков был живой комод, который вдруг заговорил нежным умирающим голосом.

— А что? — поднял брови Вихорков. — В самом деле Иван Петрович Павлов не прав. У животных не только рефлексы. У них есть что-то высшее... Я стал потихоньку Мязузера выколупывать из-под ванны, продолжая сюсюкать, прижал к груди, а Руфина уже поднесла черепушку с молоком. И все наладилось...

Молодой поэт Даниил Цой то поправлял козырьку на волосах, то вынимал из папки листы, то обратно их туда помещал. У его жены, сидящей рядом, блузка с глубоким вырезом на груди, а в упругой ложбинке — серебристый мобильник. Так что Пушкин, увидев ее, мог бы написать: «Ах, почему я не мобильник». И раздался звонок. Она выхватила аппарат из волшебной долины:

— Да, слушаю. Лес? Какой лес? А, поняла, лес на продажу! Передаю трубку мужу.

И тут молодой поэт Даниил Цой из блистательного преподавателя университета, неистового поклонника Милоша (который ему снится) превратился в коммерсанта. Глаза заблестали капитализмом, а на острие голоса появились кубометры, проценты, переводчики с японского. Когда разговор закончился, он обратился к нам:

— Почему здесь не сидит ни одного переводчика с японского? Эх, Слава, зачем ты без фанатизма учил японский!

— А почему роща деревьев сама не решает, кому и на что отдать свою плоть? На бумагу ли, чтобы вышла книга... Кстати, некоторые хитрецы-писатели подкрадывались бы к ней, обещая: у нас есть удобрения, на этом месте новая роща вырастет. А роща бы им отвечала: пусть мой совет деревьев скажет. А деревья хватят хитреца за шкуру мощными ветками и как катапульта — за тридцать земель. Он летит и говорит: подумай, зачем мне роща, да уже начинают из песка бумагу делать — белую, вечную. Ес хватит на всё. Упал он на чистый, желтый песок, зачерпнул его в горсть, любитесь, а песок прокашлялся и изрек: хрен я тебе дам себя на твою книгу. А Чеславу Милошу роща махала бы своими кронами: сюда, сюда! Я дам тебе столько бумаги — на все книги, что ты написал!

Зазвенело нетрезвое стекло, Вихорков встал и добавил:

— Чеслав, передай Ивану, что он не прав.

* * *

Да, пришло время сказать, что в прозрачной папке у Даниила. Там у него, во-первых, девять стихотворений, которые он написал в промежутке между рубками двух рощ. Во-вторых, благодарный ответ Милоша на наше поздравление с девяностолетием: «Как я рад, что далекие камни Урала становятся камнями Европы». А в третьих, в папке оказались наши стишки, но не размышляющие, как у Даниила, а...

Впрочем, смотрите сами.

Индеец трясет томагавком:

Привет Милошу!

Чукча пишет эссе

«Однако, Милош!».

Бежит поэт Лаптищев:

А ну его, Милоша:

Коммунистам не давал,

И фашистам не давал!

И помчался патриот

Просвещать родной народ.

Пораженный же Чеслав

Зарыдал среди дубрав.

8 октября 2004, Пермь

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

№3 журнала «Новая Польша» за 2004 год открывает очень интересная статья А.Колаковской «Imagine... Интеллектуальные истоки политкорректности». Сразу хочу сказать, что примерно на 90% я согласен со всем, что в ней написано. Но письмо, естественно, посвящено тому, с чем я не согласен.

* * *

Хотя меня на Украине политкорректность еще не успела «достать» так, как А.К., я разделяю ее крайне скептическое отношение к ней.

Когда она иронизирует: «...того, что называют объективной истиной, не существует — это авторитарное понятие, вымышленное и навязанное западной цивилизацией, чтобы угнетать слабейших... Каждый имеет право на высшее образование, особенно если он не умеет ни читать, ни писать. А если вдобавок это негритянка-лесбиянка, то дать ей кафедру... В любой школе должны быть специальные занятия для детей, у которых трудности с чтением, которым трудно не воровать. Уроками для детей, у которых таких трудностей нет, можно будет когда-нибудь заняться, если найдутся время и деньги. Экзамены — элитарный метод репрессии... Каждый имеет право на исполнение всех своих чаяний, а точнее, имеет право требовать от государства, чтобы оно их исполнило... Президент Буш — опасный дурачок во главе империалистического государства, которое угрожает миру во всем мире...» — я практически во всем с ней согласен.

Но (в отличие от А.К.) я думаю, что опасны не сами эти позиции (как бы абсурдны ни были многие из них), а *интенсивность* пропаганды, та ненависть, которую вызывает любая критика этих лозунгов, или (что, может быть, еще опаснее) та снисходительная презрительность, с которой «прогрессивная общественность» относится к тем, кто этих взглядов не разделяет.

Между тем эта ненависть или это снисходительное презрение одинаковы и там, где проповедуются политкорректность, и там, где пропагандируется социализм того образца, который проповедовался в России в начале прошлого века вкуче с ненавистью ко всем царям, — или тот консерватизм вкуче с поклонением этим царям, который проповедуются в России в начале века нынешнего.

И опять, и опять:

«Другая важная черта политкорректности — уверенность, что единственная настоящая власть — это государство и что оно должно законодательно регулировать все сферы жизни, вплоть до семьи...»

Далее А.К. приводит ряд аргументов на этот счет (вплоть до того, что «в Англии на волосок не прошел закон, запрещающий родителям шлепать своих детей»), и делает вывод: необыкновенно характерная черта политкорректной идеологии — вера в то, что необходимо необычайно сильное государство, что вся власть должна быть сосредоточена в государстве.

Я верю, что ее аргументы правильны. Но опять-таки:

— разве это специфическая особенность политкорректности?

Помилуйте...

Об этом толковали философы Просвещения, считавшие, что лучшая система, какую только можно изобрести, — это просвещенный монарх на троне (желательно — абсолютный). А если мне возразят, что философы Просвещения тоже были либералами (что верно лишь отчасти, но пусть даже так), то я напому Платона, китайских легистов... Да мало ли кого?

Все дело в том, что человек, который имеет возможность давать советы царю, всегда склонен переоценивать свое влияние (а также его продолжительность) и потому склонен предаваться иллюзии, что его «подопечный» — если не лучший из правителей, то уж, во всяком случае, лучший из мыслимых правителей и крайне желательно обеспечить этому монарху максимум власти; то, что в некоторых случаях речь идет не о монархе, а о Республике или еще каком-нибудь государственном устройстве — сути дела ничуть не меняет. Сегодня «политкорректные» имеют достаточно значительное влияние на ход дела и на законодательство демократических стран — и потому хотели бы дать этому Государству как можно больше власти. Отнимите у них эту возможность (допустим, что завтра ветер переменится, и господствующей станет другая идеология) — и не далее чем послезавтра вы увидите, как все они превратятся в антиэтатистов, последовательных и стойких... вплоть до момента, когда они вновь окажутся у власти.

То, что А.К. считает характерной особенностью данной идеологии, — по моему мнению, общая черта всех идеологий, претендующих на универсальность.

Но — возвращаясь к статье А.К. — когда она приводит в качестве характеристики политкорректности «...уверенность в том, что а) все приличные люди согласны с основополагающей либеральной идеологией; б) каждый, кто с ее содержанием не согласен, заслуживает вечного осуждения; в) каждый, кто отрицает, что такое всеобщее согласие существует, тоже заслуживает вечного осуждения», — вновь вынужден возразить. Тут политкорректность (как таковая) ни при чем. Это уверенность любой фанатичной веры. Или фанатичной идеологии.

Впрочем, с одной мыслью я согласен полностью (или, по крайней мере, сегодня мне кажется, что полностью). Это мысль о том, что политкорректность, будучи «своего рода фетишизацией либерализма, ведет (неизбежно, как всякая фетишизация) к измене ему». Действительно, фетишизируя ту или иную идею, вы в конечном счете придете к отказу от нее.

Но никак я не могу согласиться со следующей фразой: мол, политкорректность исходит, *как и либерализм* (курсив мой), из эгалитарной картины. Это означает лишь то, что А.К. «либерализмом» называет его американскую версию, которая похожа на либерализм, как гвоздь на панихиду.

А что же такое либерализм?

Это отдельная тема, которую я отнес в конец своего письма. Теперь же перейду ко второму.

По мнению А.К., «либеральная мысль абстрактна и универсальна, а консервативная — практична и индивидуальна. Либерализм легко может превратиться в идеологию, консерватизм — с трудом...»

Однако она — будучи, судя по всему, сторонницей консерватизма — пишет эту статью главным образом с целью дать по возможности формализованное определение политкорректности (это бы полбеда, но...), и притом определение, выдержанное строго в «либеральном» духе.

А.К. предлагает вместо того, чтобы изучать явление в его целостности, дать ряд формальных признаков, его определяющих. В этом я (должен заметить) не вижу ничего дурного. Но дело-то в том, что такой подход как раз характерен для того метода мышления, который А.К. называет «либеральным», я же, как математик, предпочитаю называть алгебраическим.

Ничего плохого в этом нет. Однако нехорошо одной, так сказать, рукой развивать сокрушительную критику «либерализма», а другой — писать статьи в строго «либеральном» духе.

Третье. Попробуем разобраться с самим определением.

А.К. пишет:

«Предварительное определение могло бы звучать так: политкорректность — идеология левая; эгалитаристская и антиэлитарная; враждебная культуре и ценностям Запада; догматическая и нетерпимая, хотя и провозглашающая терпимость; тоталитарная, ибо желает подчинить своим требованиям мышление во всех областях жизни; опирающаяся на абстрактные принципы, перевешивающие здравый разум; делящая общество на группы, которые становятся группами с собственными, обособленными интересами; характеризующаяся презрением к людям, фактам и уму и в то же время провозглашающая своей целью справедливость и благо человечества...»

...К вышеприведенному предварительному определению можно, следовательно, добавить: «отрицающая, что она — идеология» (или попросту: «отрицающая свое существование как идеологии») и «предписывающая веру во всеобщее либеральное согласие».

Очень интересный и важный момент. «Идеология, отрицающая, что она идеология». А.К. считает, что она напала на важный и нетривиальный признак. Я противоположного мнения.

Я думаю, что идеология и не может быть иной. Идеология, если она «всерьез», обязана отрицать, что она — идеология. Точно так же, как вера в прошлом веке обязана была отрицать, что она — вера.

Каждая вера-идеология на протяжении долгой истории человечества успеваеет себя сильно скомпрометировать. К XIX веку выяснилось, что само слово «вера», «религия» включает в себя много такого, с чем человечеству очень хотелось бы расстаться — и не без причины. И потому, когда пришла новая Вера (марксизм) — она объявила, что она не есть вера, что вы! Она — идеология, то есть нечто совершенно иное, ничего общего не имеющее с вредными предрассудками прошлого.

Но прошел век — и оказалось, что слово «идеология» обросло не менее негативными ассоциациями. Вера? Ах, вы имеете в виду религиозные преследования, костры, а главное — обязанность всеобщего единомыслия? Нет-нет, мы этого не хотим, у нас не вера, а идеология... — Идеология?! То есть вы — как большевики, как нацисты?? — Ладно, ладно. Мы уже отказались от слова «вера» — откажемся теперь и от слова «идеология». Отныне вера-идеология берет себе новое имечко и будет называться «языком», «вопросом языковой вежливости».

«Лиса в курятнике? Какая лиса? Здесь никого нет, кроме кур», — иронизирует А.К., и тут я с ней полностью соглашаюсь. От того, что вера стала называть себя идеологией, а идеология — языком, суть дела меняется только в худшую сторону. От самых опасных проявлений религиозного фанатизма общество к XIX веку уже успело выработать достаточно надежные прививки — лишь для того, чтобы попасться в лапы жестоких идеологий,

притворявшихся, что не имеют ничего общего с фанатичной, нерассуждающей верой. От самых опасных проявлений коммунистической идеологии общество к концу XX века сумело выработать прививки (сегодня с коммунистами уже можно разговаривать, а вот с украинскими националами или с западными гендершами — навряд ли) — но оно еще не научилось бороться с новой разновидностью болезни.

* * *

Теперь — о том, что же такое либерализм.

Слово это использовалось в разных странах и в разные эпохи весьма по-разному. Нынешняя американская версия — это скорее социал-демократия, чем либерализм. Есть нынешняя российская версия «дикого либерализма», иначе говоря — апология дикого капитализма. Мне эта версия тоже не кажется «канонической».

Начнем с того, что российский либерализм слишком густо замешан на марксизме, иными словами — он почти полностью игнорирует все запросы человека, кроме денежных.

Советская система, которая якобы исповедовала материализм, на деле погрязла в самом махровом идеализме. У нас всегда считалось, что материальные стимулы работы — это что-то ненормальное и люди должны работать, потому что им нравится работа, потому что бесплатный труд морально выше, чем платный, и так далее. Вне зависимости от того, верно это или нет, насколько такой подход перспективен и прочее, — ясно, что материализмом тут и не пахло.

И напротив: сегодня материализм заклеен, предполагается, что все стали христианами, то есть верят в нечто идеальное. — И взгляните, какому богу все они поклоняются? — Маммоне... Тоже мне идеалисты...

Социал-демократия выгнала либерализм в дверь. В результате он «влез в окно», причем влез в худшем своем виде: как философия клыкастых.

Западный мир поступил иначе. Он провозгласил доктрину «прав человека» как высшей ценности. Казалось бы, прекрасное дело. Оно бы и было прекрасным, не будь оно доведено до абсурда.

Исходя из принципа неотъемлемых прав человека, решили: надо обеспечить человеку все эти права. Надо, чтобы государство ему гарантировало обеспечение на случай болезни, старости и прочее. Хорошо?

Но результатом стало то, что общество разрушило связи между людьми, которые базировались отчасти на человеческих чувствах, отчасти на необходимости. В прежнем обществе семья была необходима просто потому, что в одиночку человек бы не выжил.

Теперь он может выжить, пользуясь социальными программами.

Рассмотрим для примера такой обычай, как гостеприимство.

Возьмем три точки: какой-нибудь дикий народ гор, с кровной мстостью и вечной готовностью к грабежу, вроде чеченцев или шотландцев XVII века; современных европейцев; и в качестве промежуточной точки — русских середины XX века.

И мы сразу увидим четкую обратную зависимость. Чем более цивилизован народ, тем меньше в нем гостеприимства.

Европейцы (по слухам) вообще не принимают гостей. Если какого-то человека из деловых соображений нужно принять — его ведут в ресторан.

Русские умеренно гостеприимны.

А сын гор не просто примет того самого путника, которого он бы спокойно зарезал, если бы встретил не на пороге своего дома, — но подарит ему все, чего тот попросит. А завтра, может быть, встретит на дороге и все-таки зарежет.

Дети гор не выжили бы без строгого, формализованного набора обычаев, гарантирующих взаимовыручку. А цивилизованным людям это не обязательно для выживания — и обычаи взаимодействия людей исчезают.

Но вернемся к либерализму. Это философия прав человека. Но кто должен защитить его права?

— Государство, — говорят сегодняшние этатисты.

Но, предоставив человеку уйму прав и обязав государство заботиться о соблюдении всех этих прав, вы неминуемо придете к Всемогущему Государству, примерно к тому миру, который изобразил Оруэлл в «1984»... ну, может быть, менее жестокому, но столь же всемогущему.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, напомним, что Оруэлл предсказывал, что государство Англо-социализма уничтожит всю старую литературу, оставив только некоторые, важные по идеологическим причинам, тексты — но переписав их по-новому.

Казалось, что это — мрачная антиутопия.

А обратитесь сегодня к Шекспиру!

Можете ли вы сегодня поставить «Венецианского купца»? Сомневаюсь. Там отрицательный образ еврея.

А «Укрощение строптивой»?

Тем более нельзя. Взбесятся гендерши.

А «Кориолана»? «Тита Андроника»?

Скоро придется Шекспира переписывать. Во славу политкорректности.

Однако, может быть, не нужно отдавать столько прав государству? Может быть, есть другое решение: надо создавать множество общественных организаций, которые и возьмут на себя защиту интересов граждан?

Казалось бы, это решает вопрос? Нет. Среди таких организаций нет и не может быть организации, которая бы защищала ваши права как человека.

И по очень простой причине. Коль скоро мы имеем дело уже не с государством, а с организацией «по интересам» — она и будет вас защищать не в качестве человека, а в качестве женщины, слесаря или лесбиянки.

А тем самым и вы, незаметно для себя, из человека превращаетесь в еврея или грузина, в мужчину или женщину, в капиталиста или представителя рабочего класса...

Вы перестаете быть личностью. Вы становитесь «типичным представителем» (или, может быть, нетипичным, не в этом дело).

Они раскалывают общество, внушая человеку мысль, что он — не личность и не член общества; в первую очередь он (она) — негр, женщина, токарь (член профсоюза) и так далее.

«Политкорректность» особенно оскорбительна и унижительна, — пишет А.К., — как раз для членов тех групп, о благе которых она якобы заботится: нацменьшинств, женщин, гомосексуалистов. Каждый воспринимается «в качестве» — женщины, чернокожего, гомосексуалиста. Меня лично оскорбляет и унижает внушение, что все, что я делаю, — я делаю «в качестве» женщины».

— И я опять с ней совершенно согласен...

Так что же, в конце концов, либерализм для меня лично?

Похоже на то, что лучше всего об этом говорят слова, которые Гете вложил в уста слепого Фауста:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

кто каждый день за них готов идти на бой...

Там, где есть свободные люди, отсутствие политической свободы или других свобод — это лишь досадные временные неувязки; эта проблема решится довольно быстро.

То есть, конечно, в принципе можно этих людей истребить до последнего человека, прецеденты были; но если не применять столь радикальные меры — то власти, какой бы жестокой или коррумпированной она ни была, ничего другого не остается, как постепенно реформироваться и приспособиться к своим свободным подданным.

И наоборот: если у вас в наличии нет свободного народа, то никакие записи в конституции не помогут.

В заключение — финал статьи А.К.

«Но что оно такое — то, что может состояться? Напоминаю определение: политкорректность — это идеология левая; эгалитаристская и антиэлитарная; враждебная культуре и ценностям Запада; догматичная и нетерпимая, хотя провозглашающая терпимость; тоталитарная, т.е. желающая подчинить своим требованиям мышление во всех областях жизни; опирающаяся на абстрактные принципы, перевешивающие здравый разум; разделяющая общество на группы, которые становятся группами со своими собственными, обособленными интересами; характеризующаяся презрением к людям, фактам и уму и в то же время провозглашающая своей целью справедливость и благо человечества; добивающаяся максимального вмешательства государства в жизнь и желающая любую сферу регулировать законодательно; признающая групповую принадлежность основополагающим критерием общественно-политической деятельности.

Этого описания угрозы должно бы хватить. Можно лишь надеяться, что мы не забудем тот рай, который уже видели».

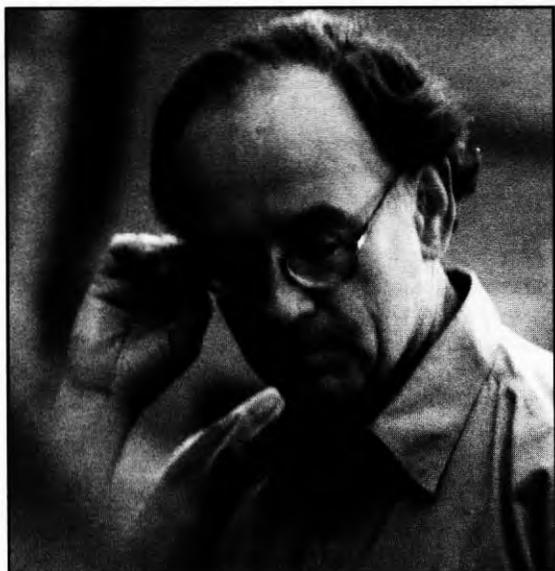
Единственное, с чем я не согласен, — с тем, что она вновь злоупотребляет аргументом «это очень похоже на советскую систему и потому плохо». Мне не нравится (опять-таки) не сам аргумент, а то обстоятельство, что им бессовестно злоупотребляют. Результат может оказаться весьма печальным: если слишком часто кричат «волк, волк!» там, где волка нет или он далеко, — известно, чем кончается дело, когда волк все-таки приходит.

С уважением
Алексей Тольго,
математик, политолог
Киев

ЖАЖДА МЕТАФИЗИКИ ПО-ПРЕЖНЕМУ СУЩЕСТВУЕТ

*Беседа с профессором Каролем Тарновским,
заведующим кафедрой философии Бога Папской богословской академии в Кракове*

— С 60-х гг. прошлого столетия некоторые теоретики политических движений утверждали, что наступил конец века идеологий. Действительно ли это так?

— Это зависит от того, как мы понимаем, что такое идеология. Идеология может быть картиной мира, которая способна сильно мотивировать поведение людей и одновременно служит власти как орудие манипуляции. Такие идеологии часто носят более или менее религиозный или парарелигиозный характер, как это было с марксизмом, а до известной степени и с национал-социализмом. Под такое понимание идеологии подходят, на мой взгляд, главным образом два ее типа. Один из них — всяческие виды национализма, т.е. идеологии ограниченного радиуса действия, так как они от-

носятся к отдельным народам, нередко легитимирующим себя обращением к религиозному универсализму. В России, например, по-видимому, существует сейчас своего рода религиозный национализм или националистическая религия — такое «блокирование» православия и великодержавной ностальгии. Второй, на мой взгляд, отдельный тип таких идеологий — исламский фундаментализм, который несомненно представляет собой резкую идеологизацию религии, но не связан ни с какой конкретной нацией, хотя в нем и преобладает «арабская стихия».

Если же под идеологией понимать некий не до конца ясный, зато насыщенный «аксиологическими эмоциями» цивилизационный проект, то идеологией несомненно окажется как глобализм, так и антиглобализм. И у них тоже есть религиозный подтекст.

Идеологии в мире всегда так или иначе наличествуют, хотя сейчас они и не носят тоталитарного характера, как в XX веке, — разве что за исключением исламского фундаментализма, который выглядит кандидатом в тоталитаризмы. Другое дело, что те идеологии не вполне умерли, и кто знает, не возродятся ли они еще, как это происходит с неонацистскими движениями.

— В таком случае можно ли сказать, что партии и общественные движения руководствуются скорее прагматизмом и рационализмом?

— Прагматизм никогда не покидал политику. Партии руководствуются в первую очередь узко понимаемым прагматизмом, то есть прагматизмом «центробежным», направленным на заботу

о собственных интересах, и он по-своему рационален, но редко способен увидеть целое: государство, цивилизационный регион или мир. Между тем рациональное — в смысле, существующем по крайней мере со времен Канта, — характеризуется способностью увидеть некое *целое*. В этом значении рациональна партия, которая заботится об «общем благе» и знает, как это делать. На самом же деле партии прежде всего бросают громкие лозунги исключительно себе на потребу, что особенно хорошо видно в предвыборный период.

Рациональна скорее сама система демократии. Она реалистически считается с противоречиями, позволяя им сталкиваться, «вступать в переговоры». Двигатель рациональности этой структуры — это по сути дела гераклитова идея «единства противоположностей». Борьба — как дело действительно неизбежное — допустима, но принцип демократических выборов и правового государства удерживает эту борьбу в равновесии, не позволяя силе иррациональной (ибо не встречающей легального сопротивления) достичь решительного перевеса и излиться наружу. Но демократия остается явственным хрупкой, как это хорошо видел еще Платон.

— *В США избиратели сознают, что предвыборные лозунги — это некая словесная игра, никто там до конца не ожидает их осуществления. В Польше же, когда они не осуществляются, возникает сильное разочарование. О чем это свидетельствует? Доказательство ли это большей зрелости американской демократии?*

— Американцы, пожалуй, лучше понимают условность «политической игры» и в таком смысле воспринимают предвыборную кампанию. У нас же ее трактуют очень всерьез, поэтому, вероятно, мы куда сильнее переживаем т.н. неисполнение предвыборных обещаний, которое неизбежно, ибо факты и события определяют, что удастся, а что не удастся сделать. Иное переживание выборов в Америке — результат не большей зрелости, а скорее стабильности устройства. У Америки за спиной несколько веков демократической процедуры, выстроена форма самоуправления штатов, их сравнительной независимости. В связи с этим американцы живут главным образом в пределах сво-

его штата, обладающего очень большой властью. Разумеется, в такие моменты, как 11 сентября, они способны к солидарности. В тот день они осознали, что опасность грозит им в целом — как нации. Но в общем американцы, по-моему, не принуждены слишком интересоваться политикой.

Мы же в свою очередь обязаны ею интересоваться, так как у нас демократия неустойчивая. Тем не менее у нас как раз заметен отход общества от заинтересованности политикой, вызванный печальным опытом поведения политического класса. Это понятно, но свидетельствует о незрелости общества. Однако больше всего о незрелости свидетельствует то, что «конструктивная субъектность» гражданского общества, то есть склонность проявлять инициативу снизу, брать дела в свои руки, по-прежнему невелика.

— *Можно ли идеологию полностью заменить прагматизмом? Эмиль Чоран утверждал, что мы всегда действуем под влиянием зачарованности невозможным.*

— На мой взгляд, «утопический», то есть попросту идейный, элемент нельзя до конца заменить прагматизмом. Если общественная жизнь опирается лишь на прагматически-потребительские элементы, то начинает происходить что-то нехорошее. Нарастают агрессивность и нигилизм, показывающие, что людям нужно иметь в основе ценности, которые в состоянии мотивировать жизнь, ради которых *стоит жить*, а в иных случаях и умирать за них. Потому-то в обществах, где нет настоящих авторитетов: духовных, интеллектуальных, политических, — начинается разложение. Ценность — это стержень, как говорил Юзеф Тишнер, «мира человеческой надежды», и задача авторитетов — показать перспективу надежды, ибо по существу это в жизни и важно. Люди не могут жить без надежды.

Да только, разумеется, существуют обманчивые надежды, утопические. В марксизме мы имели дело с карикатурой надежды, и она была утопией в прямом смысле слова, была «без места», ибо не считалась с тем «местом» надежды, какое представляет собой конкретный человек. Она перечеркивала человечность, лежащую глубже всяческой классовой обусловленности, и человек-

ность эту коммунизм помещал в светлое будущее. Есть существенная разница между такой утопией и религиозной историософией, которая тоже говорит об эсхатологическом пределе (для марксизма таким пределом был коммунизм), но помещает его *вне* времени и поэтому может придавать смысл *каждой* прожитой минуте, а одновременно созидать картину истории в целом, где история как целое тоже имеет смысл.

Замечание Чорана о действии под влиянием невозможного очень верно. Человек хочет вновь и вновь преодолевать барьеры. В обществах западной цивилизации это дополнительно разгоняется идеей прогресса. Прогресс испытан в науке и технике, его переносят на другие области, хотя бы на спорт. У человека в потенциале бесконечность, так как он всем своим бытием открыт к Бесконечности, или Абсолюту, которым сам он никогда не станет. Роль религии — напоминать об *абсолютной мере*, которая не столько тормозит на пути к «невозможному», сколько показывает надлежащее направление и предназначение этого пути. Когда эту меру теряют из виду, бег к невозможному может преобразиться в безумие или преступление.

— *Чоран утверждал также, что история — противоядие на утопию. Пожалуй, это не до конца проверяется на опыте. Человечество продолжает совершать те же самые ошибки.*

— Это верно, однако реактивизация марксистской утопии, пожалуй, уже невозможна.

— *Старейшина европейских левых Эрик Нобсбоум считает, что марксизм в своей классической форме не сохранился, но от него остается марксистский анализ развития капитализма, ибо он предсказывает развитие капиталистической глобализации.*

— В каком-то смысле это верно, ибо в марксистских тезисах, которые нам казались примитивными, все-таки можно усмотреть кое-что ценное. Корпорации действительно монополизируют экономику и в огромной мере руководят нашей жизнью путем концентрации капитала и поисков дешевой рабочей силы во всем мире. С тем лишь, что глоба-

лизм означает не только и исключительно это. Глобализм — определенное цивилизационное предположение, которое в целом, однако, несет в себе некий идейный потенциал, а именно идею прав человека. Эта идея движима христианским и стоическим представлением о единстве рода человеческого. Это своего рода миссия, быть может, служащая идеологическим прикрытием каким-то чисто прагматически-политическим стратегиям, но легитимизацию глобализма она в себе заведомо несет. Однако, как и все глобальные идеи, она небезопасна по причине, о которой часто говорит Рышард Капустинский: мир невероятно дифференцирован с точки зрения зажиточности (включая полное ее отсутствие), культурных кругов, климата и т.п.

— *Однако антиглобалисты из разных частей света, пожалуй, немало опираются на марксистские идеи.*

— Я рассматривал бы это как идеологическую потребность, реакцию на безыдейность Запада, — впрочем, эта реакция удовлетворяется упрощенными схемами мышления.

— *Профессор Ежи Эйслер недавно сказал, что после краха марксизма в мире наряду с глобализацией стали популярны еще две идеологии: феминизм и экологизм. Существует ли опасность, что они станут очередными «измами» в негативном смысле?*

— Безусловно. В настоящее время мы можем заметить идеологизацию на уровне нравов, которая сильно проникает в политическую сферу и, становясь «политкорректностью» в сфере нравов, нередко оказывает влияние на политические решения *sensu stricto*.

Феминизм, необычайно важный как движение, выдвигающее на первый план достоинство женщины и полноту прав для нее, одновременно ведет к форсированию сомнительных и как раз идеологизированных взглядов. В богословской сфере мы видим например, попытки феминизировать Бога: «She Who is», «Та, Кто есть» — таково громкое название книги сестры Элизабет Джонсон. Я не библеист, но то, что я из этой книги понял, позволяет только подчеркнуть *также* материнские черты, которые проявляет ветхозаветный Бог, когда, например, словами Исаии обещает уте-

шить Израиль, «как утешает кого-либо мать его». Но отсюда очень далеко до ликвидации или хотя бы приуменьшения Божественного отцовства. Отцовство Бога — нечто совершенно основополагающее, ибо основополагающе и *человеческое* отцовство, ныне как архетип утраченное. Я думаю, что Иоанн Павел II оказывает такое сильное влияние на молодежь благодаря, в частности, благодатному дару отцовства. Я знаю это, так как мы с женой оба были его воспитанниками. Попытки феминизировать Бога направлены на то, чтобы произвести очень опасную операцию над психологическими архетипами и фундаментальной, экзистенциальной символикой. Тем самым ослабляется некий принципиальный порядок, который следует обогащать, а не подрывать.

Наряду с феминизмом пример идеологизации в области нравов — своего рода рекламирование гомосексуализма с попыткой предложить модель семьи, отличающуюся от традиционной. Здесь для либерализации нравов используется справедливое требование деликатности и терпимости, которое, однако, превращается в своего рода идеологический шантаж, требующий решительного отказа от основополагающей, укорененной в человеческой сексуальности *меры* или модели человеческой семьи. И опять-таки эта модель по определенным причинам может допускать некоторые исключения, но наверняка не может быть отброшена.

— *Угрожает ли демократии неолиберализм — который антиглобалисты считают современным тоталитаризмом?*

— На мой взгляд, угрожает. Но тут нужна крайняя осторожность. Одно дело либерализм экономический, другое — либерализм в области нравов. Я не экономист, но мне кажется, что в экономике альтернатива либерализму — этатизм, из которого ничего хорошего не вышло. А в сфере нравов либерализм в конечном счете означает релятивизм. Между тем демократия, как я уже говорил, — структура хрупкая, устойчивость которой частично зависит от общего согласия на «неоспоримые ценности», хорошо укорененные в традициях цивилизации; слой обычаев и традиций в этой идее необычайно важен. Например, в Англии устойчивость демократии, по-видимому, частично зависит

от такой «условной», чисто символической, но стойкой традиции, как конституционная монархия. Ее роль состоит, с одной стороны, в том, чтобы воплощать в настоящем историю страны, в чувстве постоянного отождествления с ней и вытекающей отсюда силы, а с другой — в напоминании, что не все можно купить, произвести и рассматривать как орудие, меняемое на деньги, что есть «бескорыстные» ценности и институты, по сути дела декоративные, но несмотря на это важные. Монархия в некотором смысле совершенно условна, но в ней лежит — разумеется, намного больше в ее идее, нежели в осуществлении — нечто здоровое. Разумеется, альтернатива либерализму нравов — не условная игра, а, наоборот, некий нерушимый стержень высоких ценностей.

Либерализм в нравах — сам термин несвободен от идеологического оттенка — угрожает демократии тем, что в целом выдвигает на первый план эгоизм, который препятствует мобилизации и самопожертвованию, без чего построение здоровой цивилизации невозможно.

— *Жива ли идея христианской солидарности в Польше, католической стране?*

— Эта идея проявляется в моменты внезапной нужды в ней. Поляки довольно охотно спешат на помощь нуждающимся, когда где-то за рубежом случается трагедия — наводнение, землетрясение, террористическое нападение. Куда хуже с христианской солидарностью в повседневной жизни. В Польше все ссорятся, повсюду взаимная зависть, обвинения, уязвленное самолюбие. Так было всегда. Нас характеризует болезненный индивидуализм и склонность к раздорам, которые не позволяют управлять страной. Нам присуще то, что Болеслав Пясецкий (фигура, кстати, довольно мрачная) назвал потерей государственного инстинкта и что в менее политических терминах можно определить как отсутствие заботы об общем благе.

— *А разве это не общая черта всех наций, которые на многие годы утратили независимость? Государственность у них ассоциируется с иноземной властью.*

— Боюсь, что вопреки, казалось бы, очевидности, Польша тут гораздо меньше оправдана, ибо утратила независимость в огромной степени как

раз из-за своей анархии, классового эгоизма магнатов и шляхты. По крайней мере со времен Ягеллонов поляки болезненно враждебны центральной власти. Мы не прошли ни через один из видов абсолютизма, который в свое время был кузницей цивилизации. Исторический опыт показывает, что страны, прошедшие период абсолютизма, к примеру английская, французская, немецкая монархии, укрепили свой цивилизационный потенциал. Достаточно сильная и уважаемая центральная власть необходима для того, чтобы можно было строить что-то разумное в долгосрочной перспективе. Я, конечно, не имею здесь в виду ничем не ограниченное, деспотическое всевластие, упорно защищающееся от реформ и неизбежно становящееся отсталым, ибо логика цивилизации — путь к просвещенной свободе.

— *Верны ли польские правые идеи христианской солидарности?*

— Прежде всего польские правые крайне незрелы. Если иметь в виду такие ныне активные партии, как «Право и справедливость» и «Лига польских семей», возникает впечатление, что мы имеем дело только с правыми задирами. Обе эти партии агрессивны, обе унаследовали худшие черты польского национализма, ксенофобского, антиевропейского и совершенно неконструктивного. Это ужасные традиции. Пока что мечтой остается желание увидеть зрелых и просвещенных польских правых, на самом деле преданных христианским и европейским ценностям, но не превращающих их в оружие против других и не придающих христианству инструментальный характер ради своих эгоистических целей.

— *Ричард Рорти считает, что демократия выиграла у философии, так как анархически понимаемая свобода ставится выше всех остальных ценностей. Имеет ли еще философия смысл существования во времена потребительской самореализации, ибо, пожалуй, так можно определить нашу современность?*

— Во-первых, философия — это факт, она существует в университетах и за их стенами. Затем: человек — существо мыслящее, способное задавать вопросы и обладающее потребностью

понимать действительность и постигать истину о самом глубоком смысле действительности. Как общества не могут обойтись без ценностей и перспективы надежды, так и личность не может обойтись без мышления, а философия — зрелая форма мышления. Она необходима как критическое размышление о том, что происходит, — критическое с перспективы какой-то меры. Эта мера — сам философствующий ум, но в той степени, в какой он подчиняется поискам и возможному обретению истины о действительности. С этой точки зрения такой опасной выглядит влиятельная сегодня философия Ницше, ибо она отрицает ценность воли стремиться к истине, ключевой для философии, во имя «воли силы», которая не выносит никаких мер, а значит, не выносит и истины. Не нужно забывать, что Ницше вместо философии, ищущей истину, предлагал философию соблазна, которая желает заменить конструктивно критическое мышление о действительности своего рода эстетической игрой, дополненной агрессивным разоблачением, пропитанным обидой (явление, которое Ницше открыл верно, но забыл применить к самому себе). Благодаря своему огромному таланту Ницше очень сильно повлиял на т.н. постмодернизм, который рассматривает культуру, в том числе и философию, как интертекстуальную игру, соотношения которой с действительностью искать напрасно.

Великие цивилизации всегда были проникнуты жаждой метафизики, и эта жажда не может совершенно пройти, ибо она входит в нашу человечность. В кругу западной цивилизации она ведет к размышлениям над действительностью, не сводящимся исключительно к регистрации исторических перипетий культуры, а доходящим до метафизики.

— *Но вы сами писали в журнале «Знак», что мы утрачиваем способность метафизического восприятия мира.*

— Это правда, утрачиваем. Однако я верю, что метафизика не утратится полностью. Несмотря ни на что у нее еще остается какая-то перспектива — да только ей не следует повторять метафизику прошлого. Метафизические вопросы не обязательно

сводятся к метафизическим ответам и не кончаются вместе с ними. Они устремляются всегда дальше, а значит, возможны разнообразные ответы. В настоящий момент, после философии Хайдеггера, переживает кризис великая традиция онтологической метафизики, идущей от Парменида. Но это вовсе не означает ее окончательного заката. Кроме того, прекрасные перспективы указывает метафизика, или скорей метафизическая этика Левинаса, укорененная в Библии и одновременно в философии Платона.

— Глядя с точки зрения истории человечества, можно увидеть некое правило: когда метафизика начинает брать верх над действительностью, наступает бегство в направлении рационализма — и наоборот. Быть может, после периода интенсивной технократизации мы заново обратимся к духовности?

— Вопрос: к какой духовности? Возвращение к духовности и религии уже происходит. Религиозность теперь, с одной стороны, носит более индивидуалистический отпечаток, с другой — ищет общин более подлинных и сжившихся, чем церковные. Но имеет место и довольно двусмысленная и аморфная духовность течения «Нью эйдж». Однако воистину опасен религиозный фундаментализм. В этом свете я с тревогой наблюдаю не только деятельность исламского фундаментализма, но и тот факт, что он находит сторонников в западных обществах. Все чаще люди обращаются из христианства или от агностицизма в ислам, притом, похоже, сразу в ислам радикальный и воинствующий. Это крайне опасно не только для западной цивилизации, но и для религии как таковой, ибо отбрасывает человечество вспять — от зрелой религии любви к религии племенной ненависти. Отбрасывает его вспять и от развитой богословской культуры к упрощенной религиозной идеологии. Но сам этот феномен показывает, что человеку нужно что-то большее, чем плоский прагматический рационализм.

Папа Иоанн Павел II неустанно указывает нам ценность конструктивного духовного и интеллектуального труда, радость преодолевать

лень и дешевый гедонизм. Молодежь инстинктивно ощущает в его словах истину — но способна ли она в самом деле пойти за его словами? Вот вопрос.

— Оказывает ли сегодня философия влияние на идеологию?

— Постмодернизм несомненно взаимодействует с неолиберальными философиями, что порой перелagается в политику. Существуют также явления с пограничья философии и какой-либо идеологии, такие, как, например, творчество Фригьофа Капры. Идеологизация философии — опасность, которая постоянно ей угрожает, вытекая из массовой культуры и господства медийной технологии. Философия, проникающая в медийную и информатическую культуру, как никогда получила шансы «попасть под каждую крышу» и интенсифицировать приток идей — за неизбежную цену уплощения и идеологизации. С такой же неизбежностью широкое кружение идей приводит к релятивизму, который хоть и способствует добродетели терпимости, но легко ведет — помимо нравственных последствий — к скептицизму и неверию в истину. Это в свою очередь, вместо того чтобы облегчать, затрудняет плодотворный диалог между культурами и религиями.

— Какие течения оказывают влияние на сегодняшнюю польскую философию?

— Можно сказать, все значительные течения современной философии. Есть те, кто принимает постмодернизм, есть сторонники английской аналитической философии, есть феноменология и герменевтика, есть томизм, который на Западе как раз исчез.

Все эти течения, выступающие в западной мысли, более или менее можно найти и в польской философии. Думаю, что сильная сторона польской философии — это философия ценностей, питающаяся самым интересным и плодотворным течением философии XX века — ранней феноменологией. Это еще далеко не исчерпанный метод мышления, притом мышления любознательного и честного. Философию ценностей, может быть, особенно хорошо представляют краковские философы: Юзеф

Тишнер, Владислав Стружевский, Влодзимеж Галевич и Яцек Филек. Из этой традиции вырос самый видный польский феноменолог Роман Ингарден*, а также Кароль Войтыла — Иоанн Павел II как философ.

Очень важная и оригинальная область польской философии — философия человека, а также опыт созидания новой, осторожно скептической метафизики. Пробуждается к жизни и польская философия религии.

— *С какими польскими философами, по вашему мнению, следовало бы познакомиться русским читателям?*

— Я назвал бы только четырех действительно необходимых польских философов. Первый из них, вне всякого сомнения, Лешек Колаковский** — философ, которого русским обязательно следует узнать, потому что он произвел серьезный расчет с марксизмом и сделал его историческое описание. Он также показал, и это крайне важно, как можно, выходя из марксизма, перебороть его, открываясь навстречу метафизическим и религиозным вопросам и строя пронизательную философию культуры и политики. Мысль Колаковского, не лишенная иронии и скептицизма, никогда не отказывается от рационалистической традиции и не впадает в искушение крайнего фидеизма в стиле Шестова.

Другой видный представитель польской философии — Барбара Скарга***, замечательный историк философии, но и собственно философ,

* Роман Ингарден (1893-1970), философ и эстетик, профессор Ягеллонского университета и действительный член ПАН, главный представитель польской феноменологии; создал свою теорию литературы и основы описательной эстетики.

** Лешек Колаковский (род. 1927), преподавал в Варшавском, Йельском университетах, в Оксфорде и Беркли; основные сочинения: «Главные течения марксизма», «Если Бога нет...», «Идеи»; в этом году получил премию им. Джона У. Ключе, присуждаемую Библиотекой Конгресса США за достижения в гуманитарных и общественных науках.

*** Барбара Скарга (род. 1919), изучала философию в Виленском университете, боец АК, арестована в 1944 г. и отправлена в советские лагеря, после возвращения (1954) продолжала учебу в Варшавском университете; основные сочинения: «Хлопоты интеллекта», «Между Конттом и Бергсоном», «Тождественность и различие».

занимающийся углубленной философией человека и построением основ метафизики. Выйдя из школы Колаковского, она ведет свои исследования иногда еще самостоятельней и пронизательней, чем Колаковский.

Третий крупный философ — мой учитель отец Юзеф Тишнер****. Это наверняка крупнейший польский христианский мыслитель, который вдобавок исключительно оригинально и самостоятельно анализировал проблематику зла тоталитаризма — зла Освенцима и ГУЛАГа. Тишнер — прирожденный феноменолог и герменевтик, в первую же очередь он представитель философии диалога, необычайно чувствительный к этическому аспекту философского мышления. Он прежде всего создатель оригинальной «философии драмы», показывающей фундаментальную связь человека с проблематикой добра и зла. Он также произвел — исходя из резкой критики «томистского христианства» — опыт решительного разрушения барьеров между философией и религией. Он считает, что честная философия человека не может обойтись без религиозной проблематики, которая, таким образом, не представляет чего-то внешнего по отношению к философии. Он называет это «религиозным мышлением», которое вносит в философию категорию спасения, благодати, а главное — отчаяния и надежды. Его мысль особенно нужна в странах, где все еще существует потенциальная опасность тоталитарного искушения и где не так-то легко питать надежду. Мысль Тишнера требует доработки и продолжения, ибо он очертил лишь основные принципы определенных типов анализа и ушел от нас преждевременно.

Наконец, четвертый философ — Владислав Стружевский. Типично академический философ, замечательный онтолог, эстетик, в высшей степени компетентный историк философии.

**** Свящ. Юзеф Тишнер (1931-00), профессор Папской богословской академии в Кракове, Ягеллонского университета, действительный член Польской Академии наук и искусств; создатель т.н. философии встречи; основные сочинения: «Польская форма диалога», «Мышление в согласии с ценностями», «Этика солидарности».

Я назвал здесь современных философов, но из философов прошлого крайне важен также вышеназванный Роман Ингарден, создатель польской школы феноменологии, ученик Эдмунда Гуссерля — того философа, первый труд которого, «Логические исследования», вскоре после выхода (1900) одними из первых перевели русские.

Думаю, что польские философы могут показать определенный стиль мышления рационального, но не догматического и в то же время не замыкающегося лишь метафизической и религиозной проблематикой.

— Пользуется ли признанием в Польше русская философская и религиозная мысль?

— Поляки издавна увлекаются Львом Шестовым, а также Достоевским — «Легендой о Великом Инквизиторе». С самого начала известен и оценен Николай Бердяев, автор «Нового Средневековья»; я, однако, считаю, что следовало бы лучше познать его «эсхатологическую метафизику», что может оказаться нетрудным, так как в последнее время на польский переведены все его важнейшие труды. Слишком мало пишут о Соловьеве, хотя известен он издавна. Стоило бы познакомиться с мыслью Мережковского и Розанова, столь близкого нашему выдающемуся художнику и писателю Юзефу Чапскому. Эти мыслители вводят в совершенно иную, нежели западная, атмосферу мышления.

— Вот именно, другая атмосфера. Чеслав Милош находился под сильным влиянием Шестова. Кажется, это даже упрочило их дружбу с Бродским. Мыслью Шестова несомненно можно увлечься, но может ли у нас, на католической почве, увлечение стать приятием? У Шестова же совершенно другая концепция идеи Бога и мира.

— Принимая во внимание течение польского рационализма, сильное как в львовско-варшавской школе и польской логической школе, так и в люблинском томизме, в этом действительно можно было бы усомниться. В Польше до войны была

самая сильная школа логической мысли в Европе, были также видные представители неопозитивизма, такие, как Айдукевич, Котарбинский, Чезовский. Это не прошло без влияния и на польский томизм, который в Люблине эволюционирует по направлению к аналитической философии. У русских в свою очередь есть замечательная семиотическая школа во главе с Якобсоном и Лотманом, но в Польше этот *sui generis* рационализм, пожалуй, сильнее проник в модель философствования. Кроме того в Польше нет глубокой традиции метафизической, богословской мысли.

Но нельзя забывать, что было в Польше и другое, более гуманистическое течение философии культуры, крупнейшими представителями которого были Станислав Бжозовский — испытывавший также влияние марксизма — и Мариан Здеховский. Оба, особенно Здеховский, проникновенно и глубоко воспринимали русских мыслителей, а Здеховский даже дружил с ними. Его замечательная книга «Романтизм, пессимизм и основы христианства», рисующая панораму пессимистического течения в философии от Блаженного Августина, Канта, европейских философов романтизма и вплоть до католических модернистов и Блонделя, включая Соловьева, Толстого и Трубецких, представляет собой по-прежнему живое и зовущее продолжать течение польской религиозной мысли.

Мне кажется, что, возможно, интереснее русской философии *sensu stricto* — богословие, особенно то его течение, которое формировалось в парижском Свято-Сергиевском богословском институте под влиянием о. Павла Флоренского и преподававшего там о. Сергия Булгакова: они и вышедшие из этого института Евдокимов, Лосский — выдающиеся богословы. Они показывают тот аспект христианства, который утрачен в протестантстве и даже в католичестве, — аспект пневматологической духовности, с помощью которого строится также великое богословие искусства и красоты. Мне лично, не только как философу, но и как пианисту, это течение особенно близко.

*Беседу вела
Сильвия Фролов*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Я.Садовский об интеграции
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
Я.Тазбир: Хрестоматия
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
Д.Шевнионков-Кисмелов: о выставке Москва-Варшава
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с М.Комаром и Я.Станишкис

СТИХОТВОРЕНИЯ

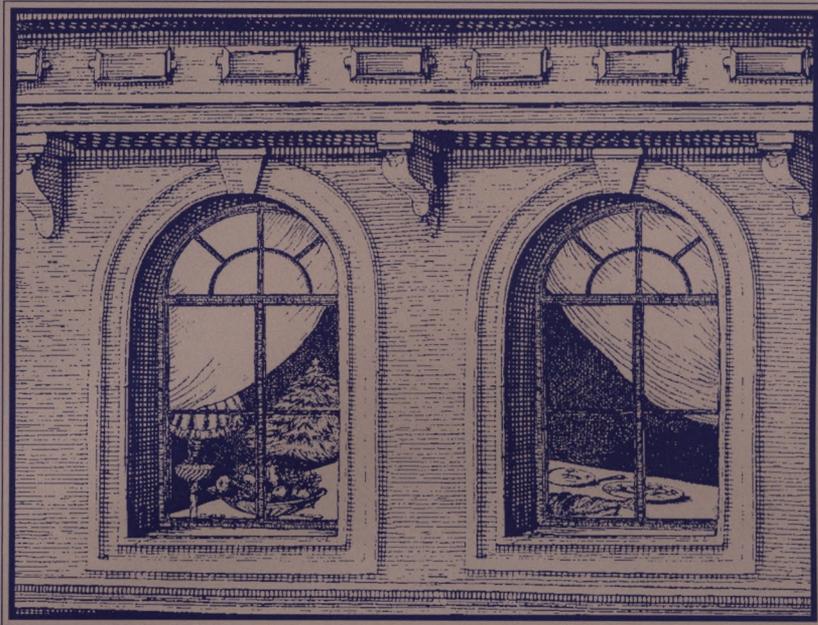
**Милоша, Стахуры, Бялошевского,
Яструна, Херберта и др.,
стихи польских цыган**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

С НОВЫМ ГОДОМ
И ПРАЗДНИКОМ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
ПОЗДРАВЛЯЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ,
АВТОРОВ И ДРУЗЕЙ
«НОВОЙ ПОЛЬШИ»

Редакция

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕКОМЕНДУЕТ
ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE
KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

dwutygodnik
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ
ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA
na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

1 2